

ЛЕХАИМ N 11 (2111)

НОЯБРЬ 2009г.

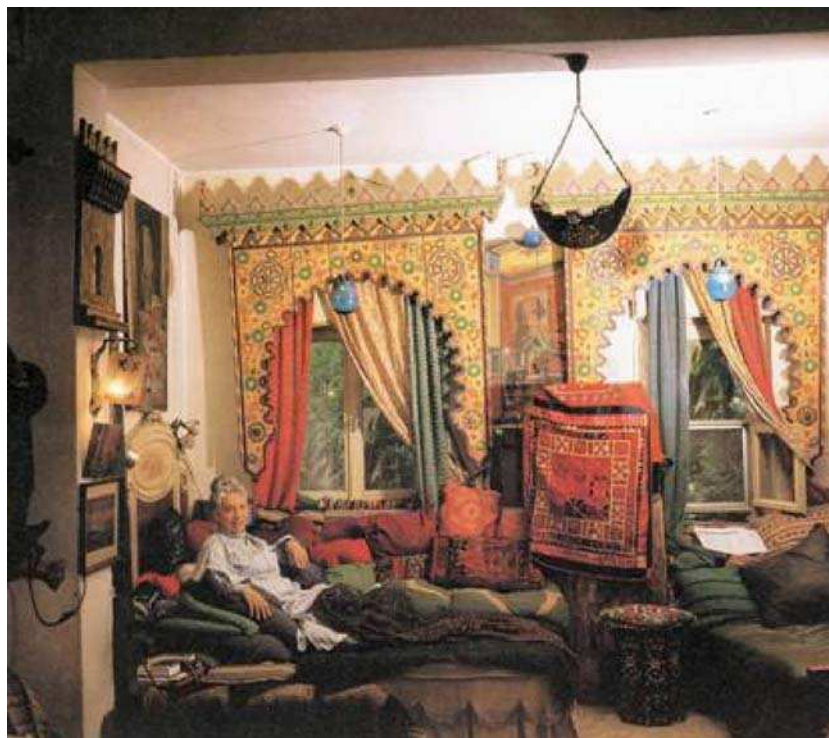
ХЕШВАН 5770

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

Здоровье тела, сознания и духа.

Составитель Шолом-Бер Вайнберг

О нетрудоспособности

О рассеянном склерозе

<...> Что касается Вашей знакомой, страдающей рассеянным склерозом, и вопроса о том, нужно ли продолжать это знакомство ради последующего вступления в брак.

Прежде всего, это касается чувств двух людей. Вместе с тем важно проявлять осторожность, чтобы не внушать ложных надежд и не выдавать желаемое за действительное.

Если Вы врач, незачем разъяснять, что проведены интенсивные исследования по поводу излечения рассеянного склероза, особенно на его ранних стадиях. Но, как я уже сказал, Ваше окончательное решение зависит от ваших взаимоотношений.

Недавно я узнал, что используется новый метод лечения рассеянного склероза, а именно интерфероном. Хотя сейчас считается, что можно только контролировать состояние больного, надеюсь, в будущем болезнь станет полностью излечима.

«Отличные»

Когда евреи встречаются, они обычно приветствуют друг друга, желая мира: «шолом алейхем». Так приветствуют друг друга евреи разных стран, особенно в тех случаях, когда выходцы из Святой земли – «земли, о которой Г-сподь, Б-г твой, печется, – очи Г-спода, Б-га твоего, непрестанно на ней: от начала года и до конца года» – встречаются с евреями из других стран.

Есть особая радость в таких встречах, ведь они означают, что, несмотря на жизнь в изгнании, несмотря на то, что часть еврейского народа пребывает вне пределов Эрец-Исраэль, – расстояние на самом деле не разделяет евреев.

Встречи евреев подчеркивают: даже «изгнанники Израиля, и рассеянные Иудеи» – это «один народ», объединенный тем, что «их вера отлична от веры других народов» – вера единой Торы, полученной еврейским народом от Б-га. Это объединяет их и делает уникальными среди других народов. Мало того, встреча евреев – это объединяющее событие, открывающее истину их былой разделенности: несмотря на рассеяние, они в действительности составляют единый народ.

Каждый еврей способен преодолеть пространственные пределы, но также и временные, помня, что еврейский народ вечен и един во всех поколениях и для всех поколений с того момента, как все души собрались перед горой Синай.

Тем самым можно объяснить долготерпение еврейского народа. Считаясь «меньшим из народов», он меньший в каждом отдельном месте. На самом же деле все евреи – со времен Синая – ответственны друг за друга, в той мере, в какой они составляют единое сообщество, один народ. Поэтому евреи численно превосходят все иные народы.

Отсюда следует еще один вывод. Евреи способны преодолеть время и пространство, ибо духовное у них преобладает над физическим, качество над количеством.

И еще одно следует отсюда: если человек по какой-то причине имеет физическое увечье, он не должен отчаиваться, Б-же сохрани. В самом деле, если он получил увечье не по своей воле или же сделал что-то благородное, защищая евреев

(особенно на Святой земле), это значит, что Б-г, Творец человека, даровал ему особые духовные способности.

Это знание позволяет преодолевать физические увечья. Более того, человек не только способен показать то, что равен другим, но и то, что духовно их превосходит, когда преодолевает увечья. Он доказывает, что способен на более высокие свершения по сравнению с обычным человеком.

Вот почему мне не нравится слово «инвалид» – «недееспособный» – применительно к людям с физическими увечьями. Оно подчеркивает их ущербность, тогда как на самом деле эти люди выделены Творцом, Который дал им особые способности, выше, чем у среднего человека. Этот человек может превозмочь трудности, непосильные для обычного человека.

Поэтому я предлагаю изменить это понятие и называть людей с физическими увечьями «отличными» от других – будь эта непохожесть обусловлена войной или иными причинами.

Вспомним комментарии наших мудрецов на исход из Египта. Слова: «стал там народом великим, сильным и многочисленным» наши мудрецы понимают как «учение о том, что Израиль отличался от остальных».

Дело не только в изменении названия, тем самым проясняется истина. Быть «отличным» – значит обладать чем-то особым, выдающимся, а стало быть, иметь редкую возможность послужить радостным и уверенным примером того, что каждая еврейская душа, независимо от ее физического состояния, есть «истинно часть Всевышнего».

Часть Б-жественного присутствует в каждом еврее, в конечном счете она возобладает над телом, и тело будет жить в соответствии с велениями души.

Это приводит нас еще к одному фундаментальному принципу Торы: «Служи Г-споду с радостью». Поскольку вся жизнь человека – это непрерывное служение Б-гу, логически вытекает, что человеку даны способности испытывать радость в течение всей жизни.

Когда же человек встречается с трудностями, его скрытые способности раскрываются и действуют, а также открывают другим, что он пребывает в состоянии радости и исполняет свою миссию просветления мира, укрепления в нем святости.

Тогда все видят, что Г-сподь есть Б-г всей земли, – будучи Б-гом Израиля, Он есть Царь мира. А евреи – Его посланцы, несущие заповеди Б-жьи всем народам земли.

КРАСОТА СКРОМНОСТИ

Берл Лазар

Нередко мне задают вопрос: почему верующие евреи одеваются скромно? Сейчас так одеваться не принято, значит, это некрасиво. А красиво – то, что соответствует моде.

Но что такое вообще мода? Какие-то люди постановили, что в этом году «принято» одеваться так-то – и все бросаются в магазины покупать новую одежду. На следующий год те же люди объявят, что одеваться надо иначе – и модники послушно меняют свой гардероб. Здесь речь идет не о красоте, тем более не об удобстве, а просто о слепом следовании рекламе.

Наши мудрецы так объясняют значение еврейского слова «эмет», «истина». Первая буква в этом слове, «алеф», – это первая буква алфавита, вторая, «мем», – срединная буква, а третья, «тав», замыкает алфавит. Это означает, что истина может быть только всеобъемлющей: если это «истина» для меня, но не для тебя, для Нью-Йорка, но не для Москвы, сегодня, но не завтра, – значит, это вообще не истина. Меняющаяся каждый сезон мода – по определению не истина.

Конечно, одни только усилия рекламщиков не заставили бы людей следовать моде – в конце концов, нормальный человек не так глуп, чтобы поверить всему, что ему говорят с телеэкрана или со страниц глянцевого журнала. Но здесь, к сожалению, пропаганда моды падает на плодородную почву. Большинство людей гонится за модой, потому что хочет выделиться. Человек говорит себе примерно следующее: «Если я буду одеваться скромно, меня не заметят, а если буду одет по последней моде – я произведу впечатление, меня будут больше уважать и больше любить».

Таким людям индустрия моды подыгрывает. Каждый год она предлагает все более экстравагантные и рискованные одежды. Вспоминается известный анекдот о верующем еврее, который увидел на остановке автобуса знакомую женщину, одетую по последней моде – то есть, скорее «раздетую по последней моде». Он зашел в ближайший магазин, купил яблоко и преподнес его женщине. Та удивилась: «Зачем мне яблоко? Я не голодная». «Да я просто вспомнил про Еву в раю, – отвечает верующий еврей, – она тоже, пока не съела яблоко, не чувствовала, что голая...»

Теперь мода распространяется не только на одежду. Модными стали пластические операции, удаление морщин. Целая индустрия зарабатывает на этом огромные деньги, рекламщики каждый день убеждают людей, что они должны выглядеть иначе – не так, как они выглядят на самом деле, а «гораздо лучше». Люди готовы рисковать здоровьем и даже жизнью, чтобы «улучшить свое тело» операциями или косметическим похуданием.

Скромность вовсе не значит, что не нужно быть красивым. Наши святые книги прославляют красоту Сары, Рахели, Эстер. Красота – большое достоинство. Но слово «красота» не происходит от слова «краска»: красивым человека делает гармония тела и души, а не то, что надето на тело или накрашено на лице. Человек, сделавший пластическую операцию ради моды, «чтобы стать красивее», как бы говорит окружающим: «Я – это мое лицо; я – это мое тело. То, что внутри, – не обращайтесь внимания, это неважно».

Чем вызвана эта страсть выставлять свое тело напоказ? В первую очередь, как ни странно, неуверенностью в себе. Если человек надеется, что его будут больше уважать и любить, когда он появляется в модной одежде, это значит, что он очень низко себя ценит. Значит, он боится, что собственные его человеческие качества не заслуживают ни уважения, ни любви. А для человека верующего главная забота – его бессмертная душа, его сущность, а не внешняя оболочка. Мы покупаем вещи, которые нужны, а не те, которые рекламируются. Мы одеваемся скромно, зато удобно. Мы не пытаемся изменить свой внешний облик, потому что понимаем, что он нам дан Б-гом.

Есть прекрасные вещи, которые обретают красоту именно потому, что их не видно. Это относится в первую очередь к вещам интимным – интимность красива именно своей закрытостью, и если выставить ее напоказ, получится не красота, а пошлость. Многие не могут понять, почему в синагоге свиток Торы обычно укутан в покрывало. Разве свиток Торы сам по себе не прекрасен? – недоумевают они. Зачем его прятать? Да именно затем, что открывать красоту нужно в особые моменты, а не постоянно! Только тогда будет создано то особое настроение, которое позволяет человеку в полной мере эту красоту оценить.

Кстати, тем же принципом мы руководствуемся, разделяя мужчин и женщин в синагоге. Казалось бы, если муж и жена вместе пришли молиться, почему бы им, самым близким людям, не сделать это вместе? Но опять же, есть время, когда близким людям следует быть вместе, а есть время, когда им лучше разделиться. Во время молитвы человек должен сосредоточиться на мыслях о Б-ге, – а если муж и жена молятся рядом, они будут думать друг о друге, и это помешает им обоим выполнить свою задачу...

Короче говоря, принцип скромности, на котором основано поведение верующего человека, – это красота целесообразности. Это понимание того, что у каждого из нас есть свое место в Б-жественном плане, и только если человек блюдет свое место, он будет красив телесно и духовно.

Человек нанялся водителем автобуса. В первый день он обнаружил, что маршрут, на который его поставили, пролегает по окраинным улицам, пассажиров мало и выручка невелика. На следующее утро он решил оказать автобусной компании услугу и вывел свою машину на центральный проспект. Весь день ездил в центре, автобус был полон, деньги рекой полились в кассу. Вечером водитель-новичок сдал выручку: он был уверен, что начальство будет хвалить его и ставить в пример. И искренне не понял, за что его на следующее утро уволили...

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

АРХИТЕКТОР И СТРОИТЕЛЬ

Духовная архитектура

Симон Джекобсон

Производственный вопрос: что изготавливать раньше – упаковку или товар? В современном мире коммерции значение упаковочных материалов чрезвычайно велико, поэтому часто их разрабатывают прежде, чем решают, что же будет внутри. По словам циников-маркетологов, зрительное восприятие важнее реальности. С другой стороны, вопреки всем клише, мы нередко судим о книгах по их обложкам. При непривлекательном внешнем виде и невзрачной упаковке не внушает доверия и сам товар. Тот же вопрос можно задать и применительно к нашей собственной жизни: что первично – средства или результаты? Скажем, мы планируем какое-то мероприятие. Начнем ли мы с составления его программы или же сначала решим, какие чувства и впечатления оно должно произвести? Очень часто функция определяется формой, а не чем-то еще.

Сформулируем вопрос более конкретно: что направляет нашу жизнь – тело или душа, наши физические или духовные потребности? Рассматриваем ли мы себя как материальное творение, осуществляющее некую духовную деятельность, или же как духовное, – когда материя служит топливом для духа?

Здесь все смешивается – маркетинг, корпоративная структура, бизнес-управление и личная жизнь.

Общепринятое правило бизнес-управления гласит, что успешность предприятия зависит от двух равно необходимых движущих сил: стратегии и тактики. Стратег отвечает за то, чтобы предприятие всегда действовало в соответствии со своими долгосрочными целями. Тактик дополняет стратега, управляя механизмом движения к поставленной цели.

Обычно стратег, обитающий на уровне двадцатитысячного этажа и выше, своим птичьим зрением не способен рассмотреть то, что находится на первом этаже, и управлять идущим там процессом – ведь это требует погружения в скучные детали. Напротив, практику нужно видеть вещи такими, какими они выглядят снизу; он не может находиться на пьедестале.

Стратегия сама по себе абстрактна и пуста без человека, знающего, как следует претворять ее в жизнь и в тактику. Тактика же без стратегии – бесцельна.

Возможно, вы удивитесь, узнав, что первая модель сочетания этих двух сил появилась еще 3320 лет назад. Модель для всех конструкций и всех сущностей – физических и духовных, микрокосма и макрокосма – святой Храм.

«И сделают Мне Святилище, и Я пребывать буду в их среде». Цель бытия – строительство Дома Б-жьего из нашей и в нашей материальной вселенной. Таким образом, строительство Дома Б-жьего – это модель для сооружения любой формы, которую мы проектируем, – от грандиозных конструкций в наших раздвигающих границы городах до частных бизнесов и корпораций, от нашей личной жизни, домов и семей до общественных структур. Уже в самом по себе сооружении Святилища содержится много жизненно важных уроков. Вот почему Тора подробнейшим образом рассказывает о каждой детали конструкции Храма – и не один, а три раза.

Если внимательно вчитаться в рассказ Торы, то можно обнаружить несовпадение в порядке конструирования Храма: в главах «Трума» и «Тецаве» Б-г велит Моше сначала изготовить священные предметы (ковчег, престол, менору), а потом уже возвести само сооружение (каркас и стены-покрывала). Но позже, в главе «Ваякгель», Моше наставляет людей изменить порядок строительства: сначала надо возвести мишкан, само сооружение, а потом уже изготовить священные предметы.

В Талмуде приведен загадочный, но захватывающий диалог Моше и Бецалеля, строителя Храма, о порядке строительства Храма (Брахот, 55а. Цит. у Раши в начале Пкудей).

Когда Моше велел Бецалелю сначала изготовить священные предметы, а потом строить сооружение, Бецалель спросил: «Моше, учитель наш, ведь мир устроен таким образом, что сначала строится дом, а потом уже его обставляют. Ты же мне велишь изготовить ковчег и священные сосуды, а только потом скинию. Где я поставлю сосуды, пока скиния не сооружена? Может быть, Б-г на самом деле велел тебе строить в обратном порядке – скинию, ковчег, сосуды?» Моше ответил: «наверное, ты был “в тени Б-га” (буквальный смысл имени “Бе-цаль-эль”) и знал, чего хочет Б-г». И Моше согласился с Бецалелем.

Почему Моше изменил порядок строительства и решил, что сначала нужно изготовить сосуды, а потом саму скинию? В самом деле, если Бецалель был прав, что нужно сначала соорудить скинию, а уже потом сосуды, почему Б-г в первый раз велел Моше делать все наоборот? Почему такая путаница?

Ответ в том, что правы оба – и Моше, и Бецалель. Один говорил с точки зрения архитектора-стратега, а другой – как тактик, непосредственный строитель.

Архитектор – направляющая сила, которая стоит за каждой инициативой, – видит конечную цель. Он всегда сконцентрирован на миссии и цели всего предприятия. Конечная цель Храма – священные предметы, поскольку этих предметов требует Б-гослужение. Сооружение необходимо, чтобы вместить и защитить размещенные в нем священные предметы. Моше, человек Б-жий, был архитектором, который с самого начала ясно видел конечную цель – а именно создание сосудов, предназначенных для Б-га.

Тактик-строитель, воплощающий стратегию, должен выбрать конкретный метод и порядок строительства. Бецалель, строитель, внедряющий замысел архитектора, усвоил практическую последовательность: «ведь мир устроен таким образом, что сначала строится дом, а потом уже его обставляют». Взаимодополняющее сотрудничество Моше и Бецалеля в возведении Б-жьего Храма служит нам важным жизненным уроком.

Зададим себе вопрос: кто управляет нашей жизнью? Детали и повседневные механизмы или высшая стратегия? Кто капитан нашего корабля: тело ли следует за душой или душа за телом? Молот ли говорит руке, что делать, или наоборот? Это может показаться странным, но в силу жизненных обстоятельств и борьбы за выживание большая часть нашего существования сосредоточена на средствах – работе, поездках, шопинге, подготовке к чему-либо и т. п., тогда как гораздо меньше времени уделяется конечной цели – тому, ради чего мы и затрачиваем все эти усилия: любви, семье, добродетели, личному возвышению, стремлению оставить свой след во вселенной. И это приводит к неизбежному, нежелательному и противоречивому итогу: мы можем забыть о конечной точке маршрута, поскольку голова наша занята самим маршрутом. Наша цель должна определять нашу деятельность, но все происходит наоборот. С другой стороны,

иногда наши иллюзии и грандиозные планы так далеко уносят нас – даже если это и не иллюзии, – что они не смогут воплотиться в жизнь именно из-за их грандиозности. Ты можешь бояться начать или не знать, с чего начать, волнуясь о том, чтобы ни одна деталь не укрылась от нас, или предполагая, что возможны и другие варианты действий.

Прежде всего и самое главное: в нас должен звучать голос Моше – голос стратега-архитектора. Но нам нужно уравновесить его голосом Бецалеля – тактика-строителя.

Каждому из нас следует совмещать в себе обе эти личности, силу и характер. Сначала это должно быть общее видение, стратегия, которая различает средства и цели, гарантирует подчинение всех наших трудов конечной задаче нашей жизни. Никогда не забывайте о цели. И тогда найдется строитель, знающий, в каком порядке необходимо осуществлять процесс.

Ясно, что в некоторых из нас один преобладает над другим. Тем не менее мы несем в себе оба голоса. И что еще более важно, мы должны быть настолько мудры, чтобы пригласить на совет опытного эксперта-консультанта, который поможет восполнить нашу собственную слабость.

Какая из движущих сил более важна? Обе: стратегия и ее воплощение. Идеализм стратега может остаться умозрительным и нереализованным. Величайший проект может провалиться, если его не воплотит в жизнь строитель. Строитель же, вне общего проекта, может быть сбит с пути, введен в заблуждение в ходе осуществления проекта, забыть о его конечной цели. Нам нужны оба: конечный итог и порядок его достижения.

Вот секрет, ведущий к успеху: Моше и Бецалель. Их сотрудничество оставило нам святой Храм, который служил нам моделью для Храмов, построенных позже в Иерусалиме, и для вечного Храма будущего.

Но главное, нам дарована неизменная модель: именно по ней мы строим жилище для наших душ и для Б-га («Я пребывать буду в их среде»).

Какое еще сотрудничество может быть названо столь же успешным?

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ВСЕСОЖЖЕНИЕ ЦАРЯ МЕШИ

Рассмотрение эпизода из книги Млахим в свете классических и современных комментариев

В Танахе (Млахим II, гл. 3) рассказано о союзе, заключенном израильским царем Йеорамом, иудейским царем Йеошафатом и царем Эдомом против Меши, царя Моава, который перестал присылать дань израильскому царю. Царь Меша стал известен в 1869 году, когда среди развалин Дивона (ныне Дибан, Южное Заиорданье) была обнаружена воздвигнутая им стела. Надпись на этой стеле передает слова Меши, похвалявшегося тем, что ему удалось отстоять независимость Моава от Израильского царства. Эта стела – важный памятник своего времени; язык надписи – ценный материал для изучения библейского иврита, а ее содержание – свидетельство, подтверждающее, что события, упоминаемые в Танахе, – исторический факт. Но в этой статье речь пойдет о другом.

Согласно данным, приведенным в упомянутой главе книги Млахим, войска трех царей, двигавшиеся по Эдомской пустыне, страдали от нехватки воды. Израильский царь Йеорам, придя в отчаяние, воскликнул, что Г-сподь созвал трех царей, дабы предать их в руки Моава. Иудейский царь Йеошафат поинтересовался, нет ли поблизости пророка, чтобы через него спросить Б-га? Ему ответили, что в стане находится пророк Элиша, ученик пророка Элияу. Когда трое царей подошли к пророку Элише, тот обратился к греховному израильскому царю и сказал ему идти к «пророкам» его отца и матери, Ахава и Изевель, насаждавшим языческий культ Баала. Элиша согласился отвечать лишь из почтения к праведному иудейскому царю Йеошафату. Он предсказал, что русло потока наполнится водой, и ее хватит для войска и для скота. Элиша сообщил также, что Б-г отдаст Моав в руки трех царей, и они сокрушат все моавитянские города и крепости, вырубят деревья, засыпят источники и завалят камнями земельные наделы. На следующее утро действительно хлынула вода по пути от Эдома и залила землю. Между тем моавитянам, мобилизованным для отпора врагу, вода, над которой взошло солнце, показалась издали красной как кровь. Они решили, что цари перебили друг друга, и приблизились к израильскому стану, намереваясь делить добычу. Тогда сыны Израиля

перешли в наступление, разгромили моавитян, разрушили их города, забросали камнями земельные наделы, засыпали источники воды и вырубали деревья. Камни остались только в стене главного города Моава, Кир-Харесета, но и его окружили и по нему стали наносить удары пращники. Тогда и произошел тот неожиданный поворот, о котором пойдет речь в данной статье.

Процитируем повествующие об этом стихи из Танаха (Млахим II, 3:26-27) в переводе Д. Йосифона (Иерусалим, 1975 год):

(26) И увидел царь Моавитский, что битва одолевает его, и взял он с собою семьсот человек, владеющих мечом, чтобы пробиться к царю Эдомскому, но не смогли они (27). И взял он сына своего, первенца, который должен был стать царем вместо него, и принес его во всесожжение на стене. И был гнев большой на Израэльтян, и они отступили от него, и возвратились в страну

Обратим внимание, что в этом переводе слова «ва-иках эт-бено а-бехор» переведены как: «И взял он сына своего, первенца...» Также в более новых переводах Танаха (издательство «Шамир», 2006 г., и издательство «Гешарим», 2006 г.) эти слова переведены как: «И взял он своего сына-первенца...» и «И взял он сына своего, первенца...» Такой вариант перевода, конечно, верный, но, как увидим дальше, не единственный. Эти слова можно перевести и так: «И взял он его сына, первенца...» Мы еще вернемся к варианту такого перевода этой фразы.

Отметим также, что слова «ва-йеги кецеф-гадоль аль Исраэль», которые Д. Йосифон переводит как: «И был гнев большой на Израэльтян», в переводе издательства «Шамир» звучат так: «И закипела неистовая злость на Израиль», а в переводе «Гешарим» они приведены с пояснением в скобках: «И великая разгорелась ярость (у моавитян) против израэльтян».

В связи с прочитанным возникает несколько вопросов.

В чем именно заключался ужасный поступок Меша и для чего он его совершил?

Есть ли связь между поступком Меша и гневом (злостью, яростью) на народ Израиля?

Если связь есть, то каким образом поступок Меша привел к гневу и кто именно гневался на народ Израиля?

И почему проявление этого гнева побудило сынов Израиля отступить от Моава и вернуться в свою страну?

Первый вариант: Меша принес в жертву своего сына

Вначале рассмотрим вышеприведенные стихи из Танаха так, как их поняли переводчики, – Меша принес в жертву своего сына. Известно, что идолопоклонники приносили в час беды человеческие жертвы, в том числе детей, чтобы умиловать «богов». Это позволяет сделать следующее заключение: увидев, что война стала для него слишком тяжелой и он проигрывает сражение, Меша последний раз попытался спастись, прорвавшись к царю Эдома. Когда же и эта попытка не удалась, он совершил отчаянный поступок: принес в жертву своего сына-первенца.

Кому Меша принес сына в жертву? Мудрецы Талмуда, Рав и Шмуэль, высказывали на этот счет разные мнения. Один полагал, что Меша принес сына в жертву Б-гу, а другой – что он принес его в жертву идолу (см. Сангедрин, 39б). Легко понять, почему Меша принес сына в жертву идолу, то есть Кмошу, божеству Моава. Но гораздо труднее понять, почему Меша принес сына в жертву Б-гу. По-видимому, этому можно найти такое объяснение: Меша, как идолопоклонник, не понимал разницу между верой в Б-га и поклонением идолу, поэтому считал, что, принеся в жертву сына-первенца, умиловит Б-га Израиля, Тот перестанет поддерживать Свой народ, и Меша спасется.

Можно также задать вопрос, равно имеющий отношение к двум приведенным мнениям: если поступок Меши носил культовый характер, почему он принес сына в жертву на городской стене, а не на жертвеннике? Жертвоприношение на стене выглядит как публичное действие, которое должны видеть все. Почему Меша совершил это именно таким образом?

Более того, можно спросить, почему из-за этого ужасного поступка Меши «был большой гнев на Израиль»? Одно из возможных объяснений приводится в комментарии Раши[1] к этим словам в стихе 27: «Вспомнились их грехи, так как они тоже резали своих сыновей для идолов, и они были недостойны чуда».

Упомянем и мнения комментаторов, более близких нам по времени, которые также считали, что Меша принес в жертву своего сына. Некоторые нееврейские комментаторы полагали, что слово «кецеф» в стихе 27 означает панику, охватившую армию сынов Израиля, когда они увидели ужасающий поступок Меши. Таким образом, говорили они, речь идет не о Б-жественном гневе, а о реакции людей. Однако такое объяснение трудно принять, поскольку слово «кецеф» в Танахе означает гнев (а также злость и ярость, которые используются в других переводах на русский язык).

Другое решение предлагал профессор Йеуда Элицур (1911–1997), исследователь Танаха в XX веке, верный еврейской традиции. Он не соглашался с тем, что Б-г разгневался на народ Израиля по той причине, что идолопоклонник Меша принес сына в жертву. По его мнению, слово «кецеф» в Танахе может ассоциироваться с мором, эпидемией. Пример этого видим в Бемидбар, 17:11: «И сказал Моше Аарону: возьми совок и положи в него огня с жертвенника, и положи курения, и неси скорее к общине, и искупи их; ибо вышел гнев [кецеф] от Господа, начался мор». По мнению профессора Элицура, осажденные моавитяне верили в силу жертвоприношения Меши, и это позволило им выдержать затянувшуюся осаду. Элицур приводит соображения профессора Я. Ливера о том, что длительная осада нередко чревата болезнями и эпидемиями не только среди осажденных, но и среди осаждающих. То есть из-за длительной осады в израильском стане начались болезни, и это и привело к отступлению сынов Израиля. В Танахе эта эпидемия названа гневом, так как, согласно пророческой историографии, успех врагов еврейского народа – это выражение Б-жественного гнева. Но этот гнев не был прямым результатом поступка Меши; напротив, поступок Меши, последующее усиление моавитян, длительная осада и эпидемия были проявлениями Б-жественного гнева. И Он гневался именно на Израиль, а не на Иудею, так как греховный израильский царь был недостойн чуда победы.

Однако, как пишет рав Эльханан Самет в своей книге «Пиркей Элиша», посвященной рассмотрению глав Танаха, повествующих о деятельности пророка Элиши и его времени, объяснение профессора Й. Элицура также небесспорно. Ведь в Танахе не упоминается, что осада затянулась, и, читая стих 27, можно увидеть прямую связь между жертвоприношением Меши и гневом на сынов Израиля и их отступлением.

Второй вариант: Меша принес в жертву сына царя Эдома

Кроме вышеупомянутого толкования текста – Меша принес в жертву своего сына-первенца – есть и другое, упоминаемое многими еврейскими классическими комментаторами. Один из них, Радак[2], так комментирует слова «И взял он его сына, первенца...»:

«Объяснял мой благословенной памяти отец-учитель[3], что сын царя Эдома, которому подобало царствовать вместо него, находился во власти царя Моава. И поэтому он (царь Эдома. – И. С.) прибыл вместе с двумя царями, так как он думал вывести с их помощью своего сына из-под власти царя Моава. Когда царь Моава думал прорваться к царю Эдома и не смог, он в гневе взял сына царя Эдома, поднял его на стену и сжег на глазах у отца. И это и имеется в виду под словами “вознес его во всеожжение” – сжег его, как сжигают всеожжение».

«“И был гнев большой на Израиль” – [гнев] царя Эдома, который думал, что с их (сынов Израиля. – И. С.) помощью вытасчит сына из-под власти царя Моава. И об этом говорится в Писании: “[Так сказал Г-сподь: за три преступления Моава и за четыре не отвращу Я (гнева) от него;] за то, что пережег он в известь кости царя Эдомейского” (Амос, 2:1)».

Радак продолжает: «А мой учитель, мой брат рабби Моше[4], объяснял, что когда царь Моава думал прорваться к царю Эдома, тогда, в том бою, он захватил его сына, похитил его, вознес его на стену и сжег на глазах отца. “И был гнев большой на Израиль” – [гнев] царя Эдома, которому они (сыны Израиля. – И. С.) не помогли спасти сына».

Радак не объясняет в своем комментарии, почему армия Израиля отступила, и объяснение этому, согласно логике комментария Радака, находим в комментарии Мальбима[5]. Мальбим объясняет, почему пробудился гнев Эдома на Израиль. Когда Меша пытался прорваться к царю Эдома, сыны Израиля не пришли на помощь царю и оставили его воевать одного. Поэтому царю Моава удалось захватить сына царя Эдома. Гнев Эдома на сынов Израиля привел к распаду коалиции трех царей и к отступлению армии Израиля от осажденного города.

Приведенный выше вариант толкования текста и соответствующие ему комментарии рассматривают стих 27 как продолжение стиха 26. Это видно и в тексте на иврите, и в переводе на русский язык, если перевести «бено» как «его сына»: «(26) И увидел царь Моавитский, что битва одолевает его, и взял он с собою семьсот человек, владеющих мечом, чтобы пробиться к царю Эдомскому, но не смогли они. (27) И взял он его сына, первенца, который должен был стать царем вместо него, и принес его во всеожжение на стене».

Отметим также, что приведенный выше комментарий упраздняет проблему, с которой мы столкнулись, когда приводили мнения, соответствующие первому варианту толкования текста. Если Меша принес в жертву своего сына, то почему из-за его ужасного поступка был большой гнев на Израиль? Выше мы приводили ответ профессора Й. Элицура, отрицающего в своем объяснении прямую связь между этими двумя событиями. Однако мы уже упоминали, что, согласно тексту Танаха, можно увидеть прямую связь между поступком Мешы и гневом на сынов Израиля и их отступлением. Преимущество второго варианта толкования текста в том, что, с одной стороны, при этом не возникает вопрос, почему из-за ужасного поступка царя-идолопоклонника проявился Б-жественный

гнев на народ Израиля, а с другой стороны, не отрицается прямая связь между поступком Меши, гневом на народ Израиля (царя Эдома) и отступлением.

Кроме того, если понимать текст так, что Меша, после неудачной попытки прорваться к царю Эдома, сжег его сына, становится понятно, о чем идет речь в пророчестве Амоса, процитированном выше в комментарии Радака. Согласно этому, упомянутое в пророчестве сжигание костей царя Эдома (точнее того, кто должен был стать царем) и есть тот самый поступок Меши, который описан в Танахе. Этот жестокий поступок был направлен не только против Эдома, но и против Израиля, что соответствует контексту пророчеств в начале книги Амоса, в которых разные народы обвиняются в грехах по отношению к еврейскому народу. Согласно пониманию пророчества Амоса Радаком, слова «пережег он в известь кости царя Эдомейского» означают «полное сожжение, когда даже кости стали пеплом, как известь». И также, комментируя описание поступка Меши, Радак пишет, что он сжег сына царя Эдома «как сжигают всесожжение» – то есть полностью, до конца. Если так, значит, поступок Меши, который преследовал военно-политическую цель – разрушить союз трех царей и снять осаду, – лишь внешне напоминал жертвоприношение, и тогда правильное перевести начало стиха 27 так: «И взял он его сына, первенца, который должен был стать царем вместо него, и вознес его как всесожжение на стене». Кстати, именно такой вариант перевода этих слов и предложен в переводе издательства «Шамир», хотя там, как мы уже отмечали, следуют первому варианту толкования поступка Меши (что он вознес как всесожжение своего сына).

Опираясь на второй вариант толкования текста Танаха, можно представить себе ход развития событий таким образом. Увидев, что война стала для него очень тяжелой и он проигрывает сражение, Меша, царь Моава, взял с собой семьсот человек, вооруженных мечами, чтобы пробиться к царю Эдома. Согласно комментарию Мальбима, эта вылазка преследовала цель захватить самого царя Эдома, который, судя по всему, был самым слабым из трех царей. Если бы Меше удалось осуществить эту цель, он мог бы использовать царя Эдома как заложника и потребовал бы, чтобы другие цари прекратили осаду. Меша также мог бы убить царя Эдома. Это деморализовало бы его армию и привело бы к распаду коалиции трех царей. Однако попытка завершилась неудачей. Но, согласно комментарию рава Моше Кимхи, брата Радака, царю Моава удалось при этом захватить сына-наследника царя Эдома. Тогда слова «И взял он его сына» в стихе 27 можно истолковать как указание на то, что Меша захватил сына царя Эдома. Кроме того, слова «вместо него» в стихе 27 можно истолковать двояко: как «сын должен был царствовать вместо него» и как «сын был взят и сожжен вместо него». То есть Меша сжег сына царя Эдома на стене вместо его отца, которому, вероятно, предназначалась такая участь в соответствии с первоначальным замыслом Меши.

[1] Рабби Шломо Ицхаки (Раши; 1040–1105) – комментатор Танаха и Талмуда, автор широко известного и популярного комментария к Торе.

[2] Рабби Давид Кимхи (Радак; ок. 1160 – ок. 1235) – комментатор Танаха, грамматик.

[3] Рабби Йосеф Кимхи (Рикам; ок. 1105 – ок. 1170) – комментатор Танаха, грамматик, полемист.

[4] Рабби Моше Кимхи (Рамак; ум. в 1190 г.) – комментатор Танаха, грамматик.

[5] Рабби Меир-Лейб бен Йехиэль-Михаэль (Мальбим; 1809–1879) – комментатор Танаха, известный раввин и общественный деятель.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

БОГАЧИ-ОБМАНЩИКИ И СТЫДЛИВЫЕ БЕДНЯКИ

Арье Ольман

«Но раскаяние, молитва и благотворительность отменяют суровый приговор», – говорится в молитве «У-нетане токеф», которую мы читали в Рош а-Шана и в Йом Кипур. Велика заповедь благотворительности, цдаки, – если исполнять ее правильно. А этому тоже нужно учиться. Можно потратить деньги и не исполнить при этом заповедь – или исполнить ее не лучшим образом. Приведем один не такой уж очевидный пример.

Если человек опускает деньги в копилку для цдаки, не имея в виду ничего конкретного, то он, по умолчанию, дает эти деньги всем беднякам данной местности (или даже всем евреям-беднякам), чтобы с этого момента они обладали ими. Значит, эти деньги становятся собственностью всех бедняков и делятся между ними поровну, и каждому достается меньше пруты – минимальной денежной единицы в еврейском праве. Таким образом, хотя этот человек выполнил заповедь цдаки^[1], но бедные от него ничего не получили! Как же быть?

Можно назвать условие, имеющее силу всегда: «Всякий раз, когда я даю цдаку в некую кассу, а не лично бедняку, я передаю ее во владение беднякам только с того момента, когда эти деньги попадут им в руки (или на банковский счет)». В этом случае можно также разменивать деньги в копилке для цдаки, поскольку они еще не принадлежат беднякам. Так сказано в респонсах «Бейт Ицхак» (Орах Хаим, 21б).

Заповедь благотворительности может быть выполнена лучше, хуже или совсем плохо. Рамбам в «Мишне Тора» выделяет восемь ступеней благотворительности по нисходящей степени:

Самый высокий уровень (первая ступень) – это помочь человеку, когда он еще не в нужде, а только на пороге ее. И тогда лучше всего либо дать ему ссуду или подарок, либо помочь ему найти работу, пригласить его в компаньоны. Это высшая форма благотворительности.

Вторая ступень – когда человек нуждается, и ты даешь ему прежде, чем он попросит.

Третья ступень – он уже попросил, но ты даешь ему так, что не знаешь, кому даешь, а он не знает, у кого берет. Как это делается? В каждой общине должен быть человек, который распоряжается фондом цдаки, умный и полностью достойный доверия.

Четвертая ступень – когда ты знаешь, кому даешь, а он не знает, кто ему дает. Были мудрецы, которые тайком подбрасывали к дверям бедняков деньги без их ведома.

Пятая ступень – когда он знает, у кого берет, а ты не знаешь, кто у тебя берет: человек забрасывает узелок с деньгами за спину, и те, кому надо, подходят и берут.

Шестая ступень – когда ты даешь ему из рук в руки, но с приветливым лицом.

Седьмая ступень – когда ты даешь человеку, но меньше, чем ему нужно.

И хуже всего, когда ты даешь с кислой физиономией[2].

Шульхан арух кратко подытоживает:

Человек должен давать цдаку радостно и всячески способствовать тому, чтобы бедняк чувствовал себя хорошо.

(Йоре деа, 249:3.)

Как все мы понимаем, сознание собственной никчемности и неспособности заработать на кусок хлеба – не из самых приятных. А когда к нему добавляются голод, холод и зависть к более успешным соседям, человеку становится совсем грустно. Дополним это ощущением унижительной зависимости от других... В талмудические времена – как и позднее – многие бедняки стыдились своей бедности и предпочитали перебиваться с хлеба на воду, но не просить милостыню. В еврейских источниках можно встретить и похвалу таким людям:

Тот, кто нуждается в получении цдаки, но избегает этого, не покинет этот мир, пока не удостоится того, что будет сам оказывать материальную помощь другим людям.

(Мишна Пеа, 8:9.)

Мишна говорит бедняку: если ты смиренноносишь нужду и не унижаешься, обивая пороги, – терпеливо жди! Придет к тебе достаток. И он придет не затем, чтобы ты ел, пил и наслаждался – ведь ты мог бы делать это уже сейчас, но принципиально не хочешь. Достаток придет к тебе затем, чтобы ты помогал другим и исполнял важнейшую заповедь.

Помощь стыдливим беднякам была одной из самых трудных задач еврейской общинной жизни. Широко известен рав Арье Левин, «отец узников», получивший при жизни прозвище Праведник из Иерусалима. Представьте себе, сколько было в Иерусалиме в середине XX века благочестивых евреев. Каким же человеком нужно быть, чтобы стать известным как Праведник из Иерусалима, единственным в своем роде? Так вот, рав Арье был инспектором иерусалимской школы «Эц хаим». В те суровые времена заработать в Иерусалиме было очень трудно, а благотворительная помощь европейских и заокеанских спонсоров поступала далеко не в таких размерах, как сейчас. Однажды рав Арье стоял со своим взрослым сыном у ворот школы и смотрел, как дети идут на занятия.

– Что ты видишь? – спросил он сына.

– Дети бегут вприпрыжку, а вон тот мальчик идет медленно, опустив голову. Ему, наверное, не хочется учить Тору.

– А я вижу другое. Он же голоден. У его семьи наверняка нет денег на завтрак. Как же он будет учиться?

Положение осложнялось тем, что родители многих учеников считали бедность высшей ступенью праведности, а аскетизм – подвигом. Как-то рав Арье заметил, что один мальчик ходит босиком, и пожелал обеспечить его ботинками. Но он точно знал, что

родители мальчика рассердятся, если он в один прекрасный день придет в новых ботинках, и не захотят их принять. Что же он сделал? Позвал мальчика в свой «кабинет» (зауток в конце коридора) и устроил ему экзамен по материалу, который – как ему было известно – мальчик хорошо знал. Мальчик отлично ответил. «Молодец! – сказал рав Арье. – Ты достоин награды!» И написал родителям ученика записку: «Ваш сын за большие успехи в учебе награждается призом – ботинками. Вы можете гордиться им». Другую записку он написал соседскому сапожнику, попросив его продать мальчику хорошие ботинки. Разумеется, эти ботинки рав Арье оплатил из собственного кармана[3].

Рав Арье Левин основывал свое поведение на талмудическом правиле:

Если у человека нет ничего, но он не хочет брать – предлагают ему подарок, а если не берет, дают в виде ссуды. <...> По словам рава Шимона: говорят ему: «Принеси залог и возьми», чтобы не задевать его гордость.

(Ктубот, 67б.)

Стремление наших мудрецов уберечь честь бедняков, которым не хотелось признаваться даже себе в том, что они бедняки, доходило до самопожертвования:

По соседству с Мар Уквой жил бедняк, которому он ежедневно просовывал четыре зузы в щель под дверь. Однажды бедняк подумал: «Посмотрю-ка я, кто делает мне это добро». В тот день задержался Мар Уква в доме учения, и его жена зашла за ним. Когда они увидели, что тот бедняк ждет их у двери и вышел к ним, они побежали от него и спрятались в большой печи, в которой сгребли угли. Мар Уква обжег себе ноги, и жена сказала ему: «Поставь свои ноги на мои! [Мне в этой печи не горячо]».

Кстати, почему жене Мара Уквы было не горячо в раскаленной печи, хотя сам Мар Уква обжег ноги? Талмуд дает этому сверхъестественное объяснение: жену Мара Уквы защитили ее заслуги в выполнении заповедей. Но разве домохозяйка может выполнить больше заповедей, чем прославленный мудрец? Оказывается, да: если она должным образом выполняет заповедь благотворительности, ее заслуги больше:

Мар Уква огорчился [оказывается, у него не хватает заслуг, чтобы не обжечься в печи, а его жену ее заслуги спасают], и она сказала ему: «Я всегда нахожусь дома [и многие бедняки заходят ко мне], и [я даю им готовую еду], польза от которой ощущается сразу».

А зачем они это сделали? Сказал Мар Зутра, сын Тувьи, сказал Рав, а другие говорят – сказал рав Гуна, сын Бизны, сказал рав Шимон Хасида, а другие говорят – сказал рав Йоханан от имени рава Шимона, сына Йохая: лучше прыгнуть в горящую печь, но не опозорить ближнего публично. Из чего мы делаем такой вывод? Из истории Тамар [которая предпочла быть сожженной за блуд, но не опозорить публично истинного виновника – своего тестя Йеуду].

(Берешит раба, 38.)

Но правильно дать – это еще не все. Чтобы заповедь благотворительности была выполнена, нужно, чтобы деньги попали по назначению, к беднякам. А если берущий деньги вовсе не бедняк, а обманщик? Как это узнать? *Doveguai*, по *proveguai*, как сказал в свое время Рональд Рейган в беседе с Михаилом Горбачевым. В трактате «Ктубот» Вавилонского Талмуда (68а) этот вопрос рассматривается подробно.

Рав Йеуда сказал: проверяют, прежде чем дать человеку одежду, и не проверяют, прежде чем дать еду. [Откуда нам известен этот закон?] Можно считать это логическим выводом, а можно – толкованием Писания. Можно считать это логическим выводом: от этого [недостатка еды] человек страдает, а от того [недостатка одежды] – не очень страдает. [В еде нуждаются все, даже обманщики, так что такой подарок в любом случае считается благотворительностью]. Можно считать это и толкованием Писания, ведь сказано: «Раздели с голодным хлеб» (Йешаяу, 58:6) – немедленно, «Когда увидишь нагого – одень его» – только когда ты увидишь, рассмотришь и проверишь [что он действительно нуждается, ты можешь дать ему одежду, и это будет считаться цдакой].

Там же приводится пример поведения, который Рамбам взял за основу одного из указанных выше приоритетов в благотворительности:

Рабби Аба завязывал деньги в платок, подходил к дому бедняков и кидал за спину, но подглядывал, чтобы не взяли их обманщики.

Рабби Аба не хотел видеть, кто берет его деньги, и не хотел, чтобы берущий видел, что он это видит. Но наряду со стыдливими бедняками в его общине жили и совсем не бедные евреи, которые были не прочь поживиться деньгами, падающими на землю. Поэтому рабби Абе приходилось, рискуя приватностью и секретностью, одним глазом подсматривать, кто подобрал платочек с деньгами, брошенный им на порог дома бедняка.

Порой выяснялось, что бедняк, долгое время получавший благотворительную помощь, богаче того, кто ему эту помощь оказывал:

Рабби Ханина посылал одному бедняку четыре зузы каждую неделю накануне субботы. Однажды он послал их со своей женой; та вернулась и сказала: «Он в деньгах не нуждается». – «Что же ты видела?» – «Я слышала, как его спросили: “на чем подавать тебе трапезу, на золоте или на серебре?” Сказал [рабби Ханина]: об этом сказал рабби Эльзар – будем благодарны обманщикам [притворяющимся бедняками],

потому что [мы знаем, что бывают обманщики, и даем деньги не всем, кто попросит, и], если бы не они, мы постоянно оказывались бы грешниками, как сказано: «Ты не дашь ему, а он воззовет о тебе к Г-споду, и будет на тебе грех».

(Дварим раба, 15:9.)

Обманщик не только незаконно получает деньги, которые ему не причитаются. Он еще и отнимает у людей заповедь. Дающий цдаку полагает, что выполнил заповедь благотворительности, – а оказывается, что деньги попали не по назначению и заповедь остается неисполненной, и человек не удостоивается заслуги и награды за ее выполнение. Поэтому, чтобы отбить у обманщиков охоту выманивать деньги у благочестивых людей, мудрецы Талмуда заявляют им:

Учили мудрецы: тот, кто принимает благотворительность, а в ней не нуждается – будет в ней нуждаться

(Дварим раба, 15:9.)

- [1] Рав Йеошуа-Лейб Дискин. Дерех эмуна, Законы даров беднякам, разъяснение закона 1.
- [2] Законы даров беднякам, гл. 10.
- [3] По книге Симхи Раза «Праведник нашего времени».

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ МУЖ И ЖЕНА

ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ РАЗНЫХ ОБЫЧАЕВ

Евгений Левин

Еврейская религиозная жизнь всегда отличалась многообразием. У нас есть письменные свидетельства об общинных различиях в религиозной практике уже во времена Мишны. Разнообразие было нормой во всех сферах жизни, включая пищу, одежду, формы обрядности, а также Б-гослужение, выполнение постановлений мудрецов, чье мнение часто не совпадало во многих вопросах и т. д. Со временем, по мере расширения диаспор и сокращения контактов между ними, подобных отличий становилось все больше. Поэтому религиозный еврей, попавший, скажем, из Польши в Ирак или Йемен, обнаруживал, что там евреи молятся, одеваются, питаются не совсем так, как было принято у него дома.

Уже мудрецы Талмуда отказались от попыток унификации еврейской жизни. По их мнению, даже в одном городе могло одновременно существовать несколько общин, придерживающихся разных обычаев, со своим независимым религиозным руководством. Поэтому на протяжении еврейской истории, вплоть до наших дней, многообразие еврейских обычаев было правилом, а не исключением, и почти никто не пытался навязывать соседу свою модель религиозной практики.

Существование разных обычаев у общин разного толка и происхождения не вызывало и не вызывает проблем в жизни религиозного еврейства. Если проблемы и появляются, то обусловлены они вовсе не отличиями, а человеческим фактором; религиозная же риторика в подобных случаях лишь прикрывает истинные причины раздора. Проблемы возникали только в одном случае – когда представители разных общин (например, сефардской и ашкеназской) решали вступить в брак: поскольку в доме родителей жених и невеста придерживались разных обычаев, то, естественно, возникал вопрос, каким правилам следовать новой семье. Должны ли муж и жена сохранить верность традиции предков, соответственно словам Писания: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей» (Мишлей, 1:8)? Или один из супругов должен отказаться от своих обычаев и следовать обычаям другого? И если да – то кому из них нужно «поступиться принципами»?

Мишна, первоисточник религиозного еврейского права, не дает на это однозначного ответа. Тем не менее там довольно подробно разбирается вопрос, как следует поступать в случаях, когда разные общины придерживаются разных обычаев – например, по поводу того, когда следует прекращать работу накануне Песаха, 14 нисана: «Там, где принято работать до полудня в канун Песаха, – работают; там, где принято не работать, – не работают. На того же, кто переходит оттуда, где работают, туда, где не работают, или оттуда, где не работают, туда, где работают, накладывают как ограничения места, откуда пришел, так и ограничения места, куда он пришел» (Мишна, Псахим, 4:1).

На первый взгляд эти слова означают, что человек, сменивший место жительства, в любом случае не имеет права работать накануне Песаха перед полуднем. Ибо если он пришел оттуда, где работают, туда, где не работают, на него

распространяются ограничения места, куда он пришел; а если он пришел оттуда, где не работают, туда, где работают, он подчиняется запретам, принятым там, откуда он пришел. Однако комментаторы (Тосафот, Рош и др.) утверждают, что слова «ограничения места, откуда пришел» относятся только к тем случаям, когда человек собирается вернуться домой, в свою общину. Если же он твердо решил окончательно переселиться на новое место, то должен придерживаться только обычаев местной общины. Соответственно, если на новом месте прекращают работать после полудня, то и он должен закрывать лавку и идти домой. А если продолжают – должен работать наравне с другими, независимо от того, как было принято в его родных местах (Пискей а-Рош, 4:4).

По мнению Роша, а также известного испанского раввина Ицхака бар Шешета (Риваш), человек, влившись в другую общину, должен принять новые обычаи *in toto*, независимо от того, придерживался он дома более мягких или более жестких правил. Соответственно этому мнению, например, еврей, переселившийся из Польши в Иран, мог есть в Песах запрещенные ашкеназам китнийот (рис, бобовые и т. п.). А вот его единоверцу, перебравшемуся из Азии в Европу, напротив, пришлось бы отказаться от привычных пасхальных блюд. Иной точки зрения придерживался рав Йосеф Каро: согласно написанному им Шульхан аруху (Орах Хаим, 468:4), еврей, даже переселившийся на новое место, не мог разрешить себе то, что было запрещено у него дома. Однако, по мнению рава Авраама Данцигера, это мнение касается только тех случаев, когда человек собирается все же вернуться на первоначальное место жительства. Если же он «пришел на веки поселиться», то Алаха соответствует мнению Роша.

Именно рассуждения такого рода были взяты за основу, когда раввины обсуждали вопрос, как поступать, если два человека, придерживающиеся разных обычаев, решили сочетаться браком. Разумеется, теоретически они могли бы разрешить каждому из супругов соблюдать традиции предков. Однако, как справедливо заметил один германский раввин, если муж и жена будут «сидеть за столом и спорить о блюдах, и то, что разрешено одному, будет запрещено другому, ничего хорошего из этого, скорее всего, не выйдет» (Ташбец, III:17). Следовательно, необходимо прийти к единообразию.

Выдающийся религиозный авторитет последних поколений, раввин Моше Файнштейн, постановил, что, поскольку женщина, вступая в брак, покидает дом своего отца и переселяется в дом мужа, значит, она подобна человеку, который переселился на новое место и не собирается возвращаться назад. А раз так, то она должна отказаться от обычаев своей семьи и следовать обычаям мужа (Игрот Моше, Орах Хаим, 1:158).

Как мы уже сказали, при переселении из одной общины в другую этот принцип действует независимо от того, по каким правилам – более или менее строгим – живут на новом месте. Это справедливо и для семейной жизни: каких бы правил ни придерживались в семье жены, она следует обычаям мужа. Поэтому, например, выйдя замуж за того, кто, согласно «амстердамскому обычаю», делает перерыв всего в один час между употреблением мясных и молочных блюд, женщина может поступать так же, даже если в доме ее родителей принято делать перерыв в три или шесть часов.

Одного из крупнейших сефардских законодателей нашего поколения, раввина Овадью Йосефа, однажды спросили, как вести себя на Песах ашкеназской женщине, вышедшей замуж за сефарда, – может ли она есть в Песах китнийот или должна следовать более строгой традиции своей прежней общины. Тот ответил, что она имеет полное право отказаться от этого и всех остальных ашкеназских «устрожений», не принятых у восточных евреев.

Свадебные церемонии сефардов и ашкеназов отличаются в существенных деталях. В частности, у ашкеназских евреев принято, чтобы молодые сразу после свадебной церемонии (хупа) ненадолго уединились в закрытой комнате, где их никто не видит (хедер ихуд). Сефарды этого обычая не знают. Соответственно, возникает вопрос, как играть свадьбу, если жених и невеста принадлежат к разным общинам. По мнению рава Овадьи Йосефа, поскольку молодые выходят из-под свадебного балдахина уже мужем и женой, то и в этом случае действует правило «жена следует обычаям мужа»: если жених ашкеназ, молодым положено ненадолго уединиться, а если сефард – они могут проследовать прямо к праздничному столу.

Более сложный вопрос: как в такой ситуации вести себя накануне свадьбы, когда ашкеназы, согласно обычаю, постятся, тогда как сефарды – нет. Рав Овадьа Йосеф и другие авторитеты так и не пришли к окончательному мнению на этот счет. Сам рав Овадьа склонялся к тому, что, если жених сефард, его ашкеназской невесте лучше заменить пост щедрым пожертвованием на благотворительность.

Впрочем, когда речь идет о личных «устрожениях» мужа, а не об обычаях семьи или общины, жена не обязана следовать его обычаям. Скажем, если муж сам решает не есть ничего молочного в тот день, когда он ел мясо, его жена имеет право питаться так, как было принято в доме ее родителей.

Некая женщина обратилась к раву Моше Файнштейну с таким вопросом: муж запрещает ей носить парик, считая это недостаточно скромным – как ей поступать? Рав Файнштейн ответил, что, поскольку речь идет не о традиции, но о частном мнении ее мужа, она вправе одеваться так, как считает нужным (Игрот Моше, Эвен а-Эзер, II:12).

Однако в современной законодательной литературе есть и другие мнения. Например, известный законовед раввин Ицхак Вайс полагал, что, каков бы ни был источник ригоризма, жена может не следовать обычаям мужа, только заручившись его согласием на это (Минхат Ицхак, IV:83). Но следует помнить, что рав Вайс был представителем законодательной школы венгерского еврейства, где традиционно ценился максимально ригористический подход к соблюдению заповедей, а в конце жизни – возглавил суд (бейт дин) иерусалимской «Эды Харедит», одной из наиболее крайних и непримиримых ортодоксальных общин из существующих ныне.

В наши дни представители разных общин вступают в брак гораздо чаще, чем прежде, – особенно в Израиле, где в тесном соседстве живут евреи – выходцы из десятков стран. Так что знание законов, о которых шла речь выше, позволит избежать множества ненужных осложнений, порой возникающих в подобных семьях.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ЕВРЕЙСКИЕ ДРУЗЬЯ И ПОМОЩНИКИ «БОЖЕСТВЕННОГО ВЕСПАСИАНА»

Михаил Туваль

Желание написать эту статью у меня появилось после посещения выставки «Divus Vespasianus» («Божественный Веспасиан»), проходящей в Риме с марта 2009 по январь 2010 года и приуроченной к 2000-летию со дня рождения первого императора династии Флавиев. Основная экспозиция выставки расположена внутри Колизея, но фрагменты ее разбросаны по всему Форуму и Палатину.

Афиша выставки «Божественный Веспасиан» в Колизее

Особое внимание организаторы экспозиции уделили двум фактам. Во-первых, Веспасиан (69–79 годы н. э.), а затем и его сыновья Тит (79–81 годы н. э.) и Домициан (81–96 годы н. э.) пришли к власти во время, а также в немалой мере за счет своей успешной военной кампании в Иудее. Подавление Иудейского восстания выставлялось Веспасианом и его сыновьями в качестве их главной заслуги перед Сенатом и римским народом и являлось наиболее важным обоснованием права Флавиев на императорский трон. Во-вторых, после прихода к власти они развернули широкомасштабную градостроительную кампанию; в ее рамках был возведен целый ряд важных общественных и религиозных сооружений, часть из которых стоит по сей день. Осуществление этой кампании, также сыгравшей немаловажную роль в утверждении новой династии, стало возможным вследствие захвата несметных богатств в Иудее. Другими словами, династия Флавиев пришла к власти над самой могущественной империей античного мира – а также отстроила ее столицу – за счет успешного подавления восстания в римской провинции Иудея в 66–74 годах н. э.[\[1\]](#). В данной связи интересно задаться вопросом, оставшимся за рамками исторического нарратива экспозиции: какую роль сыграли в этом сами евреи?

Как известно, Великое восстание стало для евреев великой трагедией. Вооруженный конфликт в Иудее в 66–74 годах являлся не только восстанием против Рима, но и – в той же мере – гражданской войной. Большую часть времени (с лета 67-го до весны 70-го) различные вооруженные еврейские группировки воевали между собой – в основном, за власть и господство над другими евреями – и объединили свои усилия

против римлян только в тот момент, когда сын Веспасиана Тит подступил к стенам Иерусалима. Недаром еврейская традиция считает, что «напрасная ненависть» явилась главной причиной разрушения Второго храма: «Но почему же был разрушен Второй храм? Ведь в те времена учили Тору, соблюдали заповеди и вершили дела милосердия? Так, но была у них напрасная ненависть. И это должно научить тебя, что идолослужение, разврат и кровопролитие все вместе не превышают напрасной ненависти»[2]. Именно на этих внутренних конфликтах умело сыграли Веспасиан и его сыновья, сумевшие заручиться поддержкой умеренных и проримски настроенных еврейских кругов и извлечь из нее огромную личную пользу.

Одним из наиболее известных евреев, оказавших немаловажную помощь становлению новой династии, был автор «Иудейской войны» Йосеф бен Матитьяу (впоследствии взявший имя Флавий Иосиф). Он родился в 37 году н. э. в Иерусалиме в семье священников и рассказывал, что мать его была хасмонеи, то есть царской кровей. В конце 66 года руководство восстания в Иерусалиме вверило ему командование Галилеей, но уже к началу июля 67-го командовать ему было нечем, потому как Веспасиан молниеносно завоевал Галилею: последний оплот повстанцев Йодфат был взят, его защитники покончили жизнь самоубийством, а сам Иосиф сдался в плен. Позднее он утверждал, что отказался от самоубийства, так как получил откровение свыше и уверовал в свою Б-жественную миссию:

Йосеф внезапно вспомнил виденный им ночью сон, в котором Б-г возвещал ему о грядущих бедствиях евреев и о судьбах римских императоров. Он же был способен толковать сны и проникать в скрытый смысл двусмысленных речей Б-га, ибо был священником и потомком священников и был хорошо знаком с пророчествами священных книг. Как раз в это мгновение исходящее от них вдохновение охватило его и он мгновенно проник в смысл внушающих трепет видений своего недавнего сна. И тогда он обратился с тайной молитвой к Б-гу: «Поскольку Тебе угодно излить Твой гнев на сотворенный Тобою еврейский народ и передать все милости судьбы римлянам и поскольку Ты избрал меня, чтобы поведать мне о том, что должно произойти, я добровольно предаюсь в руки римлян и буду жить, но я торжественно заявляю, что иду не как предатель, но как Твой слуга» (Иудейская война, 3:8:3) [3].

Будучи приведен к Веспасиану, Иосиф приветствовал его как императора. Стоит отметить, что шансы Веспасиана стать императором в тот момент стремились к нулю: у власти стоял тридцатилетний Нерон, и даже после того, как в 68 году он наложил на себя руки, на троне сменилось три императора – Отон, Гальба и Вителлий, – прежде чем наступил черед Веспасиана. Мало того, Веспасиан был плебейского происхождения – его отец служил сборщиком налогов. Однако «пророчество» Иосифа прекрасно вписывается в контекст других «чудес» и «знамений», предшествовавших и сопутствовавших восхождению Веспасиана на престол[4]. Итак, пленный еврейский военачальник, иерусалимский жрец и толкователь еврейского закона был первым, кто – во имя еврейского Б-га! – предсказал основание новой римской династии. Но это было лишь началом.

Триумфальная арка Тита, воздвигнутая в честь победы римлян в Иудейской войне

Первым, кто официально провозгласил Веспасиана императором, был другой еврей – префект (правитель) Египта и командир двух египетских легионов Тиберий Юлий Александр. Тиберий Александр был племянником знаменитого еврейского философа и толкователя Торы, одного из руководителей еврейской общины римского Египта Филона Александрийского, сыном его брата Александра Алабарха (или, скорее, Арабарха, то есть «правителя арабов»). Александр Алабарх заведовал сбором налогов и податей, которыми облагались товары, поступавшие в Египет с Востока, из Аравии, и был одним из богатейших людей Римской империи. Он управлял египетскими владениями дочери Марка Антония и матери императора Клавдия, Антонии Младшей, давал баснословные суммы в долг будущему царю Иудеи Агриппе I, а также жертвовал серебро и золото на отделку девяти ворот Иерусалимского Храма[5]. Иосиф Флавий пишет о его сыне Тиберии Александре, что «он не остался в вере своих отцов» (Иудейские древности, 20:5:2), однако не совсем понятно, что имеется в виду. Возможно, в глазах Иосифа Тиберий Александр был недостаточно щепетилен в соблюдении еврейских законов, но это вовсе не означает, что он перестал считать себя евреем или порвал отношения с еврейской общиной. Полагают, что Филон посвятил своему племяннику по меньшей мере два трактата: «О Провидении» и «О животных» (который также называется «Александр»). Родной брат Тиберия Александра Марк был женат на сестре царя Агриппы II царице Беренике, однако умер молодым, оставив Беренику вдовой. К Агриппе и его сестре мы вернемся ниже.

Итак, Тиберий Александр сделал блестящую карьеру на римской службе. Между 46 и 48 годами н. э. он был прокуратором Иудеи; Иосиф Флавий сообщает, что период его правления протекал мирно, потому что прокуратор-еврей, разбиравшийся в

местных делах, избегал вмешиваться в них. Около 66 года Тиберий Александр был назначен префектом Египта. Во время еврейских беспорядков в столице Египта Александрии, начавшихся вскоре после получения известий о восстании в Иудее, он сначала пытался утихомирить еврейское население города, но, не преуспев в этом, послал свои легионы в еврейский квартал для того, чтобы «навести порядок». Согласно Иосифу Флавию, в результате этой акции погибло около пятидесяти тысяч евреев (Иудейская война, 2:18:7-8). 1 июля 69 года египетские легионы под командованием Тиберия Александра первыми провозгласили Веспасиана императором[6]; легионы Иудеи и Сирии последовали их примеру.

Веспасиан отплыл из Александрии в Рим, а Иосиф Флавий (торжественно освобожденный из римского плена сразу после того, как его «пророчество» сбылось) и Тиберий Александр остались с императорским сыном Титом и сопровождали его в Иудее до победного конца. Немолодой уже Тиберий Александр, «человек испытанной преданности и ума», был назначен командиром всего римского войска в Иудее за то, что «первым приветствовал появление нового императорского рода и со столь великолепной верностью связал судьбу свою с теми, чье будущее было еще столь неопределенным» (Иудейская война, 5:1:6). Другими словами, Тиберий Александр стал вторым человеком в армии после самого Тита, то есть непосредственно командовал подавлением еврейского восстания, разрушением Храма и Иерусалима. Иосиф Флавий сообщает, что накануне разрушения Храма Тит созвал совет, на котором заявил, что разрушать Храм нельзя ни в коем случае; Тиберий Александр поддержал его мнение. Однако фрагмент из Тацита, сохранившийся в хронике Сульпиция Севера и большинством современных историков признанный в качестве более достоверного источника, свидетельствует о прямо противоположном: Тит настаивал на разрушении Храма и, по всей видимости, Тиберий Александр тоже[7]. Из папирусов, найденных в Египте, следует, что после успешного подавления Иудейского восстания Тиберий Александр за свои заслуги был назначен Веспасианом на почетный пост командира преторианской гвардии (*praefectus praetorio*) [8].

Немаловажную военную помощь Веспасиану и Титу оказал и другой местный лидер – еврейский царь Марк Юлий Агриппа II, правнук Ирода Великого и сын последнего царя Иудеи Агриппы I (37–44 годы н. э.). До войны Агриппа II правил землями Галилеи, Башана и Голан и какое-то время по поручению императора Клавдия даже был ответственным за управление Иерусалимским Храмом и за назначение иудейских первосвященников (Иудейские древности, 20:1:3). В начале восстания он пытался убедить повстанцев в тщетности сопротивления и призывал их сложить оружие. Но когда это ему не удалось, он решительно встал на сторону римлян, и его войска приняли активное участие в подавлении восстания. Сестра Агриппы царица Береника, про которую злые языки пустили молву, что она состояла в кровосмесительной связи со своим братом, по всей видимости, была настолько увлечена Титом, что стала его возлюбленной. В 75 году она даже перебралась в Рим, где жила с Титом до тех пор, пока враждебное общественное мнение не вынудило их расстаться.

Барельеф на арке Тита с изображением римских легионеров, несущих трофеи из Иерусалимского Храма

На этом этапе следует вернуться к нашему главному свидетелю, «пророку» и историку Иосифу Флавию. Его функция отнюдь не исчерпывалась предсказаниями у развалин Йодфата и допросами пленных евреев у стен Иерусалима – о чем он рассказывает с гордостью, ибо только «он был в состоянии понимать их» (Против Апиона, 1:49)^[9]. После того как Храм сгорел дотла, а Иерусалим был стерт с лица земли, Иосиф последовал за Титом в столицу империи, которая теперь принадлежала его патронам. Там он стал так называемым «клиентом» (подопечным) императоров новой династии: ему было даровано римское гражданство (отсюда и его новое имя – [Тит] Флавий Иосиф), денежная дотация и земли в Иудее – Веспасиан поселил его в своей бывшей резиденции на Квиринале. Позднее Домициан освободил его от уплаты налогов. И Веспасиан, и Тит, и Домициан защищали Иосифа от периодически повторяющихся нападков и обвинений в заговорщической деятельности^[10].

Чем отплатил им Иосиф? В отличие от многих современных исследователей, пытающихся реабилитировать Иосифа, ученые прошлых поколений не затруднялись с ответом на этот вопрос: сочинение «Иудейская война» должно было прославить подвиги императоров новой династии на еврейской земле. И в самом деле, весьма сложно интерпретировать «Иудейскую войну» по-другому: Иосиф описывает Веспасиана, а особенно Тита как олицетворение всех лучших человеческих качеств: доброты, великодушия, благородства, мужества, щедрости и т. д.

Иосиф гордится тем, что преподнес свое сочинение Титу и Веспасиану (а значит, он закончил его до 79 года н. э., года смерти последнего). Тит же приказал обнародовать эту версию иудейской военной кампании за счет имперской казны, чтобы именно из нее все узнали о том, что «действительно произошло» в Иудее (Жизнеописание Иосифа, 361-3).

То, что Флавиям была важна подобная пропаганда, никем под сомнение не ставится. Как уже говорилось, для них победа в Иудейской войне стала основным способом легитимации собственной власти. Они стремились представить себя Сенату и всему римскому народу в качестве самоотверженных героев, вступивших в поединок с варварскими силами хаоса и тьмы, победивших их и восстановивших Pax Romana, «Римский мир». О важности победы над евреями свидетельствует и огромное количество особых монет, отчеканенных новой династией между 71 и 82 годами. На них изображена сидящая под пальмой скорбящая женщина, которая олицетворяет поверженную Иудею, и победоносный римский солдат, гордо опирающийся на копье. Надпись на этих монетах гласит: IUDAEA CAPTA – «плененная Иудея»[\[11\]](#).

Прежде чем мы подведем итоги, нельзя не поговорить о деньгах. Даже современные итальянские исследователи признают, что большая часть градостроительной деятельности Флавиев велась на средства, захваченные в Иудее. Не так давно на Колизее была обнаружена и расшифрована следующая надпись: I[mp(erator)] t(itus) caes(ar) vespasi[anus aug(ustus)] amphiteatru[m novum?] [ex] manubi(i)s (vac.) [fieri iussit?], что в переводе означает: «Император Тит Цезарь Веспасиан Август [приказал сделать] новый амфитеатр (то есть Колизей) из военных трофеев». Ученые считают, что имя Тита было вписано сюда позже, а изначально речь шла о его отце Веспасиане. Нет практически никакого сомнения в том, что трофеи, упомянутые в надписи, – это богатства, захваченные во время Великого восстания, – ни Веспасиан, ни Тит не вели никаких серьезных войн во время своего правления, кроме Иудейской войны. Известно ли нам что-либо о том, что это были за богатства? Пожалуй, на этот вопрос можно ответить утвердительно.

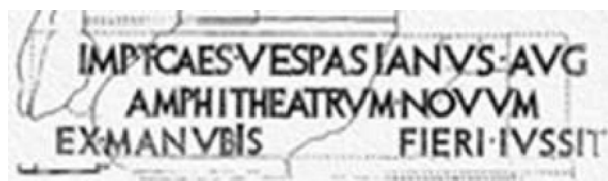
20 марта 1952 года археологи, исследовавшие окрестности Кумрана, обнаружили в одной из пещер так называемый Медный свиток, один из самых загадочных свитков Мертвого моря. В отличие от всех остальных кумранских рукописей Медный свиток был написан не на пергаменте или папирусе, а на трех медных пластинах, соединенных вместе. Однако не столько материал, сколько содержание этого свитка вызвало изумление и недоумение ученых: текст, написанный на иврите, перечислял шестьдесят четыре места на территории Иудеи, в которых были спрятаны сокровища. Чтобы дать представление о характере этого текста, процитируем его начало:

1. В развалинах, которые в долине Ахор, сорок длинных локтей под ступенями, ведущими к востоку: сундук с серебром и сосуды – семнадцать талантов весом. 2. В надгробии, в третьем ряду каменной кладки: сто слитков золота. 3. В большой цистерне, которая во дворе перистилия, в углублении ее дна, засыпанного песком, напротив верхнего отверстия: девятьсот талантов[\[12\]](#).

И так далее. Сокровища, описанные в Медном свитке, исчисляются многими тоннами золота, серебра и других драгоценных металлов.

После того как этот свиток был открыт (вернее – распилен) и расшифрован, мнения ученых насчет его содержания разошлись: большая часть исследователей, изучавших его на ранних этапах, решили, что Медный свиток – дело рук фантазера или сумасшедшего. Одним из немногих исследователей, которые с самого начала отнеслись к этому тексту всерьез, был Джон Марк Аллегро (1923–1988), британский ученый, агностик и авантюрист, личность неординарная и противоречивая, особенно выделявшаяся на фоне других специалистов, занимавшихся в то время рукописями Кумрана. Аллегро интерпретировал Медный свиток настолько буквально, что даже проводил несанкционированные раскопки в надежде обнаружить описанные в нем сокровища. Его

коллеги считали его эксцентриком и помешанным[13]. Как ни странно, в настоящий момент большинство кумранистов приняли позицию Аллегро в отношении Медного свитка и считают, что в нем описаны реальные сокровища, которые были спрятаны в Иудее во время восстания 66–74 годов. Они также полагают, что сокровища эти происходили из Иерусалимского Храма и, по всей видимости, были обнаружены римлянами[14]. Другими словами, это и были те деньги, на которые Веспасиан и его сыновья заново отстроили Рим.

Надпись Тита, найденная в Колизее. Римская монета с изображением «плененной Иудеи»

К этим сокровищам, конечно, следует добавить и особый еврейский налог, *fiscus iudaicus*, которым были обложены все евреи империи вследствие Великого восстания. По распоряжению Веспасиана эти деньги должны были пойти на восстановление храма Юпитера Капитолийского в Риме, разрушенного в ходе междоусобной борьбы за власть в 69 году н. э. Деньги, которые ранее евреи собирали на нужды Иерусалимского Храма, отныне посылались в Рим, в пользу храма верховного римского божества. Храм Юпитера был вскоре восстановлен, однако *fiscus iudaicus* сохранялся еще долгое время – древние источники рассказывают, что Домициан взимал его с особенным рвением[15].

Закончим эту статью коротким обзором деятельности Иосифа Флавия после написания «Иудейской войны». Вполне возможно, что у читателя создалось весьма нелицеприятное впечатление об этой личности, а посему попытаемся несколько сбалансировать картину. После «Иудейской войны» Иосиф написал еще три произведения: первое из них, «Иудейские древности», было закончено в 93–94 годах н. э. и описывало всю еврейскую историю от сотворения мира и до начала Великого восстания в 66 году н. э. В качестве приложения к «Древностям» Иосиф опубликовал свою «Автобиографию», или «Жизнеописание», большая часть которой была посвящена его деятельности в Галилее в 66–67 годах. Последним произведением Иосифа стал его апологетический трактат в двух томах «Против Апиона», называемый также «О древности еврейского народа». Следует отметить, что в отличие от «Иудейской войны» поздние произведения Иосифа были в основном написаны для того, чтобы объяснить интересующейся и симпатизирующей евреям римской публике, что такое иудаизм и кто такие евреи. В «Древностях» Иосиф определял Тору как идеальную конституцию и самый лучший закон, идентичный законам мироздания и подходящий для всех людей. Другими словами, «Древности» – это миссионерское произведение. В «Против Апиона» он также

интерпретировал законы Торы как постулаты возвышенной и глубокой философии, стремясь тем самым опровергнуть языческие стереотипы в отношении евреев и иудаизма.

В отличие от «Иудейской войны», в которой Иосиф утверждал, что еврейский Б-г перебрался в Рим и судьба Его дальнейших взаимоотношений с евреями непонятна, в «Древностях» и «Против Апиона» позиция Иосифа в корне изменилась: Б-г заботится о тех, кто соблюдает Его закон, и помогает им. Мало того, в отличие от «Войны», не содержащей никакого эсхатологического сценария, в «Древностях» Иосиф, некогда пророчествовавший у дымящихся развалин Йодфата о грядущем величии Веспасиана, пришел к заключению, что Римская империя в конце концов падет, а на смену ей придет царство иудаизма. Иосиф не рассматривал будущий триумф иудаизма в узком контексте возвращения евреев в Эрец-Исраэль; с его точки зрения, весь мир в конце концов станет еврейским. Так, он с гордостью писал о популярности еврейского закона среди язычников:

Руины храма Веспасиана, построенного Титом

Мы засвидетельствовали перед всеми остальными народами преимущества наших законов, которые неизменно приобретают себе все новых сторонников из их числа. <...> Нет ни эллинского, ни варварского города и ни единого народа, у которого не было бы обычая почитать седмицу, когда мы отдыхаем от трудов, и не соблюдались

бы посты, обычаи зажигания свечей, а также многочисленные из бытующих у нас предписаний относительно пищи. Они стараются подражать также и нашему взаимному согласию и благотворительности, трудолюбию при всяком деле и нашей непоколебимой верности законам во всяком несчастии. Но более всего удивительно то, что закон имеет силу сам по себе, не увлекая никакими прелестями и наслаждениями. Подобно тому как Б-г повсюду присутствует в мире, так и закон повсеместно проник ко всем людям. Никто, взглянув на свое собственное отечество и свой родной дом, не станет отрицать сказанного мною (Против Апиона, 2:280-284)[16].

Несмотря на то что подобные заявления могут показаться нам преувеличением, известно, что именно в период после Великого восстания популярность иудаизма в римском мире достигла своего апогея. Об этом мы узнаем как из еврейских источников, так и из языческих. И не простое совпадение, что третьему императору династии Флавиев Домициану пришлось казнить своего родственника консула Флавия Клемента за принятие иудаизма[17]. Вполне возможно, что Флавий Клемент обратился в иудаизм при содействии бывшего иерусалимского священника Йосефа бен Матитьяу[18].

[1] Все это подробно описано на более чем 500 страницах каталога выставки, четыре главы которого посвящены евреям, Иудее и Великому восстанию: F. Coarelli (ed.), *Divus Vespasianus: Il bimillenario dei Flavi*. Milano, 2009.

[2] Вавилонский Талмуд, трактат Йома, 9б (цит. по: Вавилонский Талмуд. Антология Агады. М.–Иерусалим, 2001. С. 231–232).

[3] Цит. по: Иосиф Флавий. Иудейская война. М.–Иерусалим, 2004. С. 222–223.

[4] См.: Levick B. *Vespasian*. London, 1999. P. 67–69.

[5] О семье Филона см.: Schwartz D. R. *Philo, His Family, and His Times* // Kamesar A. (ed.). *Cambridge Companion to Philo*. Cambridge, 2009. P. 3–25.

[6] Tcherikover V. A., Fuks A. (eds.). *Corpus Papyrorum Judaicarum*. Vol. 2. Cambridge, 1960. P. 188–193. Иосиф утверждает, что первыми провозгласили Веспасиана императором легионы в Иудее (Иудейская война, 4:10). Но среди ученых принято мнение, основанное на папирологических свидетельствах, что Иосиф подтасовал факты из пропагандистских соображений.

[7] Штерн М. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. От Тацита до Артемидора. М.–Иерусалим, 2000. С. 62–66.

[8] Tcherikover V. A., Fuks A. *Op. cit.* P. 194.

[9] Цит. по: Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона. М.–Иерусалим, 1994. С. 125.

[10] См., например: Bilde P. *Flavius Josephus between Jerusalem and Rome: His Life, His Works and Their Importance*. Sheffield, 1988.

[11] Есть также монеты с надписью IUDAEA DEVICTA, «Побежденная Иудея». Об этих монетах и их пропагандистской направленности см.: Cody J.M. *Conquerors and Conquered on Flavian Coins* // Boyle A.J., Dominik W.J. (eds.). *Flavian Rome: Culture, Image, Text*. Leiden, 2003. P. 103–124.

[12] Полный текст Медного свитка см. в: Martínez F.G., Tigchelaar E.J.C. (eds.). *The Dead Sea Scrolls Study Edition*. 2 vols. Leiden, 1997–1998. Vol. 1. P. 232–239.

[13] Шедевром Аллегро по праву считается его книга «The Sacred Mushroom and the Cross» (London, 1970), в которой он пытается доказать, что все религии мира сводятся к поклонению фаллосу и что их святыне тексты были написаны под воздействием галлюциногенного гриба *Amanita muscaria* (мухомора). Подробно про Аллегро см. биографию, написанную его дочерью: Brown J.A. *John Marco Allegro: The Maverick Of The Dead Sea Scrolls*. Grand Rapids, 2005.

[14] О Медном свитке см.: Walters A. Copper Scroll // Schiffman L.H., VanderKam J.C. (eds.). Encyclopedia of the Dead Sea Scrolls. Oxford, 2000. Vol. 1. P. 144–148.

[15] О *Fiscus iudaicus* см.: Smallwood M. The Jews under Roman Rule: From Pompey to Diocletian. Leiden, 1981. P. 371–376.

[16] Цит. по: Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона. М.–Иерусалим, 1994. С. 187.

[17] Об этом сообщает Кассий Дион в своей «Римской истории» (Штерн М. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Том 3. М.–Иерусалим, 2002. С. 51–55.)

[18] Mason S. Should Any Wish to Enquire Further (Ant. 1.25): The Aim and Audience of Josephus' Judean Antiquities / Life // Mason S. (ed.). Josephus: Seven Perspectives. Sheffield, 1998. P. 97–101.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

«ДЬЯВОЛЬСКИЙ ВОСТОРГ»

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМЫ В РУССКОМ РОМАНТИЗМЕ

Михаил Вайскопф

В предисловии к своей книге «Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма», вышедшей в начале 2008 года, я заметил, что при сплошном просмотре русской периодики, результатом которого явилась данная монография, неизбежны и кое-какие лакуны. Последующие разыскания, увы, оправдали прогноз. В английском переводе, готовящемся к печати в издательстве «Brill», все эти пробелы будут заполнены. Иначе обстоит дело с русским оригиналом. Нынешняя экономическая ситуация делает сомнительным переиздание книги в России, по крайней мере, в ближайшие годы. Поэтому целесообразно ознакомить читательскую аудиторию со многими текстами, релевантными для рассматриваемой темы и не вошедшими в русскую версию.

По большей части, речь пойдет не о какой-либо принципиальной переоценке сделанных ранее выводов, – напротив, они нашли лишь новое и емкое подтверждение. Так, в книге сказано, что в 1838 году в России вышла серия журнальных публикаций,

очевидно, инициированных сверху, причем самой симптоматической из них стала помещенная О. Сенковским в «Библиотеке для чтения» обширная и чрезвычайно агрессивная статья «Польские евреи». Подробно изложив ее содержание, я указал на компилятивный характер материала, причислив его к скоординированной журнальной кампании, отражавшей новые правительственные веяния; было высказано мною и предположение о немецко-маскильском генезисе статьи. Вскоре эти выводы подтвердились самым лестным для меня образом благодаря архивным разысканиям О. Минкиной. Она установила, что главным (хотя далеко не единственным) источником публикации был служебный трактат Карла Фоделло – крещеного еврея из Пруссии, с 1806 года ставшего русским подданным, а потом агентом секретной полиции^[1]. С 1826 года Фоделло участвовал в подготовке нового «Положения о евреях»; его меморандум, как сообщает исследовательница, 8 апреля 1827 года был передан Николаю I. Сенковский же позаимствовал текст из Секретного архива III отделения, – обстоятельство, не оставляющее сомнений в заказном происхождении публикации (вместе с тем, подчеркивает Минкина, практические предложения журнала заметно расходятся с проектом Фоделло).

Ряд материалов проливает дополнительный свет на происхождение и состав еврейского образа в русской культуре, меняя некоторые его нюансы. Среди прочего, в книге говорилось о демоническом еврейском персонаже из романа «девицы-кавалериста» Н. Дуровой «Гудишки» (1839). Это принявший иудаизм могучий колдун Воймир, или Рогач. Его облик и прозвище я связал с Моисеем – библейским чудотворцем, который у Микеланджело был увенчан рогами – т. е. лучами (в согласии с ивр. карнаим – «лучи» / «рога»). Б-жественное сияние Моисеева лика, устранившее древних евреев, заменено здесь черным огнем ада, который повергает в ужас христианских созерцателей: «Необычайная чернота лица, кровью налитые глаза и два возвышения по сторонам лба делают его похожим на злого духа и наводят ужас на всякого, кто смотрит на него попристальнее, а особливо ночью...»^[2] Фольклорные данные, собранные в книге О. Беловой и В. Петрухина, изданной одновременно с «Покрывалом Моисея», подкрепили эту аналогию. Оказывается, на польских землях бытовала вера в то, что Моисей был «рогатым», – и кстати, его рогатость переносится вдобавок на еврейского Мессию, наделенного столь же демоническими свойствами^[3]. Пример из Дуровой знаменателен и в другом отношении. Если, соответственно своим исходным идеологическим установкам, романтическая словесность почитала себя глашатаем народного сознания, то применительно к евреям ее функция состояла в том, чтобы снабжать образованные слои богатыми ресурсами народной юдофобии, делая ее привычной и неотъемлемой частью отечественной культуры.

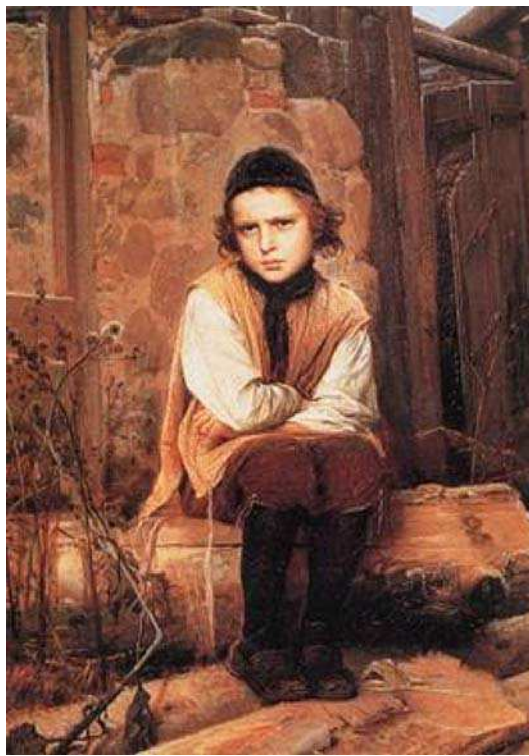
В.Т. Нарезный. Гравюра

В большем объеме проясняется и литературный генезис такого общехристианского клише, как представление об «иудейской злобе» и мстительности. В русской секулярной культуре этот стереотип укоренился еще тогда, когда никакого знакомства с реальными евреями она свести не успела. Пример тому – дебютное сочинение В.Т. Нарезного «Мстящие евреи» (1799), исполненное в драматургической стилистике немецкой «Бури и натиска». Еврей здесь убивает христианского старца только за то, что тот порицал его бесчеловечную ненависть к христианам. Излагая этот «анекдот», автор прибавляет: «Быть может, он многим покажется невероятным по своей жестокости и зверству крови, – что и в самом деле сомнительно, – однако прошу подумать и о том, что всякой еврей, несмотря на свою низость и рабство, есть гордое и внутренне всех презиращее творение и что ненависть к христианству доводила его нередко до ужасных крайностей». Молодой Иезекииль, ринувшись на старца, «с исступлением и бешенством растерзал грудь его и исторгнул трепещущее сердце». Узнав об этом и на радостях «грызя кинжал», отец убийцы, верный «раб Б-га Всевышнего», восклицает: «Дай мне напитаться этою кровью, гнусною кровию христианина. Нигде не найдет она себе такого мучения, как смешавшись с моею кровию и обращаясь в моих жилах». Единственное, что его удручает, – это то, что сын поразил сердце мученика сразу, а не нанес ему множество ударов, чтобы продлить страдания жертвы^[4].

Вскоре Нарезный опубликовал драматический отрывок «День злодейства и мщения», где выведен был еще один кровожадный иудей, тоже наделенный ветхозаветным именем. Себя он ободряет словами: «Не робей, Воаз, природа произвела тебя евреем, самым презреннейшим творением в странах христианских; она рассеяла народ твой по всему лицу земли – я отомщу за всех». Излагается и сатанински-коварная программа этого мщения, кое в чем предвещающая «Сионские протоколы»: «Я вооружу брата на брата, отца на сына, я расторжу сердца любовников и буду поражать их неприметными ударами»^[5]. Здесь впору напомнить, что это был тот самый Нарезный, который со временем радикально изменил свои взгляды на «рассеянный народ» и в романе «Российский Жилблаз» создал образ добродетельного и обаятельного еврея Яньки, возмутивший цензуру.

Эволюция Нарезного разворачивалась под знаком Просвещения, которое, вообще говоря, нередко совмещало в себе весьма положительный подход к еврейству, освященный традицией Лессинга, с патерналистско-юдофобской установкой. Последняя была чрезвычайно характерна для польского Просвещения, включая самых авторитетных его представителей наподобие С. Сташица, с антисемитской публицистикой которого русский читатель свел некоторое знакомство в александровскую эпоху. Более гуманную – беллетристическую – трактовку той же темы отечественной аудитории предложила газета «Северный Меркурий». В 1831 году она напечатала переведенный с немецкого отрывок из романа Юлиана Немцевича (Niemcewicz) «Leibe i Siore», снабдив его редакторским уведомлением о том, что в этой книге «мастерскою кистию изображены нравы польских евреев». Героиня, Сиора, тоскует по своему возлюбленному, который успел привить ей страсть к просвещению и обучил польскому языку. В этом отрывке, представляющем собой письмо Сиоры к Лейбе, девушка отвергает современный «жидовский язык», представляющий собой всего лишь «испорченный немецкий»: «Никогда Авраам, Исаак, Иаков и наш законодатель Моисей не говорили подобным языком. Настоящий язык каждого человека есть язык той земли, в которой он родился: мы же родились в Польше, итак язык польский есть наш отечественный; на сем языке мы должны писать и говорить». Роман в самом предосудительном виде изображает пагубную привязанность евреев к раввинистической учености, «предрассудкам» и Талмуду, противопоставляющим их всем другим народам. Отец Сиоры, угрюмый талмудист, чуть было не ударил девушку, когда та, изнемогая от жажды, попросила воды у «прелестной, молоденькой христианки»:

«– Недостойная израильтянка! Ты смеешь пить из чаши, оскверненной устами гойки!.. Разве не читала в наших священных книгах, в Талмуде, что одни евреи только суть творения Б-га, что в них одних только вложил Он душу; между тем как прочие люди, дети врага его, Ситры-Акры (sic), не имеют души и столь же нечисты, как и пресмыкающиеся по земле насекомые и гады!..»[6]

Обиженный еврейский мальчик. И. Крамской

Помимо обычной мстительности и ненависти к христианам евреям свойственна другая неизменная страсть – корыстолюбие. Отторгнутые от общечеловеческих ценностей, они не знают ни дружбы, ни любви, что доказывается сценой встречи отца Сиоры с его родственниками и старыми знакомыми: «Они подошли к нему с изъяснением, после долгого его отсутствия, нежной радости чувствительных сердец, родства и дружества; но с холодностью, которая обнаруживалась в их приветствиях и в молчании. В самом деле, теперь я готова верить, что нет более существ из всей нации нашей, исключая нас двоих, которые могут чувствовать. Они женятся не любя и не видав никогда друг друга. <...> Отцы договариваются о приданом или, лучше сказать, о цене». Ту же участь отец готовит и Сиоре, которая с ужасом и отвращением описывает еврейское бракосочетание, перенимая заодно и славянское народное убеждение в том, будто совершается оно на навозе или на мусоре[7]. «В назначенный день две бедные жертвы соединяются в условленном месте, заставляют их плясать на нечистоте, разбить стакан об туфли, и – приказывают жить вместе – всегда...»[8]

Как бы враждебно ни изображал Немцевич иудейскую традицию и тогдашнее состояние польского еврейства, по отношению к последнему он все же был преисполнен благих намерений, воплощенных в юной чете, – просветительских Адаме и Еве, которые знаменовали собой надежду на грядущее исцеление этого народа. На Западе, впрочем, симпатию нередко вызывали и пусть весьма традиционные, зато экзотические восточные евреи, а особенно еврейки, причем их показ увязывался все с той же нотой просветительской дидактики. В России это увлечение подхватывают некоторые периодические издания, подпавшие под влияние модного романтического ориентализма,

побуждающего стилизовать еврейских красавиц под Библию. В английской литературе библейская тема стимулируется надеждой на предстоящее возвращение евреев в Сион, воодушевлявшей широкие круги британского общества первой половины XIX века. Напомним, что этим упованиям отдал весомую дань Байрон. В России его «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies») переводили многие поэты (Н. Маркевич, Д. Ознобишин и др.), самым известным из которых стал Лермонтов. Но еще до того, как он приступил к этим текстам (лето–осень 1830 года), его друг Н. Шеншин – тот самый, что переводил филосемитскую «Историю евреев» графа де Сегюра, повлиявшую на лермонтовскую драму «Испанцы», – 2 мая 1830 года напечатал в том же «Северном Меркурии» свои прозаические переложения байроновских стихов[9]. Возможно, именно его пример также послужил стимулом для Лермонтова.

Байрон, однако, ограничился чисто ветхозаветной и литургической подачей темы Сиона[10], полностью лишив ее традиционных христианских упований. Ведь в тогдашней протестантской среде будущая еврейская репатриация, как правило, считалась условием для обращения иудеев в истинную веру. Впору напомнить, что в литературной продукции главными носителями евангельского идеала в еврейской душе представляли молодые и красивые еврейки, тянувшиеся, наподобие Джессики у Шекспира или Ревекки у Скотта, если не к христианству, то хотя бы к христианину. Такие героини, вместе с некоторыми просвещенными иудеями, автоматически противопоставлялись их ветхозаветному окружению, погрязшему в косности, фанатизме и жестоком высокомерии. Именно к этому ряду подверстывается и добродетельная Сиора у Немцевича.

В 1829 году «Вестник Европы» опубликовал в переводе с французского отрывок из романа английского писателя Горация Смита «Зилла» (т. е. Цилла), озаглавленный «Портреты иудеев в последние времена Асмонейской династии». В редакционном примечании роман был приобщен к «многочисленным подражаниям Вальтеру Скотту», запрудившим всю Европу и особенно Англию, но его автор назван «одним из счастливейших подражателей великого шотландца». Действие происходит в эпоху, предшествующую зарождению христианства, и уже отсвечивает заревом грядущих событий. Отец героини – помощник иудейского первосвященника, человек высокообразованный, владеющий латынью и греческим, – обучил свою юную прекрасную Зиллу этим языкам и привил ей вкус к лучшим языческим авторам (словом, взял на себя ту же просветительскую роль, которая у Немцевича была отведена Лейбе). Глубокомыслие сочетается в ее характере с кротостью (черта, намекающая на внутреннюю предрасположенность к грядущему христианству) и одновременно с проникновенной набожностью, – так что «можно было ее назвать Дщерью Иерусалима, сего святого града, для сынов коего благочестие и патриотизм были соименны и могли заменять друг друга»[11]. «Единственным удовольствием, к которому она имела склонность, была музыка, составлявшая отличительную черту иудейской религии и которую можно было назвать приятнейшею забавою сего народа. Это искусство евреи любили со времен Моисея, Давида, и их настоящие потомки сохраняют донныне постоянную к нему привязанность»[12]. Увы, народ этот успел уже трагически деградировать: его обуревают национальная гордыня и презрение ко всем прочим народам; он склонен к идолопоклонству, лицемерию и мятежам, инициатором которых выступает «секта фарисеев», «составлявшая самую сильную партию в Иерусалиме». Мачеха Зиллы Саломея вздумала сочетать ее браком с их начальником, но девушка, словно упреждая соответствующие речения Иисуса, относится к фарисеям с отвращением. Спасая дочь от смут и раздоров, угрожающих Иерусалиму, отец забирает ее на время в Рим. На этом и обрывается публикация.

Еврейка. М. Готлиб

Тяга к христианизации молодых евреек стимулировалась повсеместным представлением об их чарующей красоте. По общему мнению, это качество присуще было им не только в христианском мире, но и на Востоке. В 1831 году «Молва» публикует заметку «Израильтянки в Танжере»: «Столица Марокко, Тангер, особенно славится красотой своих израильтянок, которые вообще пользуются там большим уважением, несмотря на то, что они – дети рабов и невольников. <...> Им строго запрещено отлучаться из дому, и потому юная израильтянка нередко до 18–20 лет не бывает видима на улице, иногда даже не переступает порога своего жилища. А ежели случается сие, то не иначе как ночью и с глубочайшею скрытностью. Но вопреки такому истинно тюремному заключению, жалкие сии творения кажутся всегда очень веселы и счастливы»[\[13\]](#).

Из заметки, впрочем, явствует, что на мусульманском Востоке еврейки считались не менее пригодными и для перехода в ислам, причем на практике проводилось это обращение примерно такими же способами, что и их приобщение к христианству (если рассматривать этот процесс в реалистическом плане, а не под углом романтических стереотипов, проникавших даже в полицейские протоколы). Заключительные строки дают понять, почему, собственно, родители юных «израильтянок» держали их в строжайшем заточении, всячески скрывая от чужих глаз. Все дело в том, что «красота их составляет предмет внимания и страсти мавров. Сие обстоятельство бывает причиною, что прекрасные израильтянки оставляют веру отцов и, перешедши в магометанство, делаются супругами мавров»[\[14\]](#).

Если к крещению юных евреек русская литература, следуя общеевропейскому канону, в целом относилась крайне одобрительно, то, в согласии с тем же канонем, крещеные евреи почти неизменно вызывали у нее отвращение и гадливость, – чувства, которые любопытным образом противоречили общехристианскому стремлению обратить падший народ в «истинную веру». Столь же безграничную брезгливость внушает русским писателям не только вчерашний иудей, ставший православным (у Сомова, Зотова и других авторов), но и его соплеменник, облюбовавший для себя какие-либо иные этноконфессиональные привязки. В сатирическом очерке 1826 года «Человек со вкусом»

Михаил Бестужев-Рюмин изобразил юркого и льстивого проходимца, унаследовавшего соответствующие дарования от своего отца. Тот заблаговременно «рассудил, что неприятно принадлежать к племени, пользующемуся в свете не весьма выгодным для себя мнением, и... из еврея сделался французом!»^[15]

Изредка бывало и так, что еврей, не вкусивший христианской благодати, изображался в достаточно доброжелательных тонах. Образчиком, как и во многих других случаях, здесь служил Вальтер Скотт. Его «Айвенго» (в русской транслитерации «Ивангое») был переведен в 1826 году, и с тех пор воздействие этого романа на показ евреев в русской исторической беллетристике сказывалось с нарастающей силой. Уже в 1827 году выходит подражательная историческая повесть «Красный яхонт», подписанная инициалами Л. С. и напечатанная А. Измайловым и П. Яковлевым в «Календаре муз» – издании, вообще говоря, несколько архаическом и скорее антиромантическом. Отсюда и нерешительная двойственность текста: с одной стороны, он открыто стилизован под шотландского романиста, с другой – полемически обыгрывает его повсеместный культ^[16]. Действие разворачивается в XVI веке и обставлено немецкой средневековой бутафорией. Здесь появляется и еврей-ювелир Самуил, который «с частыми низкими поклонами выглядывает на цыпочках из дверей, ежеминутно оглядываясь на все стороны»^[17]. Вместе с ним и сперва так же крадучись в русскую романтическую прозу проникает еврейская тема.

Подобно еврею из вальтер-скоттовского романа, Самуил трогательно опекает своего спасителя – некоего молодого рыцаря, избавившего его от разбойников, но получившего при этом смертельную рану. Еврей рассказывает об этом доброй и благосклонной к нему графине – бывшей возлюбленной рыцаря (считая того давно погибшим, она согласилась выйти за другого – человека жестокого и злобного и теперь, накануне свадьбы, с ужасом узнает правду). Оказывается, благодарные евреи перевязали юноше его рану, перенесли его в свой дом и вызвали к нему опытного лекаря. «– Ах, графиня! – сказал Самуил, утирая непритворные слезы. – Хоть жених ваш и говорит, что евреи не люди, но я могу оценить благодеяние, мне оказанное». Однако его признательность комически ограничена довольно скромной лептой: «– Десятую долю своего имущества отдал бы я тому, кто воскресил бы благородного рыцаря – моего избавителя»^[18]. Хотя в целом автор к своему Самуилу относится вполне снисходительно, образ этого «доброего еврея» внезапно подвергается традиционной и весьма зловещей корректировке, отлучающей его от человечества. Графине становится дурно, когда она узнает о том, что раненый рыцарь уличает ее в измене, – и она просит еврея развязать ей пояс. Тот, «с трепетом всего тела» делает это. «Его худые, костлявые руки дрожали у прекрасных, вздымающихся персей графини; впервые такое нечистое животное подходило так близко к престолу любви»^[19].

Окончание следует

^[1] Минкина О. Невидимый кагал. Из тетрадей Карла Фоделло. 1827 год // Лехаим. 2008. № 10. Минкина, кроме того, любезно сообщила мне, что подлинным автором разбиравшегося мною анонимного рассказа «Еврей», напечатанного в «Библиотеке для чтения» в 1849 году, был польский писатель Крашевский.

^[2] Александров (Дурова Н.А.). Гудишки. В 4 ч. Ч. 4. СПб., 1839. С. 119. Курсив здесь и во всех остальных цитатах мой. – М. В.

^[3] Белова О.В., Петрухин В.Я. «Еврейский миф» в славянской культуре. М.–Иерусалим, 2008.

^[4] Иппокрена, или Утехи любословия. Ч. 2. 1799. С. 17–27.

^[5] Иппокрена. Ч. 7. 1800. С. 379.

[6] Немцевич Ю. Отрывки из романа «Лейба и Сиора» // Северный Меркурий. 1831. № 64. С. 257–258.

[7] Ср.: «Устойчивое представление, зафиксированное в Восточной Польше, в Подолии и в Полесье, что евреи венчаются на мусорной куче»; «Рассказывали также, что евреи венчаются на дворе, на конском навозе, на огороде, на дороге» (Белова О.В., Петрухин В.Я. «Еврейский миф» в славянской культуре. С. 281–282; дается ссылка на польского этнографа А. Cal/a).

[8] Немцевич Ю. С. 259.

[9] Северный Меркурий. 1830. № 53. С. 209–210.

[10] Недавно появилась статья Шейлы Спектор, где утверждается, будто композитор И. Натан, заказавший эти стихи Байрону, постарался придать им пессимистическую тональность, идущую вразрез с протосионистскими надеждами и отвечающую маскильским вкусам самого заказчика, который считал репатриацию несбыточной и отдавал предпочтение Англии перед Сионом (Spector Sh. The Liturgical Context of the Byron-Nathan «Hebrew Melodies» // Studies in Romanticism. 2008. 3 (47). P. 393–412.

[11] Вестник Европы. 1824. Т. 17. С. 280.

[12] Там же. С. 282.

[13] Молва. Ч. II. 1831. № 37. С. 164–165.

[14] Там же. С. 165.

[15] Сириус. Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. Издано М.А. Бестужевым-Рюминым. СПб., 1826. С. 109.

[16] Возражая гипотетическому критику, могущему осудить его за чрезмерную краткость повести, содержания которой хватило бы «на огромный роман», автор ссылается на то, что он писал всего-навсего «статью для альманаха», притом чисто развлекательного. И прибавляет: «Неужто только и людей на свете, что ваш Вальтер Скотт? неужто нам нельзя писать худо потому, что Вальтер Скотт пишет хорошо? что он нам за указ?» (Календарь муз. Б. м., 1827. С. 204). Возможно, Л. С. – это псевдоним соредатора альманаха, П. Яковлева, который до того подписывал некоторые материалы «Лужицкий старец».

[17] Календарь муз. Б. м., 1827. С. 172.

[18] Там же. С. 178–179.

[19] Там же. С. 184.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, АВАНТЮРИСТЫ, РЕФОРМАТОРЫ

РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ-ЭМИГРАНТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (XX ВЕК)

Андрей Рогачевский

Писать об эмиграции евреев из России в Великобританию непросто, хотя бы уже потому, что для британских властей «еврейскость» была и продолжает оставаться свойством чисто религиозным, а не этническим. Следовательно, статистическая отчетность ведется на основе сведений о предыдущем гражданстве иммигрантов, и о подавляющем большинстве таковых известно лишь то, что они из Российской империи / Советского Союза / постсоветской России. Точное количество собственно евреев в каждой иммиграционной волне остается неизвестным. Принято, однако, считать, что среди приблизительно 120 тыс. иммигрантов, переселившихся из Российской империи в Британию с 1870 по 1914 год, львиную долю составляли спасавшиеся от антисемитизма еврейские беженцы [\[1\]](#).

Последствия еврейского погрома на Украине. Гравюра. Конец XIX века

Чтобы защититься от невиданного ранее наплыва беженцев, в 1905 году Британия впервые за свою историю приняла так называемый «Закон о чужестранцах» (The Aliens Act 1905), направленный против евреев, хотя прямо об этом в тексте закона не

говорилось. В портах были организованы постоянные посты иммиграционного контроля, которым предписывалось инспектировать бедно одетых пассажиров – но не всех подряд, а только путешествующих четвертым классом и большими группами. Если инспектируемый пассажир не мог предъявить доказательства того, что он способен некоторое время прожить в Великобритании на собственные средства, его могли выслать – в том случае, если на родине ему не угрожала физическая опасность из-за преследований по политическим или религиозным причинам. Это достаточно либеральное законодательство существенно ужесточили в 1914, 1919 и 1920 годах – в результате первой мировой войны и последовавших за ней европейских революций (The Aliens Restriction Act 1914, The Aliens Restriction [Amendment] Act 1919 and The Aliens Order 1920). Теперь инспекции подвергались все прибывшие иностранцы без исключения. Наиболее подозрительных можно было интернировать и высылать без права на апелляцию. Финансово несостоятельные иностранцы потеряли ранее имевшееся у них право ссылаться на особые обстоятельства, т. е. на то, что на родине их подвергали преследованиям. Британское Министерство внутренних дел по-прежнему считало возможным выдавать виды на жительство отдельно взятым беженцам, но теперь скорее в качестве исключения, а не правила. Был установлен и срок натурализации – пять лет. Эти законодательные положения в своей основе просуществовали до середины XX века[2].

И тем не менее мигранты (а среди них – российские евреи) продолжали проникать на Британские острова и оставаться на постоянное жительство. Принято считать, что у евреев сложилось представление о Великобритании как о «свободной стране, в которой иммигрант должен чрезвычайно много работать, чтобы заработать хоть что-нибудь, и процветать станут лишь те немногие, которым повезет. <...> Ожидалось, что свободная жизнь иммигранта будет сопровождаться почти полной изоляцией от остального населения, чье недружелюбие необходимо будет стойко переносить»[3]. Не исключено, что в целом подобная картина соответствовала действительности, но, как ни странно, сохранившиеся для потомства сведения об отдельных российских евреях, поселившихся в Британии, свидетельствуют главным образом об обратном: процесс интеграции проходил относительно быстро и безболезненно, особенно если иммигрант приезжал не совсем на пустое место и/или мог изъясняться по-английски.

Индивидуальные судьбы российских евреев-эмигрантов, о которых пойдет речь далее, примечательны тем, что этим людям не пришлось интегрироваться в культуру принявшей их страны, скажем, через систему образования. Они прибыли в Великобританию уже вполне сформировавшимися людьми. И тем не менее их предприимчивость и общительность, выражавшаяся в стремлении устанавливать контакты с местным населением (а не избегать его), помогли им стать инициаторами и активными участниками важных культурных и исторических событий, которые без них могли бы и не произойти.

Первым, о ком хочется вспомнить в подобной связи, является переводчик Самуил Соломонович Котелянский (1880, Острополь – 1955, Лондон; в Британии с 1911). О нем написано уже немало[4]. Нередко говорится о том, какую службу сослужил он британской и русской культурам, переведя на английский, в соавторстве с некоторыми британскими писателями (соавторство это обычно сводилось к сглаживанию шероховатостей стиля), изрядное количество русских книг[5]. Говорится и о том, что Котелянский, состоявший со многими культурными деятелями России и Британии в интенсивной переписке, завещал немалую часть своего архива Британской библиотеке, где эта чрезвычайно ценная корреспонденция сейчас и находится. Писательница Дороти Ричардсон (1873–1957) в письме к прозаику Клоду Хотону (1889–1961) от 18 февраля 1942 года очень точно определила промежуточное положение Котелянского по

отношению к трем культурам: «Одной ногой он вроде бы стоит в русской культуре, другой – в своей родной, еврейской, и в то же время с энтузиазмом хватается за стремя торопливо галопирующего [Д. Г.] Лоренса (близкого друга Котелянского, писателя с полускандалной репутацией; т. е. англичанина с весьма эксцентричными взглядами. – А. Р.)]»[6]. В письме Котелянскому от 3 апреля 1934 года Ричардсон спрашивала, явно намекая на черты его собственного характера: «Есть ли что-нибудь общее между еврейской печалью и нигилистическим русским отчаянием?»[7] Увы, еврейский компонент того наследия, которое оставил Котелянский, сам по себе обсуждается чрезвычайно редко. Между тем британские друзья и знакомые Котелянского воспринимали его прежде всего как еврея. Так, журналисту, писателю и политическому деятелю Леонарду Вулфу (1880–1969), знавшему Котелянского без малого четыре десятилетия и звавшему его просто «Кот», запомнилось обычное для Котелянского чересчур крепкое рукопожатие, после которого я чувствовал: вот что, должно быть, испытывали те, кому пожимали руки Элияу, Йешаяу и Ирмеяу. Ибо тот, кто знал Кота хорошо, знал, каким должен был быть великий еврейский пророк три тысячи лет назад. Если бы Иеремия родился в еврейском местечке на Украине в 1882 году[8], он стал бы Котом. Некоторые евреи, хотя их предки и жили в течение столетий в европейских гетто, рождаются с такими характерными чертами, которые впечатаны в умы и тела семитов солнцем и песком пустыни. Пустынная жара жжет их тела, пока они не станут как закаленная сталь; закаляет их умы, пока они не избавятся от всего духовно мелочного, оставляя в умах и душах только беспримесно чистую, суровую и фанатичную страсть[9].

Леонард и Вирджиния Вульф. 1925 год

В том же духе выражался и писатель и критик Джон Миддлтон Марри (1889–1957): «Я всегда представляю себе его массивный профиль, будто <...> на барельефе:

семитический Царь Царей, монументальный раввин, Моисей, держащий скрижали законов или роняющий их на какого-нибудь несчастного»[10]. Писательница Мэй Сартон (1912–1995) вторила: «Кот был евреем в самом гордом смысле этого слова, извергая огонь и серу в адрес всех филистеров и «человеческой плесени» (blighters), как он называл политиков, издателей, плохих писателей и тех евреев, которые не отвечали его высоким стандартам»[11]. Ирландский поэт Джеймс Стивенс (1882–1950) дал Котелянскому прозвище «Лев колена Иудина» и посвятил ему аллегорическое стихотворение (For the Lion of Judah), впервые опубликованное в 1938 году и полное пессимистических предчувствий в период, когда в газетах легко было найти отчеты о преследовании евреев в Германии. В стихотворении говорится о разрыве между птицей Феникс (символом бессмертия) и Голубем (символом мира и любви), а также о предстоящей смерти Лебеда (символизирующего красоту). Пастух, Священник и Учитель уступают место Дракону, Лисе и Стервятнику и уверяют им будущее тех, о благополучии которых прежде заботились сами. Стихотворение заканчивается так:

Love, the Son of G-d, is fled:

Pity, Son to Love, is sped:

Love and Pity both are dead!

Noble, Wise and Kind are gone:

Men no more need muse upon

The Dove, the Phoenix and the Swan!

«Б-жьему дитяти по имени Любовь пришлось скрыться. / Жалость, дитя Любви, вынуждено убежать: / И Любовь, и Жалость мертвы! // Благородные, Мудрые и Добрые исчезли: / Людям больше не нужно размышлять / О Голубе, Фениксе и Лебеде»[12].)

Сочувственное отношение к Котелянскому было достаточно характерным для той части британского общества, которая симпатизировала евреям. Но в адрес Котелянского раздавались и голоса откровенно неприязненные, ибо антисемитизм тоже не был чужд ни рядовым британцам, ни британским аристократам – ни в межвоенный период, ни до него, ни после. Так, Реджиналд Балиол Бретт, виконт Эшер, 23 декабря 1920 года в письме к своей дочери, художнице Дороты Бретт, стремился опорочить ее дружбу с Котелянским при помощи вечно живых предрассудков. Не без сарказма он намекал на то, что ее нужда в духовном общении сродни материальной нужде, нередко испытываемой ее собратьями по классу и зачастую удовлетворяемой евреями-ростовщиками: «Я рад, что ты полагаешь, будто еврей из России оказывает тебе большую помощь, нежели твои братья и родственники. Некогда считалось модным среди молодых людей обращаться к евреям, если возникали проблемы. Я полностью признаю сходство и равенство полов в этом вопросе с сегодняшней точки зрения»[13]. Нечего и говорить, что в жизни Дороты Бретт Котелянский играл роль не столько человека, у которого можно одолжить денег под проценты, сколько своего рода отца-исповедника, к чему ее собственный отец, по всей видимости, относился отнюдь не равнодушно. Впрочем, даже люди, благорасположенные к Котелянскому, были склонны объяснять не нравящиеся им стороны его личности еврейским происхождением. В частности, Дороти Ричардсон как-то обронила, что

Котелянский является воплощением «еврейского обожания всего того, что престижно»[\[14\]](#).

Хотя, по словам самого Котелянского и некоторых мемуаристов, он покинул отчий дом в нежном возрасте, будучи недовольным тем, что вокруг говорили только на идише, и заявив потрясенным родителям о желании ходить в русскую школу[\[15\]](#), он навсегда остался укорененным в еврейской культуре. Об этом свидетельствует, например, публикация им в английском переводе двух еврейских легенд, которые он помнил с детства в пересказе матери Бейлы (1852–1929)[\[16\]](#). Первая легенда, «Маймонид и Аристотель» («Maimonides and Aristotle»), повествует о том, как соученики и друзья Маймонид и Аристотель в результате ряда экспериментов открыли, что если из человеческого тела удалить некий жизненно важный кровеносный сосуд и поместить в колбу с определенными травами, то из этого сосуда можно вырастить бессмертного человека. Друзья бросают жребий, кого из них двоих следует прооперировать, и принести себя в жертву науке приходится Аристотелю. Перед смертью он берет с Маймонида клятву, что тот никак не станет вмешиваться в процесс роста человечка в колбе. Маймонид соглашается. Однако после успешно прошедшей операции Маймонида охватывают сомнения: он начинает понимать, что бессмертный человек будет восприниматься другими людьми как Б-г, с чем Маймонид не может смириться. Он впускает к себе в комнату домашних птиц, кур и петухов, и начинает молиться, расхаживая взад и вперед. Испуганные птицы разлетаются по комнате, и одна из них задевает колбу, в которой находится зародыш бессмертного человека. Колба падает на пол и разбивается. Умирая, зародыш указывает на Маймонида пальцем, как бы напоминая ему, что тот нарушил свое обещание Аристотелю, и всю оставшуюся жизнь Маймонид молится о том, чтобы Б-г ниспослал ему прощение.

С. Котелянский (в центре) с группой лондонских интеллектуалов. 1928 год

Вторая легенда, «Спасение одной души» («The Salvation of a Soul»), принадлежит к жанру хасидских рассказов об основателе хасидизма р. Исраэле Бааль-Шем-Тове (Беште)[\[17\]](#). Умирая, Бешт просит одного из своих учеников отправиться в странствие, чтобы повсюду рассказывать о жизни и деяниях Бешта. Ученик неохотно соглашается (чтобы выполнить просьбу, он должен оставить семью и т. п.). Во время своих странствий ученик узнает, что где-то живет богатый еврей, который дает по золотой монете за каждый рассказ о Беште. Ученик отправляется к этому еврею и начинает было повествование о своем учителе, как вдруг оказывается, что он все забыл и не может произнести ни слова. После нескольких неудачных попыток припомнить хоть что-нибудь обескураженный ученик вынужден с извинениями покинуть дом богатого еврея, но, как только он переступает за порог, вспоминает одну историю и возвращается, чтобы ее изложить. Однажды на Пасху Бешт и его ученик оказались в одном городе, правитель которого охвачено паникой, евреи призывали Бешта спрятаться, но вместо этого Бешт послал своего ученика сказать священнику, что требует его к себе и чтобы тот шел немедленно. Через некоторое время священнослужитель и в самом деле пришел в дом, где остановился Бешт, и они надолго уединились, после чего священник возвратился к себе, а Бешт и ученик покинули город. Тут богатый еврей говорит: «Я доскажу конец этой истории. Этим священником был я – выкрест, достигший больших высот в иерархии священнослужителей-христиан и презиравший своих бывших единоверцев до такой степени, что даже издал указ о том, что на Пасху их можно безнаказанно убивать. Но мои покойные родственники стали приходить ко мне во сне и просить, чтобы я покался и спас свою душу, а иначе души десяти поколений моей семьи будут низвергнуты с неба. После долгих колебаний я согласился так и поступить; посещавшие меня во сне предупредили, что в один прекрасный день меня призовет к себе человек по имени Бааль-Шем. Когда Бааль-Шем и я встретились, он пересказал мне все то, что я видел в моих снах, что окончательно убедило меня в необходимости возвращения к вере отцов, и сообщил, какие благотворительные поступки мне необходимо совершать, чтобы заслужить прощение, и что день прощения настанет тогда, когда ко мне явится человек, чтобы рассказать мне историю обо мне самом. Теперь я прощен, а ты можешь возвращаться домой к семье, ибо твоя миссия выполнена».

К данной легенде Котелянский счел нужным сделать следующее примечание, свидетельствующее о том, что он продолжал живо интересоваться еврейской культурой: «Английский читатель может получить представление о хасидах из пьесы “Дибук”, поставленной в Лондоне несколько лет тому назад актерами театра “Габима”»[\[18\]](#). Пьеса С. Ан-ского «Дибук» – пожалуй, самая популярная постановка за всю историю существования «Габимы»[\[19\]](#), с августа 1929-го по февраль 1931-го гастролировавшей по Европе (Германия, Польша, Бельгия, Швейцария, Дания, Швеция, Италия, Великобритания), – демонстрировалась в лондонском театре «Феникс» 29–31 декабря 1930 года[\[20\]](#). О том, что Котелянский присутствовал на одном из представлений, мы узнаем из его недатированного письма поэтессе Мервин Лахден, которой он рекомендовал посетить пьесу во время следующих гастролей «Габимы», пришедшихся на вторую половину ноября – начало декабря 1937 года[\[21\]](#):

Их постановка «Дибук» – просто чудо. То, что они говорят на иврите – языке, который мало кто понимает, – делает пьесу более интересной, чем если бы она звучала, скажем, по-английски. В подобном случае недостатки пьесы повредили бы впечатлению от игры актеров. А так никакого вреда нет. Если существует такая вещь, как чистое актерское мастерство, «Габима» владеет им как никто другой[\[22\]](#).

, чрезвычайно могущественный и высокопоставленный священник, издал указ о том, что в первый день Пасхи любой человек может безнаказанно убить одного еврея. Еврейское население города было

Сцена из спектакля «Дибук» театра «Габима». Нью-Йорк. 1926 год

Любопытно сравнить мнение Котелянского с тем, что говорилось в одном газетном отклике на представление «Дибук» в Лондоне 15 ноября 1937 года: «Языковой барьер из сдерживающего фактора превращается в высвобождающий. <...> Пьеса зачаровывает и покоряет наше воображение, не сдерживаемое словами, а игра актеров, не только ведущих (роли Леи и Ханана исполняли Ханна Ровина и Ари Варшавер. – А. Р.), но и всей труппы, достигает такой голосовой и телесной экспрессивности коллективных движений, которая не имеет себе равных в нашей традиции театральных условностей»[23].

Как видно, Котелянский по мере возможности стремился заинтересовать своих британских друзей еврейской культурой. Так, сохранились черновики рассказа «Маймонид и Аристотель» в переработке Д.Г. Лоренса (к сожалению, рассказ остался незаконченным)[24]. Одна добрая знакомая Котелянского, Беатрис Кэмпбелл, вспоминала, что однажды вечером тот, рассказывая ей, как его отец по субботам пел псалмы, достал из ящика стола ноты одного такого псалма и попросил ее пропеть их. Вечер завершился тем, что Котелянский и Кэмпбелл стали повторять псалом вдвоем, снова и снова, поглядывая в окно в ожидании появления первой звезды[25]. Еще одна знакомая Котелянского, леди Оттолин Моррелл (1873–1938), как-то уговорила его посетить знаменитый лондонский собор Св. Павла, надеясь, что красота музыки и англиканской службы произведут на Котелянского соответствующее впечатление. Согласно рассказу Беатрис Кэмпбелл, единственным впечатлением, которое Котелянский оттуда вынес, «было полное изумление. Служба оказалась насквозь еврейской; в каждом гимне и псалме, в каждой цитате из Библии говорилось о «Йе-гове, Иерусалиме, детях Израиля, Сионе и еврейских пророках»[26]. Благодаря Котелянскому ощущение некоторой вторичности христианской культуры по отношению к еврейской присутствовало в сознании отдельных его друзей, например Джеймса Стивенса, который в письме Котелянскому от 22 мая 1932 года признавался: «В своих спорах со мной ты цитируешь Тору. Хорошо иметь возможность цитировать что-то из [наследия] своей расы, даже, так сказать, из мозга костей, и не быть таким, как гой (gentiles), которые когда цитируют, то наверняка цитируют неправильно; их мудрость все еще зиждется на чужом умственном усилии»[27].

Окончание следует

- [1] См.: Gartner L.P. *The Jewish Immigrant in England, 1870–1914*. London and Portland, 2001. P. 30.
- [2] Подробнее см., например: Bevan V. *The Development of British Immigration Law*. London, 1986; Multanen E. *British Policy Towards Russian Refugees in the Aftermath of the Bolshevik Revolution // Revolutionary Russia*. 1999. Vol. 12. № 1. P. 44–68.
- [3] Gartner. P. 27.
- [4] См., например: Rogachevskii A. *Samuel Koteliansky and the Bloomsbury Circle (Roger Fry, E.M. Forster, Mr and Mrs John Maynard Keynes and the Woolfs) // Forum for Modern Language Studies*. 2000. Vol. XXXVI. № 4. P. 368–385; Казнина О.С. С. Котелянский (1880–1955) и английские писатели // *Русское еврейство в Зарубежье*. Т. 2 (7). Иерусалим, 2000. С. 146–166.
- [5] Библиографический перечень см.: *The Quest for Rananim: D.H. Lawrence's Letters to S.S. Koteliansky, 1914 to 1930 / Ed. by George J. Zytaruk*. Montreal and London, 1970. P. 407–410.
- [6] *Windows on Modernism: Selected Letters of Dorothy Richardson / Ed. by Gloria G. Fromm*. Athens and London, 1995. P. 435.
- [7] *Ibid.* P. 262.
- [8] Вулф ошибочно указывает год рождения Котелянского.
- [9] Woolf L. *Beginning Again: An Autobiography of the Years 1911–1918*. London, 1964. P. 249.
- [10] Beatrice [Campbell], lady Glenavy. *Today We Will Only Gossip*. London, 1964. P. 191.
- [11] Sarton M.A. *World of Light: Portraits and Celebrations*. New York, 1988. P. 176. Письма Сартон Котелянскому см.: *Eadem. Selected Letters: 1916–1954 / Ed. by Susan Sherman*. London, 1997. P. 149–154, 166–169, 198–199, 274–275, 297–298, 325–326.
- [12] Stephens J. *Collected Poems*. London, 1954. P. 325.
- [13] Hignett S. Brett: *From Bloomsbury to New Mexico: A Biography*. London, 1984. P. 117. Письма Котелянского к Бретт хранятся в Harry Ransom Humanities Research Centre, the University of Texas at Austin. Письма Бретт к Котелянскому см.: Zytaruk G.J. *Dorothy Brett's Letters to S. S. Koteliansky // The D. H. Lawrence Review*. 1974. № 7. P. 240–274.
- [14] *Windows on Modernism*. P. 669.
- [15] Beatrice [Campbell], lady Glenavy. P. 59.
- [16] См.: *Two Jewish Stories / Recorded by Beila Koteliansky [and] transl. with notes by S.S. Koteliansky // London Mercury*. February 1937. Vol. XXXV. № 208. P. 362–370.
- [17] Иную ее версию см.: Buber M. *Die Chassidischen Bücher*. Berlin, 1927. S. 216–230.
- [18] *Two Jewish Stories*. P. 364.
- [19] См.: Тартаковская Е. *Дибук, выйди! – Не выйду!* // *Лехаим*. 2007. № 2. С. 39–43.
- [20] Отзыв см., например: *The Times*. 30 December 1930. P. 8.
- [21] На сей раз гастроли в Литве, Латвии, Польше, Чехословакии, Австрии, Югославии, Бельгии, Франции и Великобритании продолжались с октября 1937 по июнь 1938 года. В Лондоне, на подмостках театра «Савой», кроме «Дибук», «Габима» представила на суд публики еще три пьесы: «Уриэля Акосту» К. Гуцкова, «Вечного жида» Д. Пинского и «Сон Голема» Х. Лейвика.
- [22] *The British Library*. MS ADD 60489. F. 16.
- [23] *The Times*. 16 November 1937. P. 14.

[24] См.: Lawrence D.H. The Undying Man // Phoenix: The Posthumous Papers of D.H. Lawrence / Ed. by Edward D. McDonald. London, 1936. P. 808–810.

[25] Beatrice [Campbell], lady Glenavy. P. 160.

[26] Ibid. P. 183.

[27] Letters of James Stephens / Ed. by Richard J. Finneran. London, 1974. P. 371.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

«К НАМ ЕДЕТ РЕВИЗОР»? : ВЕЛИКАЯ КОМЕДИЯ НА ИЗРАИЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

Елена Тартаковская

Подход к классической драматургии в современном театре обычно опирается на сценическую традицию постановки того или иного произведения. Авторы спектакля следуют за традицией, продолжают ее, спорят с ней или опровергают, но, так или иначе, ведут с ней диалог.

В Израиле постановка классики является серьезной проблемой. Израиль – молодая страна, и, хотя история израильского театра началась еще до создания государства, театр на иврите – явление относительно недавнее, насчитывающее чуть больше ста лет. За эти годы лишь у считаного количества пьес выросла богатая сценическая история, с которой можно вести диалог. Самым ярким примером такой пьесы является «А-Дибук» С. Ан-ског¹.

Эта ситуация объясняет и отсутствие определенной сценической традиции постановки русской классики вообще и «Ревизора» в частности. В целом сценическую историю «Ревизора» в Израиле можно рассматривать как процесс постепенной локализации сюжета, завершающийся «присвоением» сюжета и окончательным перенесением его на местную почву.

Прежде чем рассказать читателю о наиболее значительных постановках «Ревизора» в Израиле, я хочу привести краткий обзор сценической истории этой пьесы в русском театре, так как там можно наблюдать обратный процесс – стремление к наибольшему удалению сюжета от конкретных времени и места.

Сцена из спектакля «Ревизор» тель-авивского Камерного театра. 1950 год

Пьеса Гоголя «Ревизор» была написана в 1835 году. Те, кто прочитал ее тогда, увидели острую и актуальную сатиру на все слои российского общества, включая самые высшие. Сам Гоголь признавался, что его первоначальным замыслом было написать «общественную комедию», чтобы разом осмеять «все дурное, что есть в России». В многочисленных комментариях к «Ревизору» автор подчеркивал сатирическое значение комедии.

Но в 1846 году, находясь под влиянием религиозно-мистических настроений, Гоголь написал «Развязку “Ревизора”», в которой попытался раскрыть иной смысл своего произведения. В этой «пьесе после пьесы» писатель полностью отказался от сатирического значения «Ревизора» и дал ему новое толкование, согласно которому действие происходит не в реальном городе, а в душе человеческой, чиновники – это человеческие страсти, Хлестаков – ветреная совесть человечества, а ревизор, появляющийся в конце пьесы, – Высший суд, ожидающий каждого.

Это толкование вызвало резкое неприятие со стороны российской общественности, и при жизни Гоголя пьеса ни разу не была поставлена в соответствии с ее поздней трактовкой. В сценических интерпретациях пьесы в России XIX века подчеркивались, в основном, комические, реже – сатирические аспекты. Впрочем, у русского театра в период расцвета сценического реализма не было еще выработано эстетических средств для осуществления мистической или символической постановки.

Ситуация изменилась только в XX веке, с зарождением режиссерского театра. В течение 20-х годов на сценах Москвы и Ленинграда создается несколько спектаклей,

отступивших от сложившейся традиции постановок «Ревизора». Самыми значительными среди них можно считать постановки Станиславского во МХАТе с Михаилом Чеховым, явившим в роли Хлестакова «фантазмагорическое лицо, некий чудовищный гротеск»^[1] (1921), Игоря Терентьева в Ленинградском доме печати (1926) и, конечно, знаменитый спектакль Мейерхольда 1926 года, который «выжал мощности поэтического, фантастического, гротескного в искусстве Гоголя»^[2].

В период застоя в постановках «Ревизора» опять стал превалировать сатирический план, позволявший театру в завуалированном виде высказать критику в адрес властей, однако сразу после перестройки сатира уступила место более философским трактовкам. Постперестроечные постановки Гоголя в большинстве своем подчеркивали универсальный, обобщающий смысл комедии, удаляясь при этом от конкретики в обозначении времени и места действия. Ностальгические, мистические или даже трагические аспекты «Ревизора» интересовали режиссеров больше, чем комические и сатирические стороны пьесы.

В сравнении с тем, что происходит с комедией Гоголя в русском театре, сценическая история пьесы в Израиле выглядит совершенно иначе.

Первая постановка «Ревизора» на иврите состоялась в 1935 году в театре «Габима». Перевел пьесу Авраам Шлёнский, лучший в то время переводчик классики, в основном русской. Режиссером спектакля был Цви Фридланд, художником-постановщиком – Михаэль Шмидт. Создатели спектакля поставили своей целью реконструировать на сцене время и место действия, то есть российскую провинцию XIX века. Это выразалось не только в декорациях и костюмах, но и в стиле актерской игры. «Достоверные персонажи, живая человеческая речь и подлинные жизненные картины»^[3] – так охарактеризовал общий стиль спектакля один из критиков.

Но эта достоверность стала и одной из причин непопулярности спектакля – происходящее в нем никак не задевало зрителя, живущего в Палестине в 30-х годах XX века. Единственным достоинством постановки критики называли роль Городничего в исполнении старейшего актера «Габимы» Йеошуа Бертонова: Бертонов пытался затронуть более глубокие смысловые слои гоголевской пьесы и представил Городничего как «серьезную трагическую фигуру»^[4]. Но публика еще не была готова воспринять трагизм пьесы, которую принято считать комедией. Вероятно, в этом кроется еще одна причина неуспеха спектакля.

Сцена из спектакля «Ревизор» тель-авивского Камерного театра. 1978 год

Вторая попытка поставить пьесу Гоголя в Израиле состоялась лишь пятнадцать лет спустя, в 1950 году, на сцене тель-авивского Камерного театра. Камерный театр был основан в 1944 году группой молодых актеров как художественная и идеологическая альтернатива «Габиме» и другим существовавшим в то время в Тель-Авиве театрам, которые состояли большей частью из выходцев из России и считались проводниками русской театральной традиции. Эта традиция подразумевала реалистический репертуар, тяжелый, полный пафоса стиль речи с обязательным русским акцентом, а также нежелание принимать в труппу актеров, воспитанных в иной театральной культуре. Если «Габима» обращалась к старшему поколению зрителей, большая часть жизни которых прошла в городах и местечках Российской империи, то новый театр был предназначен для молодой публики, выросшей в совершенно иных условиях. Новаторство Камерного сказывалось и в репертуаре (в основном, европейская и американская классика и современная драма), и в актерской игре, гораздо более раскрепощенной, и в речевом стиле, близком к разговорному языку молодежи.

Несмотря на коренные различия между двумя театрами, подход к постановке «Ревизора» в Камерном был во многом схож с подходом «Габимы» пятнадцатилетней давности. Начнем с того, что и на этот раз театр обратился к переводу Шлэнского. Кроме того, на постановку спектакля был специально приглашен из-за рубежа Петр Шаров – режиссер российского происхождения, сформировавшийся, как и режиссер габимовского «Ревизора» Цви Фридланд, в стенах Московского художественного театра. Шаров, в свою очередь, использовал в постановке эскизы Мстислава Добужинского, который в 1921 году оформлял постановку «Ревизора» во МХАТе. Можно предположить, что, приглашая для работы над русской классической пьесой постановщиков российского происхождения,

руководители Камерного театра предполагали получить спектакль, продолжающий русскую театральную традицию.

Но результат получился иным, и основные различия были даже не в постановочных решениях, а в восприятии пьесы публикой, сильно изменившейся за прошедшие годы.

Несмотря на заявленное в программке намерение режиссера отойти от любого вида «локализации» – как российской, так и израильской – и подчеркнуть универсальное значение пьесы, большая часть критиков и зрителей увидели в спектакле злободневную сатиру, пришедшую ко времени и к месту. Дело в том, что за прошедшее с габимовской премьеры время не только сменилось поколение зрителей, но и произошло важнейшее политическое событие – образование в 1948 году Государства Израиль. В первый раз гоголевскую комедию ставили в Палестине, находившейся под британским мандатом, и, хотя бюрократия и коррупция, конечно, существовали, они не были в центре внимания еврейской общины. Создание государства довольно быстро повлекло за собой формирование своего чиновничества и, следовательно, развитие своих бюрократии и коррупции. Критика этих явлений тоже не заставила себя ждать, их обсуждение занимало немало места в израильской прессе, поэтому и в «Ревизоре» зрителям бросались в глаза именно социально-политические, а не философско-психологические аспекты.

Начиная со спектакля в Камерном театре, восприятие актуальной, сатирической стороны гоголевской комедии стало основной тенденцией в понимании пьесы критикой и публикой. Даже когда в замыслах театра было подчеркнуть аллегорические аспекты «Ревизора» и оставить в тени все злободневное, зритель все равно воспринимал лишь то, что вызывало ассоциацию с конкретными местными реалиями. Поэтому можно считать, что именно с этого спектакля начался процесс локализации сюжета «Ревизора», то есть постепенного приближения его к местным реалиям.

Прошло еще пятнадцать лет, прежде чем в 1965 году Ниссим Алони, один из наиболее значительных драматургов и режиссеров Израиля, представил свою версию «Ревизора» в собственном театре-антрепризе «Олот» («Сезоны»). На сей раз гоголевская комедия была поставлена в жанре мюзикла. Куплеты были заказаны популярному поэту-песеннику Хаиму Хеферу, а музыка – эстраднему композитору Дову Зельцеру. Алони переработал перевод «Ревизора», «сделав язык пьесы более доступным для уха современного зрителя»^[5]. Такой язык повлиял и на актерский подход к гоголевским персонажам. Исполнитель роли Хлестакова, популярный актер и певец Йоси Банай, заявил в одном из интервью: «Мой ревизор – сабра»^[6].

Цель постановки была явно коммерческой: «Ревизор» призван был привлечь широкую публику, наполнить кассу и тем самым спасти театр от закрытия. Театр «Олот», руководители которого в начале пути ставили перед собой высокие художественные задачи, на третий год своего существования находился на грани банкротства и прибег к «компромиссу» в виде постановки «Ревизора» в жанре мюзикла. В период работы над спектаклем режиссера спросили: «Нуждается ли Гоголь в украшении куплетами?» «Гоголь – нет, – ответил Алони. – Касса – да»^[7].

Результатом компромисса был полный провал – и коммерческий, и художественный. Высокая стоимость спектакля, призванного спасти театр, привела на самом деле к его окончательному закрытию.

Критика тоже не приняла спектакль. Большинство отзывов были отрицательными. Алони обвиняли в легковесности и излишней развлекательности, не подходящих для произведения Гоголя. Критики утверждали, что пьеса Гоголя – это «сатирическая комедия, а не фарс. Убрать из пьесы все, что связано с Россией XIX века, и вместо этого одеть ее в современные одежды и заставить говорить и петь на современном сленге можно только в том случае, если хотят превратить ее в пародию»[\[8\]](#).

В отношении критики к постановке можно заметить все то же стереотипное восприятие Гоголя исключительно как сатирика.

Интересно отметить, что, вспоминая о спектакле театра «Олот» спустя годы, те же критики смягчили свое отношение и стали объяснять его провал тем, что спектакль был «слишком хорош». С особенной ностальгией вспоминались исполнители главных ролей Йосеф Банай (Хлестаков) и Авнер Хизкияу (Городничий), которые, начав свою карьеру в 50-х и 60-х годах, в течение еще долгих лет оставались ведущими актерами израильского театра. Так или иначе, но спектакль театра «Олот» послужил очередной ступенью в процессе локализации «Ревизора».

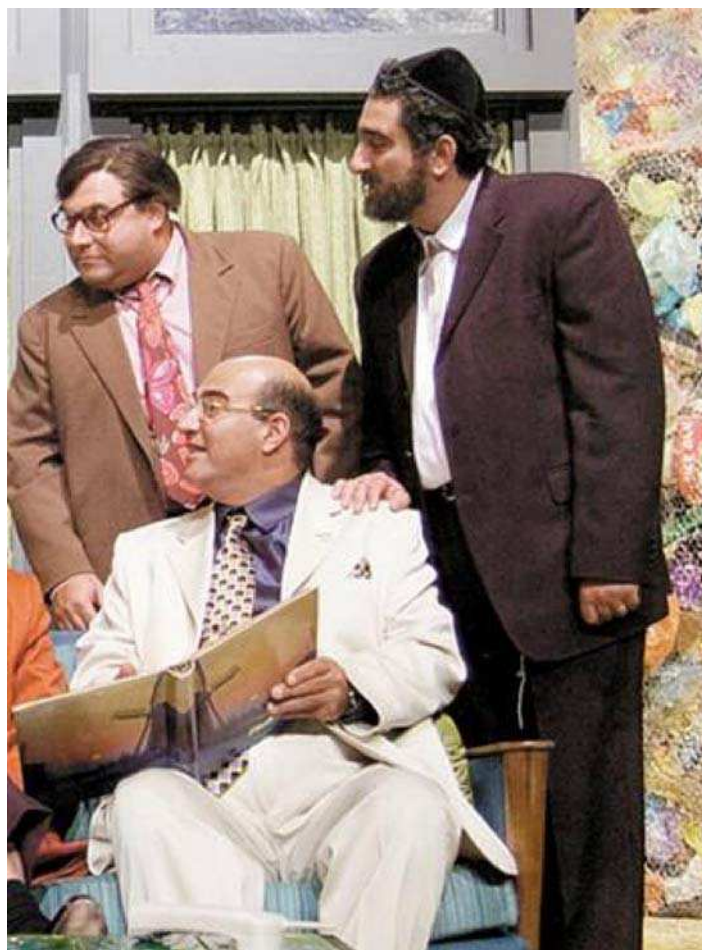
До 1974 года все постановки гоголевского «Ревизора» сохраняли оригинальное название пьесы, хотя на иврит эта должность переводится как «мевакер». В 1974 году Хайфский городской театр называет свой спектакль по пьесе Гоголя «Мевакер а-медина» («Государственный контролер»). Смена названия неслучайна: спектакль был поставлен в обстановке общественного смятения, охватившего страну после войны Судного дня. Напомню, что обстоятельства этой войны и последовавшие за ней общественные волнения привели к отставке левого правительства Голды Меир и к приходу в 1977 году к власти правого лагеря во главе с Менахемом Бегинем.

На этот раз переводчиком пьесы стал известный писатель Яков Шабтай, режиссером – Эдна Шавит, художниками – Эдна Шавит и Гила Лахат. «Эдна Шавит придерживается своей линии в прочтении пьесы, не слишком оригинальной, но для Израиля новой: линии крайнего, пугающего гротеска, на грани сюрреализма»[\[9\]](#), – писали критики. Гротеск воспринимался как средство еще большей актуализации пьесы, которое не оставит у зрителя сомнений – речь идет о конкретном событии – недавно завершившейся кровопролитной войне, заставшей страну врасплох и приведшей к большим человеческим потерям и кризису власти: «Ревизор, заставший нас в “неглиже”, – это... война Судного дня»[\[10\]](#). Таким образом, спектакль Хайфского театра и новым названием, и переводом, и, конечно, постановочными средствами еще более приблизил пьесу Гоголя к израильской реальности.

В своей второй версии гоголевской пьесы (1978) Камерный театр воспользовался переводом Якова Шабтая, оформить спектакль пригласили художника Йосефа Карла, а постановщиком был режиссер Шмуэль Буним, который заявил что, по его мнению, «Ревизор» – «самая современная пьеса из всех написанных до сего дня на русском языке». Гоголя режиссер назвал «модернистом, революционером, выражающим самую суть человеческой души», а также «отцом театра абсурда, повлиявшим на Беккета, Мрожека и Пинтера»[\[11\]](#).

Буним хотел поставить «Ревизора» как абсурдистскую пьесу, говорящую о невременном, универсальном в человеческой душе, а не о конкретных жителях Израиля 1978 года. Подход режиссера свидетельствует о гораздо более многоплановом прочтении пьесы Гоголя, чем принятое на тот момент в израильском театре.

Однако режиссеру не удалось убедить актеров в правомерности такой интерпретации, они выглядели на сцене «как странного вида марионетки», на лицах которых как будто было написано: «Я против такой режиссуры»[12]. Спектакль отталкивал публику «вульгарностью и пессимистичностью». Единственное достоинство, которое критики нашли в «Ревизоре» Бунина, – это его... злободневность: «В дни, когда проводятся выборы в местные органы власти, сатирическая комедия Гоголя приобретает дополнительную актуальность»[13]. Можно только удивляться, каким образом рецензентам удалось найти связь между событиями пьесы и конкретной повесткой дня, даже когда спектакль не давал для этого никаких оснований. Таким образом, процесс локализации продолжался, в данном случае вопреки замыслу режиссера.

Сцена из спектакля «Государственный контролер». Театр «Габима». 2005 год

Этот процесс достиг своего апогея в 1994 году, когда на сцене Камерного театра появился спектакль «Мевакер а-медина» («Государственный контролер»). Теперь это был не перевод, а самостоятельная пьеса израильского драматурга Илана Хацора, написанная по мотивам гоголевского «Ревизора». То есть в данном случае авторы спектакля сознательно пошли по пути максимальной локализации сюжета. Действие пьесы происходит в некоем городке на юге Израиля. Мэр города собирает своих подчиненных и объявляет им о намечающейся ревизии. Все в панике. В это время два друга-полицейских (израильский вариант Бобчинского и Добчинского) сообщают, что встретили в местной гостинице подозрительного субъекта, одетого по моде центра страны и не желающего платить по счетам. Остальное – известно.

Пьеса написана на современном разговорном иврите, с большим юмором, с использованием сленга и «острых» выражений. В ней затрагиваются проблемы, хорошо

знакомые всем израильтянам: коррупция, сплетни, протекционизм, провинциализм и другие, – но проблемы эти представлены не аллегорически, не в обобщенном виде, а очень конкретно и узнаваемо. По всему тексту рассыпаны приметы Израиля 90-х годов. Например, пьеса начинается с открытия в городке нового торгового центра, мэр города занят предвыборной кампанией, его супруга ведет себя как «типичная марокканская матрона» и т. п.

В целом можно сказать, что произведение Илана Хацора представляет собой настоящую сатирическую комедию, острую и злободневную. Спектакль поставил Илан Ронен, тогда подающий надежды молодой режиссер Камерного театра, оформила его художница Рут Дар, а роли были распределены среди лучших актеров театра, известных зрителям также по кино и телевидению.

Все эти составляющие привели к необычайному успеху спектакля, причем как у зрителя, так и у критиков.

Комедия продержалась в репертуаре почти пять лет – невиданный срок для израильского театра, а после снятия ее со сцены Илан Хацор написал сценарий, и вскоре на телеэкраны вышел телесериал на тот же сюжет, с тем же названием, с теми же, полюбившимися публике, персонажами в исполнении, в основном, тех же актеров.

Но это еще не все. В 2004 году Илан Ронен, ставший к тому времени художественным руководителем Национального театра «Габима», возобновил спектакль по пьесе Хацора с небольшими изменениями, связанными с приметами нового времени. На главные роли опять были приглашены звезды кино и телевидения, и успех опять не заставил себя ждать. Спектакль продержался два года с аншлагами и был снят с репертуара только из-за ремонта здания.

Каковы же причины столь феноменального успеха и какое отношение ко всему этому имеет Гоголь, неизменно упоминавшийся в программках обеих спектаклей?

Илан Хацор так объяснил необходимость «перелицовки» Гоголя на израильский лад: «Гоголь – классический драматург, но содержание его пьес ничего не говорит нам, израильтянам. Мы гораздо изощреннее персонажей Гоголя. Они слишком наивны по сравнению с израильскими коррупционерами... Русская провинция не знакома нашему зрителю и поэтому не смешит его. У нас провинцией считается все, что южнее или севернее Тель-Авива, но на самом деле мы все – провинция Соединенных Штатов»[\[14\]](#).

Однако анализ сценической истории «Ревизора» в Израиле позволяет выявить более глубокие корни такого свободного отношения израильского театра к классике вообще и к гоголевской комедии в частности. В течение шестидесяти лет израильский театр безуспешно пытался освоить различные аспекты гоголевской пьесы, но в результате сталкивался с неприятием критики и публики, не желавших видеть в «Ревизоре» ничего, кроме сатиры на местные нравы. Такое восприятие постепенно, шаг за шагом, приближало место действия пьесы к конкретной реальности за порогом театра и сужало ее универсальный мир до пределов небольшой провинции. В конце концов в спектакле «Мевакер а-медина» произошло полнейшее слияние ожиданий публики с намерениями театра и состоялось окончательное присвоение сюжета «Ревизора» израильским театром и израильским обществом в целом.

Только когда классический сюжет был вырван из родной почвы и пересажен в другое место и время, он стал понятен, близок и интересен израильскому обществу, стал «своим» для него. И только тогда к «Ревизору» пришел успех. Но составной частью этого успеха, наряду с художественными качествами пьесы Илана Хацора, являлось и имя Гоголя, подчеркивающее причастность к классике и придававшее пьесе и спектаклю дополнительную культурную ценность.

Нет сомнения, что такой подход к классике, который был выработан в процессе работы над пьесой и спектаклем «Мевакер а-медина», может быть очень успешным и чрезвычайно выгодным, и это быстро поняли как в Камерном, так и в других театрах. В последние годы на израильской сцене состоялись пересадки на местную почву «Лисистраты» Аристофана («Лисистрата-2000», 2001), «Вольпоне» Бена Джонсона («Господин Вольф», 1997), мольеровского «Тартюфа» («Рав Камеа», 2001) и других классических произведений.

Вместе с тем последняя постановка «Ревизора» на израильской сцене свидетельствует и об обратном процессе: о возвращении к первичным классическим формам, позволяющим обратиться к глубинному смыслу пьесы. Постановка состоялась в 2006 году, в маленьком зале экспериментального театра «Тмуна» («Картинка»). Постановщик – молодой режиссер Ишай Карни-Экхауз – увидел свою цель в том, чтобы вернуть израильскому зрителю гоголевскую комедию как она есть. Для своего спектакля он заказал новый перевод – без сокращений, без «гебраизмов», без сленга, как можно более приближенный к языку оригинала (переводчик Рои Хен). Спектакль шел в декорациях и костюмах, стилизованных под Россию XIX века (художник Керен Юваль). В какой-то мере спектакль был даже слишком консервативен, но такова была принципиальная позиция постановщика, вызванная неприятием того, что произошло с пьесой на больших сценах. Конечно, такая принципиальность имела свою цену: спектакль прошел почти незамеченным ни критикой, ни широкой публикой, хотя у него и имелся свой, очень небольшой, круг почитателей.

Подводя итоги, следует отметить, что, если во многих российских современных постановках пьесы бросается в глаза стремление к наибольшему удалению сюжета от конкретного хронотопа в пользу обобщения и абстрактизации сюжета, израильский театр движется в противоположном направлении. От спектакля к спектаклю усиливается локализация сюжета, то есть его принадлежность конкретным времени, месту и проблематике, пока не доходит до кульминации в виде полного и окончательного присвоения сюжета.

Разница в подходах объясняется значительными различиями, существующими как в истории, общественной жизни и настроениях, царящих в России и Израиле, так и в путях развития театральной культуры двух стран. Театральной культуре с богатой традицией, доказавшей свою состоятельность далеко за пределами своей страны, легче позволить себе отход от узконациональных проблем в сторону проблем универсальных, тем более что это направление приветствуется и большей частью публики и критики. А молодая театральной культура, еще не сформировавшая свой оригинальный облик, к тому же принадлежащая маленькой, в чем-то провинциальной стране, находящейся в ситуации выживания, обращение к универсальной проблематике считает излишней роскошью. Израильское общество слишком заиклено на собственных проблемах, и потому постановки, не затрагивающие этих проблем, не пользуются успехом. И это касается не только постановок Гоголя.

[1] Чехов М. Литературное наследие. М., 1995. Т. 2. С. 473.

[2] Козинцев Г. Собрание сочинений в 5-ти томах. Л., 1983. Т. 3. С. 415–416.

[3] Рецензия напечатана в газете «А-Поэль а-цаир» в 1935 году.

[4] Там же.

[5] Коль а-ам. 3.09.1965.

[6] Маарив. 13.08.1965. «Саброй» в Израиле называют человека, родившегося в стране и воспитывавшегося на местной культуре.

[7] Двар а-шавуа. 6.08.1965.

[8] Ури Рапп. Гоголь тель-авивского разлива. 1965. Вырезка без указания названия газеты и точной даты хранится в Театральном архиве Тель-Авивского университета.

[9] Давар. 21.01.1974.

[10] А-мишмар. 16.06.1974.

[11] Едиот Ахронот. 10.11.1978.

[12] А-арец. 20.11.1978.

[13] Д-р Эмиль Ферштейн. «Ревизор» в Камерном театре. 1978. Вырезка без указания названия газеты и точной даты хранится в Театральном архиве Тель-Авивского университета.

[14] Любич Т. Интервью с Иланом Хацором // Маарив. 31.12.1993.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

МУЗЫКА СФЕР

Аркадий Ковельман

В пространстве, хором сфер объятom,

Свой голос солнце подает,

Свершая с громовым раскатом

Предписанный круговорот.

И.-В. Гёте. Фауст.

Пролог на небесах

На эту тему еще Аристотель спорил с пифагорейцами и с Платоном, доказывая, что планеты движутся вместе со своей средой (со сферами), а потому ни музыки, ни шума, ни скрипа не производят. Философу, чуждому мифу и вере (его так и звали Философом средневековые схоласты), была не слышна музыка сфер. Впрочем, и все остальные музыку сфер не слышали, хотя и верили в нее. Ведь, по мнению пифагорейцев, мы не можем различить созвучия именно из-за их непрерывного звучания. Слух привыкает к шуму и глохнет, становится равнодушен к симфонии планет. В Талмуде же мы встречаем иное соображение: круговорот Солнца не слышим, ибо днем один звук заглушает другой.

Гелиос. Мозаика в синагоге Хамат-Тверия. IV век

Учили наши мудрецы: «Если бы не кружение Солнца, был бы слышим голос римской толпы, и если бы не голос римской толпы, был бы слышим голос кружения Солнца». И еще учили наши мудрецы: «Три голоса проходят мир из конца в конец: голос кружения Солнца, голос римской толпы и голос души в час, когда та покидает тело». А некоторые говорят: «И голос в час родов» (Вавилонский Талмуд, Йома, 20б). Что имелось в виду: крик роженицы, плач младенца или плач души, покидающей горний мир для жизни земной и телесной? Мы не знаем.

Я задумал эти эссе как звук голоса, перевод опыта в лепет. В голосе созвучие не менее важно, чем логическое связывание. Наши мудрецы прекрасно знали силу созвучий,

и потому Тора для них звучала. В Торе рабби Меира (а он был переписчиком Торы) нашли: вместо тов меод («хорошо весьма») – тов мот («хороша смерть»). «И увидел Б-г все, что он создал, и вот, хорошо весьма» (тов меод) – «и увидел Б-г, что он создал, и вот, хороша смерть» (тов мот). Совпадение двух слов (мот и меод) рождает смысл, которого хватило бы на философский трактат.

Но нашли в Торе рабби Меира и другое. В книге пророка Йешаяу (21:11), где сказано: «пророчество о Думе», написано: «пророчество о Риме» (Иерусалимский Талмуд, Таанит, 1:1). Дума – аравийское племя, против которого говорил Йешаяу. И вовсе нет созвучия между Думой и Римом. Почему же рабби Меир заменил Думу Римом? Понять это можно, открыв греческий перевод Йешаяу, сохранивший древнюю традицию толкования. Вместо «Думы» там значится созвучная ей «Идумея». Идумея во времена античные – область к югу от Иудеи. Там жили идумеи, потомки Эдома или Эсава, брата Яакова. Эсава называли Эдом («Красный»), ведь за красную чечевичную похлебку он продал свое первородство Яакову. И еще его называли Сеир («Волосатый»). Он был дик и волосат, а Яаков – гладок. Яакову пришлось по совету матери навязать себе на руки шкурки козлят, чтобы слепой Ицхак, ощупав эти руки, принял его за Эсава и обрушил на него свое отцовское благословение.

С тех пор пошла вражда между потомством Яакова – евреями и потомством Эсава – римлянами. Так, по крайней мере, считали современники рабби Меира. Трудно сказать, почему мудрецы произвели Рим от Эсава-Эдома. Может быть, в этом виновен римский ставленник Ирод, царь иудейский, идумей по крови. Недоумение слепого Ицхака разрешилось в свете такой генеалогии. «Голос – голос Яакова, а руки – руки Эсава», – говорил Ицхак, ощупывая руки сына (с навязанными на них козлиными шкурками) и слушая его голос. «Руки» – сказано о злодейском царстве, о Риме. Везде, где есть победа, – там римляне. «Голос» – сказано и о плаче, и о молитве Израиля. Где молитва восходит к небесам, там – евреи.

Рабби Меир истолковал пророчество о Думе как пророчество о Риме, потому что Дума созвучна Идумее, Эдому, а Эдом – это Рим. Пророчество Йешаяу – невнятное, смутное. Йешаяу прорицает гибель врагов Израиля – Тира, Моава, Вавилона. Но Думе он говорит: «Кричат мне с Сеира: Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?» Ночь делится на стражи, как день – на часы. Сторож обходит свой квартал и громко кричит: «Первая стража! Вторая стража! Третья стража!» И зачем-то кто-то кричит с Сеира, зовет сторожа, спрашивает его, сколько осталось ждать до утра («Сколько [осталось] ночи?»). Если же пророчество о Думе есть пророчество о Риме, то смысл становится ясен. Кричат с Сеира – из Рима кричат, с Капитолийского холма. Утро – избавление (геула). Сколько осталось ждать избавления, сколько еще продлится изгнание (галут)? Сторож, сколько ночи?

Мудрецы считали, что кричит Сам Святой, благословен Он, ушедший со Своим народом в изгнание. Он кричит из Рима, спрашивает, сколько осталось ночи, когда кончится Его плен. А у ворот Рима сидит Машиах (Мессия) в облике прокаженного и ждет, когда Израиль покается и заслужит избавление. Ждет, чтобы прийти.

Днем солнце пилит небо, как плотник пилит кедр, и римские толпы жужжат как осиный рой. Днем в городе из-за визга солнца и гомона толпы не слышен крик души, покидающей тело или вселяющейся в тело. И только ночью мы различаем исполненный тоски голос: «Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?» Ночные стражи зовутся в Риме вигилиями. По слову поэта:

В ерр:еē і асёо даііно аааі іу

А і дііно і аі еі іііо а аē і аао і і: і і о -

Асрò аі еі, е аē о іу і аē ааі іі

І і і ааі еē ÷ аі аē аē еē а ді аі ео...

И уж конечно, «женский плач мешался с пеньем муз». Не из этих ли звуков состоит музыка сфер, а заодно и тот «шум времени», о котором писал Мандельштам? «Шум времени» был для Мандельштама подобен симфониям Чайковского. «Видит Б-г, есть музыка над нами».

По мере того как историк читает тексты и различает метафоры, ему начинает казаться, что он действительно слышит шум времени и даже музыку сфер. Все движется и звучит в согласии со всем в бесконечном мифе, где одна метафора перетекает в другую. То ли Овидий на последней страже оплакивает свое изгнание из Золотого Рима, то ли голос Якова спрашивает о галуте и геуле. Один символ влечет за собой другой, исторические лица становятся литературными героями, история исчезает в поэзии.

Здесь во мне начинает звучать ворчливый голос профессионала. Хочется осудить себя и коллег, увлекшихся литературным прочтением источников. И апеллировать к чему-то настоящему, невыдуманному. Ведь в подлинной, не литературной истории существовал рабби Меир. Не в литературе, а в жизни он, умирая, объявил себя мессией. Да и сами мы родились и умрем не в литературе вовсе. И здесь прилично было

бы некоторое нравоучение о том, как следует заниматься историей, а как не следует ею заниматься. Вероятно, я бы и закончил таким нравоучением, если бы писал научно-популярную статью. Но я пишу эссе.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ТЕНЬ ПОБЕДЫ

Борис Клин

*А может, не было войны?
И «шмайсер» – детская игрушка,
Дневник, залитый кровью ран,*

*Был не написан Анной Франк,
Берлин не слышал грома пушек?
А может, не было войны,
И мир ее себе придумал?*
Александр Розенбаум

Процесс пересмотра итогов второй мировой войны шел полным ходом в Восточной Европе и добрался до России. Синод Русской православной зарубежной церкви объявил перешедшего на сторону Гитлера генерала Власова патриотом России. Так иностранные иерархи отреагировали на изданную в России книгу известного священника, профессора Петербургской духовной академии Георгия Митрофанова. Ни на книгу, ни на заявление иностранных иерархов официальные представители Церкви по существу не отреагировали. Нельзя же всерьез считать реакцией невнятные заявления о «дискуссии на историческую тему». Члены президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории тоже отмолчались. Еврейские организации, видимо, сочли неуместным вмешиваться в чужой спор. Однако нетрудно представить себе последствия героизации Власова, воевавшего против «жидов и комиссаров».

«Русский марш» в Москве

Россию не раз ехидно называли «страной с непредсказуемым прошлым». Но Великая Отечественная война и все, что с ней связано, долго оставались понятиями святыми. В Польше гитлеровские недобитки снимали с постаментов советские танки, в Эстонии разрушали памятники и могилы наших солдат, выходили на марши ээсовцы. В Украине нацистских преступников награждали государственными орденами. В России процесс реабилитации гитлеровцев шел намного дольше и пока еще носит ползучий характер.

Начали строить кладбища фашистским оккупантам. Это объясняли то соображениями гуманизма, то практическими соображениями – мол, в Европе не хотят ухаживать за могилами наших солдат, если Россия не возьмет на себя аналогичных обязательств. То обстоятельство, что таким образом уравниваются убийцы и жертвы, подонки и люди, отдавшие свои жизни в борьбе с этой нечистью, ни поганым гуманистам, ни чиновникам, ни обществу в голову не приходило. И вот появились – под Воронежем,

Сталинградом, Ржевом, – там, где в лесах еще белеют непохороненные кости наших воинов, аккуратные кладбища захватчиков. Их закапывали с почестями. На их могилы возлагают венки! И даже кое-где умудрились Вечный огонь зажечь. Хотя в наших городах все чаще монументы зияют пустыми воронками – огонь потушили из экономии.

Потом начались дурацкие разговоры о «примирении народов», встречи наших ветеранов с их «ветеранами». Они там, в Германии, тоже «ветераны»! И немецкие подонки в интервью на российских телеканалах с гордостью говорили о том, чего следовало стыдиться, как семейного сифилиса на последней стадии. Это, кстати, показывает уровень «покаяния» немецкого народа. Да ни в чем они не раскаиваются, разве лишь в том, что проиграли. Но теперь они берут реванш. Их приглашают в гости, с ними выпивают, как с приличными людьми.

Апофеозом этого надругательства над памятью, над историей, над здравым смыслом стала резолюция ПАСЕ, приравнявшая советскую власть к нацизму. Сталина и Гитлера! Защищать Сталина нет нужды. Уинстон Черчилль хорошо знал цену и ему, и советской власти. Но он также знал, что Гитлер – зло абсолютное, в его химически чистом виде. И не случайно после 22 июня 1941 года Черчилль заявил, что если Гитлер вторгнется в ад, то он, Черчилль, готов и с чертями против фюрера.

Для тех, кто не понимает разницы, объясню: Сталин не декларировал в качестве цели физическое уничтожение людей. Их уничтожали, но это длинная история. Почитайте «Мировой кризис» того же Черчилля, и узнаете, какого рода правители и какими методами способны привести в чувство страну, прошедшую через гражданскую войну. Легко судить Сталина из сегодняшнего, относительно благополучного дня. Но судить его надо исходя из конкретных исторических условий, в которых находилась страна. Гитлер же изначально планировал уничтожение народов. И уж кому, как не евреям, это знать, и кому, как не евреям, протестовать против безнравственной грязной политики ПАСЕ?!

А дальше в Польше отметили 70-летие второй мировой войны. Лидер Германии Меркель, лидер страны, которую за развязывание двух мировых войн, за чудовищные кровавые бои давно пора было стереть с карты ластиком, обнаглела до такой степени, что заявила о какой-то там «несправедливости по отношению к немцам». Дескать, кто-то их куда-то депортировал...

В Европе, в Восточной Европе итоги второй мировой войны уже отменены. Там еще немного стесняются публично заявить, что и Холокоста не было. Но стесняются уже несильно. Европа ведет откровенно антисемитскую политику, нацеленную на уничтожение Израиля. Ведь появление Израиля – один из итогов Войны.

Генерал Власов выступает перед своими войсками. 1942 год

Теперь эта грязная волна докатилась до России. С подачи Русской зарубежной церкви Власова объявляют героем, борцом с «безбожным большевизмом». Два года назад Русская православная церковь объединилась с «зарубежниками». Это было большое событие государственного характера. Договор о воссоединении подписывался в присутствии первых лиц государства. Освещалось это мероприятие именно как государственное. Но разве не знали, с кем объединялись? Знали. РПЦЗ – это потомки власовских недобитков, потомки гитлеровской сволочи. РПЦЗ не отреклась от воззваний своих иерархов, приветствовавших Гитлера. В 1938 году митрополит Анастасий направил ему приветственный адрес по случаю постройки православного храма в Берлине. В июне 1941-го после нападения на СССР архиепископ Серафим (Ляде) призвал соотечественников сражаться против СССР и назвал Гитлера «христоробивым вождем германского народа». В 1942 году митрополит Анастасий писал в Пасхальном послании: «Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду уже запела <...> “Христос Воскресе!” <...>» Что происходило в это время с евреями в древнем Киеве и других городах, «где мужественный меч германского солдата успел рассечь оковы», думаю, напоминать читателям еврейского журнала надобности нет. Но следует знать, что еще не успела осесть пыль от скандального заявления Синода, как последовала новая атака. В Интернете появилась статья священника РПЦЗ Николая Савченко, в которой утверждается, что на стороне Гитлера была не только РПЦЗ, члены которой бежали из красной России и по понятным причинам ненавидели режим. На стороне Гитлера, как пишет священник, выступили Румынская, Болгарская, Финская, Элладская церкви. Он также утверждает, что Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский патриархи отказались служить молебны о даровании победы над фашистской Германией. Автор доказывает, что для православного человека быть на стороне Гитлера являлось нормой, а не патологией.

Удивительно, что еврейские организации, в том числе и международные, не придают значения сотрудничеству православных иерархов с нацистами, тогда как за то же самое Папу Римского Пия XI готовы чуть ли не за ноги вытащить из склепа.

С учетом роста религиозного сознания в стране внедрение мифа о Гитлере-освободителе может иметь непредсказуемые последствия. Тем более что милицейские сводки фиксируют качественный рост экстремистских группировок. Неонацисты уже давно не ограничивают себя избиениями. Даже ножи уже вчерашний день. Недавно сотрудник ФСБ был расстрелян в упор, у преступника позднее были найдены наган и пистолет ТТ. Недавно разгромленное спецслужбами «национал-социалистское общество» владело не только целым арсеналом, но солидным капиталом в 200 млн рублей. Кто именно финансировал нацистов, осталось неизвестным. Теперь молодежи предъявляются новые герои для подражания. Если идеологии власовщины не будет поставлен заслон на всех уровнях – государственном, просветительском, религиозном – мало не покажется.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ИСПЫТАНИЕ ПОДРАБИНЕКОМ

Матвей Ганапольский

История вокруг правозащитника и журналиста Александра Подрабиника началась с простой статьи на одном из популярных оппозиционных интернет-ресурсов.

Статья называлась «Как антисоветчик антисоветчику» и имела свою предысторию.

Однажды престарелый член ЦК КПСС Владимир Долгих гулял по Москве и напротив гостиницы «Советская» увидел шашлычную «Антисоветская».

Демонтаж вывески шашлычной

Шутливое название этой шашлычной в советские годы дали остроумные интеллигенты, не имевшие ни денег, ни желания ходить в роскошный ресторан «Яр», что помещался в «Советской».

Новые владельцы шашлычной решили легитимизировать название для привлечения публики, но бывшему члену ЦК это резко не понравилось.

Он написал «наверх» соответствующее письмо об оскорбленных чувствах и величии прошлого.

Власть в лице Митволя прореагировала быстро и решительно. В шашлычную пришли санинспекция и налоговики. Мысль была понятна: пора снимать оскорбительную вывеску, что владельцы, далекие от политики, немедленно и сделали.

Подобное давление на бизнес вызвало критику с разных сторон. Появились критические статьи в прессе, в том числе и статья Александра Подрабиника.

Александр Подрабинек – человек с большим и настоящим правозащитным прошлым. Он родился в 1953-м, он мой ровесник. В правозащитном движении с начала 1970-х годов. В 1977-м подготовил сборник «Карательная медицина» об использовании психиатрии в СССР для подавления инакомыслящих. В январе 1977-го стал одним из соучредителей «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях». Участвовал в издании информационного бюллетеня «Хроника

текущих событий». В 1978-м арестован за «клевету на советский строй», осужден на пять лет ссылки в Северо-Восточной Сибири. В 1980-м повторно арестован в ссылке (Оймякон, Якутия) по аналогичным обвинениям: статьи в зарубежной прессе, распространение самиздата. Приговорен к 3,5 годам лагерей. После освобождения из заключения жил в городе Киржач Владимирской области, работал в скорой медицинской помощи. В 1987–2000 годах – главный редактор еженедельной газеты «Экспресс-Хроника». С 2000-го – главный редактор правозащитного информационного агентства «Прима-News». В 2004–2005 годах – руководитель российского отделения Фонда гражданских свобод. С 2005-го – обозреватель «Новой газеты».

Подробная биография Подрабиника в данном случае необходима, потому что биография влияет на поступки и на слова. А слова в этой истории оказались определяющими.

Наверное, история с гуляющим членом ЦК и реакцией властей на его прогулку и претензии к «антисоветской» шашлычной были для него в чем-то последней каплей. И эта капля выплеснулась в ту самую статью.

Статья действительно необычна, потому что в ней Подрабинек позволил себе обобщения, которые до него не позволял никто.

Ее текст требует короткого изложения, потому что без него не будут понятны дальнейшие события.

В публикации он обвиняет ветеранов в том, что они приватизировали патриотизм и любовь к Родине, но их Родины – Советского Союза – давно уже нет.

Вот некоторые цитаты:

«Но и Советский Союз – это совсем не та страна, которую вы изображали в школьных учебниках и своей лживой прессе. Советский Союз – это не только политруки, стахановцы, ударники коммунистического труда и космонавты. Советский Союз – это еще и крестьянские восстания, жертвы коллективизации и Голодомора, сотни тысяч невинно расстрелянных по чекистским подвалам и миллионы замученных в ГУЛАГе под звуки поганого михалковского гимна. Советский Союз – это бессрочные психушки для диссидентов, убийства из-за угла и на бесчисленных лагерных кладбищах – безымянные могилы моих друзей-политзаключенных, не доживших до нашей свободы».

Далее Александр Подрабинек напоминает, что были и другие ветераны, которые боролись с советской властью, «они поднимали лагерные восстания в Кенгире в 1954-м и шли на расстрельную демонстрацию в Новочеркасске в 1962-м. Они почти все погибли, их память почти никем не охраняема, в их честь не называют площади и улицы. Немногие из них, оставшиеся в живых, не получают от государства пособий и персональных пенсий, живут в бедности и неизвестности. Но не вы, охранники и почитатели советской власти, а именно они – подлинные герои нашей страны».

В статье Подрабинек возмущается тем, что сталинские атрибуты живы и сегодня – люди ходят в «Ленком», читают «Комсомольскую правду», живут на Ленинском проспекте и говорят, что эти названия не имеют никакого значения. «Действительно, жить в чистоте или в грязи – какая разница?! И встрепенулись лишь тогда, когда ветераны оскорбились за советскую власть. Ах, как же это совместить: чтобы и демократично было, и чтобы ветераны не обижались, их же надо уважать».

И далее автор переходит к естественному выводу: «Да, тех, кто боролся с нацизмом, стоит уважать. Но не защитников советской власти. Надо уважать память тех, кто противостоял коммунизму в СССР. Они отстаивали свободу в несвободной стране. Их память чего-нибудь стоит в России, которая именуется демократической? Пора прекратить лицемерные причитания о чувствах ветеранов, которых оскорбляют нападки на советскую власть. Зло должно быть наказуемо. Его служители – тоже. Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима».

Вот такая статья и вот такая позиция.

Дальнейшие события развивались стремительно: квартиру Подрабинека навестили комиссары молодежной группировки «Наши» и потребовали с ним встречи. Жена Подрабинека ответила, что его дома нет. Тогда комиссары заявили, что начинают бессрочный пикет у его дома, пока он не «извинится перед ветеранами». Комиссары заявили, что пикет санкционирован властями. Потом они дали многочисленные интервью, в которых заявили, что сделают жизнь Подрабинека «невыносимой».

Подобная атака вызвала ответную реакцию уже журналистской общественности: появились вопросы, почему комиссары позволяют себе угрозы в адрес журналиста, высказавшего свое мнение, пусть даже оно не понравилось товарищу Долгих. Ведь Конституция России, напомнили журналисты, гарантирует свободу мнений.

Ответ «Наших» был немедленным – в Интернете появилось интервью нынешнего лидера «Наших» Бориса Якеменко, кстати, члена Общественной палаты. В тексте г-н Якеменко призывает к открытой физической травле Подрабинека: «сделать так, чтобы вся жизнь Подрабинека превратилась в кошмар», «чтобы он не мог пройти по улице, не будучи оплеванным», «а потом отвалит туда, где ему хорошо». Нужно также «заставить Подрабинека пройти психиатрическую экспертизу и ходить по улицам со справкой о том, что он умалишенный».

Так или иначе, но Подрабинеку пришлось буквально «уйти в подполье». Он долго не выходил на связь, но потом появилась его статья, в которой он заявил, что опасается за свою жизнь. Он считает, что именно власти дали команду на его устрашение, а возможно и на устранение, а потом все спишут на «Наших».

Но одновременно усилились голоса и в защиту Подрабинека. Многочисленные российские и международные журналистские организации все отчетливее стали задавать вопрос: если власти заявляют, что Россия должна жить в правовом поле, то как объяснить внесудебную травлю Подрабинека. Начался сбор подписей в его защиту.

«Наши» дали, или им приказали дать, задний ход, заявили, что будут подавать в суд, и стали, в свою очередь, также собирать для этого подписи.

К этому описанию можно добавить яркий штрих: Якеменко все-таки прорвало на антисемитизм. Огрызаясь на тех, кто выступил в защиту Подрабинека, в частности журналиста Николая Сванидзе, Якеменко восклицает: «Из этой же серии и правозащитник Арутюнов... И Гербер... и прочие фельгенгауэры...»

Но если с персоной Главного Руководителя «Наших», члена Общественной палаты Якеменко все ясно, то в отношении Подрабинека далеко не все, и это требует некоторых размышлений.

Вначале о самой статье журналиста.

Наверное, нужно честно сказать, что написана она слишком эмоционально, очень резко и не совсем справедливо, а в чем-то даже крайне субъективно. У статьи вызывающе злой тон, и ветераны в ней обвиняются так, как будто ужасы сталинизма и пороки советского режима были дружно созданы сознательными и последовательно осмысленными действиями всех граждан СССР, которые теперь стали ветеранами. Кроме правозащитников-ветеранов, естественно.

То есть по Подрабинеку было так.

- Создадим лагеря и психушки! – воскликнули Сталин-Брежнев-Андропов.
- Конечно, создадим! – радостно крикнул им в ответ весь советский народ.

Понятно, что было не так. Не было радостной поддержки. Было пассивное послушание.

Конечно, в результате этого послушания и получилось то, что получилось. Но быть добровольным охранником в лагере и сеять хлеб, которым завтракают охранники, – это не одно и то же. Потому что на хлебе не написано, кто его будет есть.

Наверное, в этом и есть главная проблема в позиции Подрабинека, потому что выходит, что он обвиняет именно всех ветеранов в их строительстве сталинизма просто потому, что они жили во время Сталина.

То есть были те, кто против Сталина, против СССР и они достойны восхищения. И были все остальные, которые были исключительно за Сталина, и они достойны презрения.

Самое интересное, что сам журналист, наверное, будет возражать и говорить, что он не имел в виду всех. Но именно так читается из его текста. «Если ты не был правозащитником, то ты был сталинистом» – вот что следует из текста Подрабинека, даже если он сам будет возражать против этого.

Я далек от того, чтобы упрекать его в радикализме – он реально сидел в тюрьме. Он всю жизнь посвятил правозащитной деятельности, так что возрождение в нынешней России рудиментов «советского» он ощущает острее прочих и острее на них реагирует.

Но острая реакция не только у него, но и у тех, про кого он пишет.

Теперь о суде.

Если судебный процесс против Подрабинека состоится, то, конечно, он станет «бомбой», потому что известного журналиста и правозащитника будут судить за мнение, за точку зрения.

И пусть тысячу раз власть заявляет, что телефонного права в России нет – в этом случае оно даже не нужно. Тут более сложный случай.

Если суд признает Подрабиника виновным, то это будет вопиющее нарушение Конституции, гарантирующей свободу мнений.

Если вердикт будет оправдательным, то получится, что судья поддержал «наезд» на ветеранов и поддерживает не патриотов, а «прочих фельгенгауэров». И тогда «Наши» поставят свой бессмысленный пикет возле квартиры судьи и будут «делать так, чтобы жизнь превратилась в кошмар» – теперь уже у судьи.

И тут можно перейти к главному.

Пикет, организованный активистами движения «Наши» около дома журналиста А. Подрабиника на улице Металлургов

Понятно, что причиной конфликта послужил возмутительный случай административного самоуправства – требования сменить вывеску шашлычной. Причем самоуправство прикрывалось внеправовыми методами давления.

Но одно резкое действие влечет за собой другое.

На одну резкость Подрабинек ответил другой.

Тут же «Наши» пошли в атаку на журналиста, нарушая все законы, по-хамски ему угрожая.

Так что член ЦК Долгих может поздравить себя: он действительно чисто в советской традиции спровоцировал целую волну ненависти и нарушений, потому что посчитал себя тем самым ветераном, который имеет право снимать вывески с шашлычных.

Но скажем прямо: мнение Долгих никогда бы не привело к подобной лавине неприятностей, если бы районные власти действовали по закону. Так что, как ни странно, виноват не Долгих, а именно они.

И надо сказать еще об одном.

О политической целесообразности, которая всегда идет вразрез с законом и в результате действует против своих авторов.

Реакция районных властей понятна: впереди по курсу выборы в Мосгордуму. Главный активно-послушный электорат Москвы – это именно пенсионеры. Все они считают себя ветеранами, и, наверное, это справедливо. Не знаю, были ли на уме у г-на Митволя именно такие резоны, но это напрашивается.

А далее вступает новая волна целесообразности: после статьи Подрабиника нужно резко показать, как власть «по-пацански резко» осаживает «оскорбителя чувств». Это крайне необходимо для тех же выборов, уже на более высоком уровне, для того, чтобы коммунисты не использовали ситуацию, заявив, что власть бездействует и только они, коммунисты, являются защитниками ветеранов.

Можно сказать, что если такая пиар-цель была, то она успешно достигнута – Подрабинек скрывается и ему грозит суд.

Но какова плата за происходящее! Она чудовищна.

На глазах мирового сообщества в России идет настоящая охота за журналистом. В охоте задействованы «Наши», которых курирует лично заместитель главы Администрации президента Владислав Сурков. Получается, что травлю журналиста организовал Кремль.

Возможно, это не так, но трудно поверить, что «Наши» бузят по собственной инициативе, «не посоветовавшись».

Следовательно, власть устраивают методы и риторика комиссаров, включая их антисемитские выпады.

Я бы назвал эту ситуацию «испытанием Подрабинеком».

Если говорить просто, то она элементарно проста: журналист высказал мнение, для кого-то не очень приятное и во многом несправедливое. Но только лишь мнение!.. А на наших глазах завертелась противоправная машина подавления. Завертелась задолго до суда, нарушая законы РФ, подавая разлагающий пример молодежи. Потому что именно молодые, а никак не ветераны предлагают гражданину России «отвалить туда, где ему будет хорошо».

Молодчиков и их зарвавшегося лидера никто не останавливает, а народную мудрость «молчание – знак согласия» еще никто не отменял.

В России так: раз власть не останавливает – значит, не возражает. «Что не запрещено, то разрешено».

И еще один вывод. Принципиальный.

Мы часто размышляем об уроках жизни, на которых учится молодежь. Как ни странно, сегодня «испытание Подрабинеком» коснулось тех, кто стоит в бессрочном пикете. Они совсем молодые, эти ребята и девушки. Они ничего не знают о Подрабинеке и вряд ли читали его публикацию.

Вряд ли также они знают, откуда появилось именно такое название шашлычной. И уж, несомненно, они никогда не жили на поселении, где жил осужденный Подрабинек.

Они как будто из разных жизней – эти комиссары и правозащитник.

Но именно эти молодые люди сегодня творят ту историю, которую придется оценивать их детям и внукам.

История не знает сослагательного наклонения относительно прошлого, но не чужда простым прогнозам.

Кто знает, не напишет ли через пятьдесят лет далекий потомок Подрабинека о ветеранах, которые в начале XXI века думали, что строят великую Россию, но на самом деле позорно гнобили его прадеда-журналиста.

Чисто по-сталински. Хотя об этом и не подозревали.

И теперь эти ветераны возмущены.

К сожалению, мы творим историю здесь и сейчас, и, как известно, будущее – это не более чем следствие наших решений и поступков. А эти поступки позорны и бросают тень на всю страну.

Думаю, пока что страна «испытание Подрабинек» не прошла.

В том числе и сам Александр Подрабинек.

Хотя во всей этой истории у меня к нему минимум претензий.

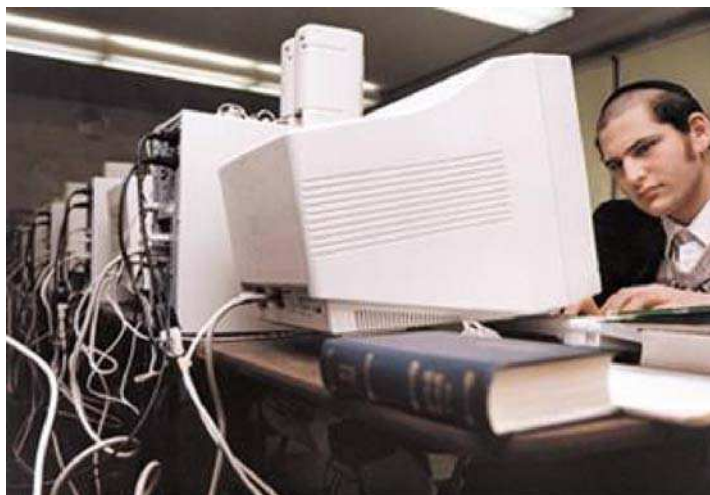
Потому что я, как минимум, знаю его биографию.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ПАФОС ИНТЕРНЕТА

Михаил Горелик

Продолжение диалога, начатого в книге «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

– Мне хотелось бы предложить для обсуждения какую-нибудь тему, максимально далекую от еврейских религиозных проблем.

– Не уверен, что вам это удастся.

– Почему?

– С точки зрения иудаизма мир со всем, что в нем есть, дан нам для освоения и размышления. У каждого человека есть своя картина мира, и он сознательно или бессознательно ставит любое явление в общий контекст. Если у вас религиозное понимание мира, у каждой вещи есть религиозное измерение.

– А скажем, Интернет – у него что, тоже есть религиозное измерение?

– Интернет интересное явление. Один из символов нашего времени, резко противостоящий миру традиционализма. Традиционный мир построен на границах. Границы – его пафос, неременная часть его веры, его понимания жизни.

– Что вы имеете в виду, говоря «границы»?

– Я говорю о границах в самом широком смысле: не только о границах между государствами, хотя и о них, разумеется, тоже (они-то для Интернета абсолютно проницаемы), но и о границах, запретах, ограничениях, разделениях и разграничениях в целом. Например, для греков в древности была очень важна культурная граница между эллинами и варварами. В традиционных обществах существует четкая граница между «можно», «нужно» и «нельзя». В разных культурах эти понятия могут иметь разные наполнения, но сам феномен один и тот же.

В чем главный пафос Интернета? В кардинальном снятии границ. А если взглянуть чуть шире – это ведь важное самоопределение современного мира в целом: абсолютная открытость, снятие всех границ, полное упразднение их за ненадобностью. Речь идет не о каких-то искусственных, изживших себя, утративших свой смысл границах, а о принципе: о границах вообще, границах как таковых. Но вот ведь что – когда открытость, казалось бы, достигает максимума, она порождает проблему границ на новом уровне.

– Вы могли бы привести какой-нибудь пример?

– Да сколько угодно! Взять хотя бы Великовского[1]. Всю жизнь страдал от сложности с публикациями, от недоступности лабораторий, которые обладали необходимым оборудованием для проверки его астрономических гипотез.

– **Что ж тут удивительного: конвенциональная наука имеет свои границы.**

– О чем я вам и говорю. Великовский был человек со стороны, дилетант, не принадлежал ученой корпорации, бросил вызов общепринятым научным представлениям. Оказалось, что в научном сообществе существуют границы, которые перейти невозможно. Или вот еще пример. Достаточно скандальный. В США было проведено исследование интеллекта различных этнических групп. В результате исследователи пришли к выводу, что IQ (принятый в науке коэффициент интеллекта) у афроамериканцев ниже, чем у других обследованных групп. Результаты этой работы отказались печатать все издания, куда авторы обращались. Причем, что интересно, никто не ставил под сомнение метод исследования, никто не ставил под сомнение научную добросовестность. Просто, оказывается, существуют определенные границы того, что можно говорить и печатать, а что ни при каких условиях нельзя.

– **Само слово «афроамериканец» – свидетельство границ корректности, которых не так давно вообще не существовало.**

– Кстати, аббревиатура «РС» омонимична: обозначает и персональный компьютер, и политическую корректность. Так вот, РС в смысле политической корректности входит в явное противоречие со свободой слова, которая в принципе никакой политической корректностью ограничена быть не должна. Или пример совсем из другой области: существуют ли границы искусства, и если да, каковы они? Как-то в музее мне попался на глаза концептуальный объект, который представлял собой размещенные в пространстве предметы нижнего белья. Произведение называлось: «Вечность».

– **Что ж, автор представлял вечность именно так. Имеет право.**

– Почему бы и нет, у каждого свой образ вечности, – дело совсем не в том, что у меня о ней несколько иное представление, а в том, кого выставлять в музее: в ситуации отсутствия критериев каждый может претендовать на то, что он художник. Я мог бы привести еще массу примеров, но принципиально они ничего нового не прибавят. Мир без границ противостоит миру с границами. Можно задать вопрос: какой из них лучше? Но на него нет объективного ответа – ответ зависит от выбора отвечающего: в каком мире он хочет жить.

Мир находится сейчас в поисках новых границ, новых парадигм: старые уже перестали удовлетворять – новые еще не найдены. С другой стороны, «новое», «старое» – эти слова сами по себе достаточно неопределенны, нуждаются в уточнении. Новое относительно чего? Относительно чего-то уже существующего, ставшего привычным и само собой разумеющимся? Но в таком случае новые парадигмы могут на самом деле оказаться старыми. И соответственно то, что представляется многим старым, может содержать неисчерпаемый потенциал новизны. Жизнь показывает, что тотальное снятие всех и всяческих границ, как правило, не способствует здоровью: ни физическому, ни духовному. Между тем проверенные временем старые истины и старые границы с их «можно», «нужно», «нельзя» по-прежнему сохраняют молодость, силу и обаяние. И может быть, нынешнее разрушение границ как раз и позволит взглянуть на эту проблему по-новому.

[1] Иммануил Великовский (1895, Витебск – 1979, Принстон, штат Нью-Джерси) – врач и психоаналитик, создатель неконвенциональных теорий в области истории, геологии, астрономии; в частности, автор «ревизионистской хронологии», один из предшественников «новой хронологии» Фоменко и Носовского.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

«АЛХИМИК»

Опыт литературоведческого расследования

Леонид Словин

Юноша-пастух по имени Сантьяго в своих скитаниях с овцами по зеленым холмам Центральной Португалии всегда брал с собой книгу, которую по возвращении в город обменивал на новую. Постоянное пребывание в мире духовности, близость к природе одарили романтического юношу необычной судьбой. Не каждому суждено встретить в жизни людей, отмеченных печатью

Провидения, не каждому довелось ночевать вместе со своей отарой в старом разрушенном храме, не каждому снился сон о кладе, ожидающем за многие тысячи километров своего будущего собственника, и не каждый при подобных обстоятельствах решился бы устремиться на его поиски.

Именно это выпало на долю Сантьяго. Путь заветному месту предстоял далекий – сначала морем, а дальше караванным путем через Северную Африку. И все же юноша решился предпринять рискованное путешествие. Сантьяго продал овец и направился в портовый город, где очень быстро лишился своих денег, став жертвой первого же мошенника, обещавшего ему помочь с билетом на корабль. После этого юноше не осталось другого, как только искать себе работу... В конце концов, за год он собрал достаточно денег, чтобы купить билет и отправиться в дорогу.

Путь через немирную, полную враждующих между собой племен Северную Африку оказался полным опасностей, лишений и трудностей. Тем не менее Сантьяго с каждым днем все ближе к цели своего путешествия. Настал день, когда казалось, что клад – вот он, совсем рядом, но тут юноша неожиданно попал в руки жестоких разбойников, которые приняли его за вражеского лазутчика. Жизнь юноши повисла на волоске, и, скорее всего, он был бы убит, если бы не главарь шайки, которому Сантьяго откровенно рассказал о причине, побудившей его предпринять рискованное путешествие по Черному континенту. Искренняя исповедь юноши нашла отклик в сердце главаря шайки, и тот, посмеявшись над его историей и сжалившись над ним, приказал разбойникам отпустить его с миром. На прощанье главарь признался, что ему однажды тоже приснился клад, который находился где-то далеко, чуть ли не на другом конце земли...

– В Португалии. В старом разрушенном храме...

В отличие от Сантьяго, проснувшись, главарь шайки не бросил все и не помчался на край света за мнимым богатством и славой.

Дальнейшее предсказуемо. Сантьяго возвратился домой в Португалию, в старую разрушенную церковь, где ему приснился вещий сон, погнавший его в далекий путь.

Клад действительно ждал его там!

Философский смысл истории легко прочитывается. Не надо искать счастье на стороне, за тридевять земель. Оглянись: не здесь ли оно, не рядом ли с тобой?

Судьба Сантьяго и его приключения стали сюжетом романа «Алхимик», одного из самых модных современных бестселлеров, принадлежащего перу известного бразильского писателя Паоло Коэльо. Сегодня «Алхимик» назван самой читаемой в мире книгой, изданной, по одним данным, в ста семнадцати странах мира и переведенной на пятьдесят шесть языков, по другим – ее издали на шестидесяти семи языках в ста пятидесяти странах! Роман Паоло Коэльо внесли в Книгу рекордов Гиннесса как книгу, которую переводят больше всего в мире. Общий тираж романа, написанного в 1988 году, составляет 40 млн экземпляров.

Сегодня ни для кого не секрет, что сюжет «Алхимика» почти полностью повторяет «Историю о двух сновидцах» аргентинского писателя Борхеса – о некоем

каирце Якубе из Магриба, увидевшем сон о кладе, находящемся в Исфахане. Каирец прибыл в гостиницу Исфахана в момент нападения на нее воровской шайки и был заподозрен полицией в том, что принадлежит к числу нападавших. Безжалостно избитый стражами порядка, он честно рассказал о причине своего появления в городе и был жестоко высмеян начальником полиции, который, как оказалось, видел подобный сон о кладе, находящемся как раз в Каире, судя по описанию, во дворе дома бедолаго-путешественника. Отпущенный восвояси Якуб из Магриба возвращается к себе в Каир и получает богатство, а с ним и «благословение Аллаха щедрого и ведающего сокровенное...».

Однако и у «Истории о двух сновидцах» обнаруживается явный литературный предшественник: произведение Борхеса, в свою очередь, написано по мотивам одной из суфийских притч – «Человек, у которого была необъяснимая жизнь», а ее более известный источник – сказка «Тысяча и одной ночи», «Рассказ о багдадце, который увидел сон» (триста пятьдесят вторая ночь). Тот же сюжет. Некому багдадцу сообщили во сне, что его «достаток» находится в Каире, и, когда он, прибыв туда, засыпает в мечети, с ним происходят те же перипетии, что и с каирцем, прибывшим в Исфахан. Знакомые уже персонажи: местные воры, вали (правитель области вилайета), который больно побил бедолагу плетью, признание по поводу приснившегося вещего сна. Кульминация с признанием правителя: «Я три раза видел во сне говорящего мне: “В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоем, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся к ним и возьми их”, – и не поехал, а ты по своему малоумию ездил из города в город из-за сновидения, которое тебе привиделось, и это спутанные грезы». Нетрудно догадаться, что сердобольный вали дает багдадцу денег, чтобы тот смог возвратиться домой и под водоемом обнаружить свое богатство.

В мировой литературе, как известно, совершенно «чистых» сюжетов почти нет. Чаще используется прием написания «по мотивам» того или иного произведения. В связи с историей о сновидцах вспоминают еще и немецкого писателя-арабиста Густава Вайля, и Карлоса Кастанеду, и аргентинца Биой Касареса, кроме того, существует история-пересказ «немецкого» князя Голицына (в антропософских воспоминательных очерках)...

Я вспомнил об истории Сантьяго, каирца из Исфахана и его двойника-багдадца, просматривая изданный в Москве детектив «Пауки».

Герой романа – частный российский сыщик, отслеживающий представителей «русской» мафии в Израиле, – привлекает себе в помощь одного из друзей и тем навлекает на того беду. Изя Венгер – так зовут друга – становится жертвой разгневанных преступников.

Вот эпизод, вызвавший мой интерес:

«Изя Венгер, находившийся в полубессознательном состоянии, успокаивал жену. Болтал не переставая. От этого женщина беспокоилась еще больше.

– ...В глухой деревушке Косовец в Польше жил бедный еврей по имени Реувен... Слышите? И вот Реувену привиделось во сне, что в Варшаве, под главным мостом через Вислу, закопан клад, золото...

Жена и сестра Венгера знали больше о его состоянии. Сестра, психиатр, умоляла его хоть минуту помолчать, но...

– Подожди! Он пошел в Варшаву и начал высматривать место под мостом. Охрана моста его задержала. Он рассказал свой сон о кладе. “Да разве можно верить снам? – Начальник охраны засмеялся. – Мне тоже недавно приснился сон... В деревне Косовец живет будто еврей по имени Реувен, и у него в доме под печкой закопан клад, чистое золото. Но я же не еду к черту на рога искать сокровища!” Так вот... Реувен вернулся в свой дом и стал копать. И выкопал из-под печки чистое золото...

– Тебе плохо, Изя? – спросила жена.

– Счастье у каждого в доме. Только копать надо глубоко и усердно...

Он впал в забытие». Что-то это мне напомнило... Ба! Да ведь это та же история! Как она залетела в повесть?

Роман «Алхимик» был переведен на русский язык в 1998 году. Вышел в свет в России в 2002 году. В 2006 году издан на русском языке в Софии.

Роман «Пауки» под названием «Война крыш» был впервые опубликован в газете «Вести» (Иерусалим) на два года раньше – в 1996 году. Переиздан общим тиражом свыше 100 тыс. экземпляров. Создатель «Пауков» ничего не знал об «Алхимике». Об этом я свидетельствую – в качестве его автора.

В чем же разгадка?

Полагаю, в существовании ряда параллельных литературных источников, откуда мог быть заимствован этот сюжет, вполне заслуживающий наименования «бродячего». Один из них – многочисленные «Хасидские истории»...

Так, текст о бедном еврее по имени Реувен из деревни Косовец был в свое время включен в книгу «Кохавей ор» («Предраассветные звезды»), изданную обществом «Путь праведника» по распространению учения рабби Авраама бен рав Нахмана из Тульчина, бреславского хасида» в серии «Всегда есть надежда». Однако все говорит о том, что существуют и другие схожие варианты сюжета.

Известный ведущий религиозных передач радио «Свобода» священник Яков Кротов в своей работе «Человек без свойств», в главе первой, «Человек-чудо», пишет, что Мартин Бубер сделал популярной краковскую легенду о том, что синагога Ицхака (построенная в 1644 году раввином Айзиком Екелесом) построена благодаря чуду.

Екелесу якобы снился сон о том, что под мостом в Праге зарыт клад. (Речь, несомненно, идет о Праге в Варшаве, квартале на нижнем берегу Вислы, хотя некоторые комментаторы смело говорят о Праге в Чехии и тогда называют этот мост «Карловым».) Раввин поехал в Варшаву, но под мостом нашел только полицейского, который посмеялся над стариком и сказал: «А мне каждый вечер снится, что под печкой некоего Айзика в Кракове зарыт клад. И я не такой дурак, чтобы ехать, искать Айзика в Кракове, где каждый второй – Айзик!» Екелес вернулся домой и под своей печкой нашел клад...

В книге «Путь человека в хасидизме» Бубер делает из этого вывод в духе экзистенциализма: смысл существования там, где ты стоишь.

Высказывались также мнения, что притча ровно о противоположном, она как раз о том, о чем Бубер писал реже, но глубже: нельзя найти себя помимо другого. Только

наличие иного, и радикально иного – как радикально иной католик-полицейский по отношению к иудею-раввину, – делает возможным обретение себя.

В дискуссии на радио «Свобода» было высказано по этому поводу и замечание о том, что не всегда то, что мы видим во сне, опять-таки, повторю, вне зависимости от того, каким образом мы хотим толковать этот сон, носит такой однозначный характер. Если вы видели, что вы сломали ногу, не факт, что вы должны ждать именно этого события. Это может быть более сложная знаковая система, которая говорит вам о чем-то другом.

Есть еще один аспект этой притчи.

Почему Г-сподь посылает вещей сон о тайне местонахождения клада не одному, а двум, может, и еще большему числу людей? Почему Он не открывает ни Сантьяго, ни Реувену, ни Екелесу, что сокровища у них рядом, почему никому не говорит, что золото – вот оно, у тебя под подушкой? Почему сначала посылает каждого далеко от его дома, чтобы там от другого – тоже избранного, отнюдь не случайного – человека узнать, что клад был у них рядом?!

На это может быть несколько ответов. И вот один из них. Возможно, Г-сподь испытывает человека, смотрит, достоин ли он клада. Не исключено также, что Он требует от избранного кандидата вложения труда, преодоления препятствий, физического и морального подвига.

Так ли это?

Но это уже вне пределов данного расследования.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

ЕВГЕНИЙ АГРАНОВИЧ: СТИХИ,

ОКОПЫ, МУЛЬТФИЛЬМЫ И СЦЕНА

Беседу ведет Михаил Липкин

Есть авторы, имен которых не знает никто, но тексты их знакомы так или иначе каждому. Поэт, прозаик, переводчик и бард Евгений Данилович Агранович – один из них. Его песни знакомы нам по кинофильмам, радиоспектаклям, мультфильмам и просто как звучащие где-то рядом, как что-то знакомое, родное, близкое и в то же время новое, свежее. Один весьма известный поэт, решительно заявивший, что ни Агранович, ни его тексты ему незнакомы, услышав, кому принадлежит русский текст знаменитой песни «Бродяга я», которую пел Радж Капур в фильме «Бродяга», изумленно сказал: «Но тогда я знаю этого автора уже полвека, –

я еще в юности перевел этот текст на идиш». А ведь песни Аграновича исполнялись в таких фильмах, как «Офицеры», «Ошибка резидента», в радиоспектакле «Улица оружейников», мультфильме «Мария-Мирабела» и других. Сегодня бард-классик, «разменявший» свой десятый десяток, рассказывает о своем боевом прошлом, о настоящем и будущем.

– Евгений Данилович, как вы себя чувствуете в статусе барда-классика?

– Да уж, бард. Десять лет как. До того не знал даже, что это такое. А сейчас – единственный живой из четверки «классиков» в бардовской антологии: Жорка Лепский, Павел Коган (песня «Бригантина») и на том же развороте антологии, но уже вторым номером, менее громкие, да и по времени более поздние, – ваш покорный слуга и Борис Смоленский. Он погиб на фронте, не дожив до двадцати. А песенки наши с ним: «Одесса-мама» и «В тумане тают белые огни...» Еще у меня есть бардовская – не столько по замыслу, сколько по духу, которую все знали лет 20–30 назад, в любое окно постучись, – из фильма «Ошибка резидента». Ее Ножкин поет. Многие думают, что он ее и написал. Но

написал ее я, и чтобы больше не было путаницы, свою первую большую книжку так и назвал: «Я в весеннем лесу пил березовый сок...»

– **А когда концерттировать стали, когда, так сказать, вышли на люди?**

– Барды меня сами же и нашли. Позвонили, пришли, вспомнили мои песни, записали 30 номеров, переглянулись и сказали: «Ну что, Евгений Данилович? Сольный концерт!» С их легкой руки теперь концерттую, главным образом в павильоне бардовской песни на ВВЦ. Вот таким образом я и стал бардом.

– **Значит, первая ваша «бардовская» песня – «Одесса-мама»?**

– Первая массовая, в творческом смысле «бардовская», была у меня фронтовая песня. В первые дни войны в Москве собирается добровольческий комсомольский батальон. И первая его казарма – Литературный институт на Тверском бульваре. Все мы туда пошли. Голос у меня был громкий, нахальный – одно из этих качеств до сих пор со мной – назначили запевалой. А песни все о чем? О том, что шапками закидаем. Тогда это выглядело издевательски-цинично. У меня в голове крутились строки Киплинга в переводе Оношковиц, книжечка только что вышла. Музыка сложилась сама собой. Мелодия простейшая, четыре такта. А получилось! Пели и поют до сих пор. Специалисты, пожимая плечами, говорят: «Странно, но эти четыре такта никого не повторяют». Запела рота, батальон, другие батальоны. Позже я досочинил слова вдогонку Киплингу. Несколько куплетиков про нашу, Отечественную. «Май дал приказ: / Шире шаг, и с марша – в бой. / Но дразнит нас / Близкий дым передовой...» Это мы пели в 10-й армии, когда наступали, и настроение было победное. И на Эльбе пели! И сейчас ее кое-где поют как строевую. Не Черчилль со Сталиным договаривались об общей строевой песне у воюющих армий, а снизу все, от солдатских подошв, от пыли под ними. Песня мелочь, первая ласточка, которая не делает весны, – но она летает. И песню подхватили без указания «сверху», она ведь и напечатана нигде не была, я только последние десять лет стал печататься.

– **Как же вы дошли до такой «литературной» жизни?**

– С детства звали рифмоплетом. Запоминал стихи наизусть, страницами, книжками. Пел, но не сочинял стихов, тем более мелодий, – не думал, что это возможно. Очень нравилась поэзия, литература. Правда, любил еще и театр, и науки, особенно биологию. Но принял меня Литературный институт. Симонов Константин Михайлович, тогда только окончивший институт (первый выпуск), в этот момент вышел в садик Дома Герцена, где мы сидели на скамейках, и спрашивает: «Кто тут Агганович?» – «Я». – «Пойдешь со мной». Прочитал он тетрабочку и выносит приговор: «Не понял, что тут есть. По сути – ничего и нет. Есть еще? Читай». Я прочел кое-что получше. Он сказал: «Не нгавятся мне твои стихи, не нгавятся. Но я сделаю все, чтобы тебя пгиняли. По школе ты мне никак. Сплошной Мандельштам». Я, вообще-то, не был поклонником Мандельштама, скорее Пастернака. А любимым поэтом моим был Гумилев. Совершенно запрещенный, но книжные шкафы наших тетушек и дядюшек с революции не перетряхивались, так что Серебряный век у нас был широко представлен. И какое-то подобие литературной студии было. Мой старший брат, который раньше меня приехал из Орла, учился здесь, привел меня в Бригаду Маяковского...

– **Бригаду Маяковского?! У Маяковского была такая бригада?**

– Кучка молодежи, человек 40–50, которая цвела и пела вокруг Маяковского, окружала обожанием. Бригада его не удержала, не спасла, но после смерти поэта не распалась, хотя никакой организационной формы уже не было, никаких красных корочек, членских билетов, ничего, один только энтузиазм. Я ездил по заводам, было мне тогда 13 лет, и во время заводских перерывов громко и нахально читал стихи Маяковского. Рабочим нравилось. Так что с поэзией я был связан самым непосредственным образом. При том что в девятом классе не учился вовсе, шлялся, подрабатывал...

– **Кстати, о детстве и юности. Вы были, что называется, «трудный подросток»?**

– Со школой я не конфликтовал, трудности случались в семье. Родители жили отдельно, семьи как таковой не существовало. Отец сильно пил, а у мамы был такой характер, что я понимаю, почему он пил. С 11 лет, как приехал в Москву, жил у деда с бабкой. Брат мой до меня жил там же, у них, потом я прибавился, а он пошел по общежитиям, учился при театре, везде его принимали, во всех студиях – у вахтанговцев, у Мейерхольда... Он довольно известный режиссер. Так вот, на меня дед с бабкой уже смотрели по остаточному принципу, не любили и не кормили, даже туберкулез начал развиваться. Отец иногда появлялся, кидал какую-нибудь копеечку, но денег его не хватало. Я уходил, работал – корректором, например, в издательстве «Сельхозгиз».

– **Расскажите о вашей дружбе с Павлом Коганом.**

– Жил я тогда в Царицыно-Дачном, уже с мамой. Добираться было трудно. И вот как-то опоздал на поезд. Вошел в телефонную будку, где, как пес на цепи, висел огромный лохматый справочник. Нашел фамилию Асеев. Позвонил. Так и так, мол, молодой поэт, хотел бы вам показать кое-что. А он: «А о чем же мы с вами будем говорить – о любви или об искусстве?» Чтобы он сразу понял, с кем имеет дело, я лихо ответил: «Об искусстве любви и любви к искусству!» – «Ну, приходите сегодня, как раз у меня будет молодежь». Прихожу. Там Павел Коган, Жорка Федоров, Гришка Минский, Лена Каган, впоследствии Ржевская, Наровчатов... Вот такая компания. Стали читать. Скажу по секрету, стихи вашего покорного слуги Асееву и его жене показались лучшими. Три часа ночи, а деваться некуда, Павел повел меня к себе. Он был роялистом больше, чем рояль: весь партийный, в духе «Краткого курса». Родители же, хотя и партработники, дома все-таки разговаривали посвободнее, и Павла возмущала их несознательность. Он от них ушел. На той же улице снял чуланчик, табуретка служила столом, вместо кровати – матрац на четырех кирпичках. Туда он меня привести не мог. А привести хотелось, покровительство оказать. Родители и бабушка поняли так, что это я его привел, и отнеслись ко мне словно к родному. Я прожил у Коганов год. С Павлом дружили, хотя и немного не сходились в идеологии.

– **Где вас застала война? Какие свои «военные» тексты Вы считаете главными?**

– Есть у меня рассказ «Евреи не воевали». Маленький, острый. Но для его написания понадобилась мировая война, для публикации – крушение империи. Лейтенант-корреспондент оказался на передовой, а там командира контузило, корреспондент – единственный офицер в строю, солдаты озираются, но чуть проблемы – сразу к нему. Однако и ротного своего не забывают. А нового передразнивают, за акцент да за вид еврейский. Но эта встреча, начавшаяся с ненависти, издевки, кончается такой любовью, что, когда его забирают, это становится трагедией для солдат. Меня спрашивают, правда ли это. Я в национальной манере отвечал вопросом на вопрос. Один

из вопрошающих: «Ну никак бы не назвал это враньем. Ведь в рассказе все правдой дышит». Раз дышит достоверностью – значит, правдивее самой правды. И раз должно было быть, значит, и было. (Показывает фотографию.) На фотографии я весной, после наступления. Эта фотография обошла всю прессу. Корреспондент постарался, поставил меня перед траншеей, сам нырнул и снимал снизу. Ему там спокойно аппаратом целиться, а я стой. Передовая как-никак. Самое мое известное произведение на военную тему – песня из кинофильма «Офицеры»: «От героев былых времен не осталось порой имен...» Но тема войны возникла у меня в стихах еще в первые часы войны. Помню, еще в добровольческом батальоне вызывает меня комбат: «Вот трешка, вот полуторка, вот картонка – отпускной билет, у памятника Пушкину кинотеатр “Новости дня”, посмотришь – и сейчас же назад, к вечерней проверке, чтоб был на месте. Кругом и бегом! Вон твоя полуторка уходит!»»

Е. Агранович. 1941 год

Прихожу в этот зал, там без перерывов крутятся киножурналы новостей. Слышу родной и главный в моей жизни голос, выше которого для меня тогда ничего... Голос Владимира Николаевича Яхонтова. Я был одним из его «железных» обожателей, приходил с компанией на все концерты, и в уже пустом зале мы орал в его честь так, что он в гримерной слышал. Мне потом передавали, что он обо мне знает, что всем говорит: «Это мой большой друг». И вот я слышу, он читает стихи, и в следующий момент понимаю, что эти стихи мои. Как только мы по радиотарелке услышали Молотова, «Сегодня в 4 часа утра...», я сразу понял: война. Эта тема давно во мне варилась, почти сразу написал и выбежал в такую контору, где брали стихи для эстрадных исполнителей. Открыто, никого нет, только уборщица. Я положил на стол директору стихотворение и побежал записываться в батальон. Смысл его: ведь когда война началась, вся пресса,

журналисты, которых было чуть больше, чем до хрена, – все писали оду и ту же бравурную чушь, и единственный, кто сказал сразу, что это будет за война, был Женька Агранович. И именно это Яхонтова и «купило». Ну, начало они там заменили, Сталина вставили, а раз в первые дни войны Сталин ничего не говорил, то и дату изменили. Вместо «Сегодня, в четыре часа утра», стало «Двадцать шестого, в семь тридцать утра...». Назвали «Клятва вождю». Только бы лизнуть.

...Ī ò í àñ Áí í àí àò ò ááæ àé í àçáí,

Đí í ŷŷ çí àí à í à ñáí è áí ááí á,

È í ñò óí ŷ ÷ óáí í óþ ðáññé ò ñé ááò

Ī ñí íŷ ò ááðéé í ñé á í ñò í áí á

È í óí ò ŷ ááæ á ñáðá ò á í ðí é í é á ò í áí áí ,

È áðáæ ó ò ñŷ á æ á ðé óþ çáí èþ é í é áí è,

Ī ŷ í á ð ò áí í è í á í í áé ñ í áá á ñ ò ááí ,

× ò í áí áí á ðáç í í é ò è á í á ñ ò óí é áí í á

Вот такую войну этот мальчик видел. И в течение недели все кинотеатры России, больше тысячи, показывали перед сеансом этот журнал, «Советское искусство» № 5 за 1941 год.

– **Война оставила заметный след в вашей жизни и в творчестве. А каким было возвращение к мирной жизни? Что запомнилось?**

– Запомнилось, как я в гимнастерке при орденах, офицер-победитель, прошедший всю войну, пришел доучиваться в Литинститут. Какие-то новые люди, никого не знаю. Сидят два молодых человека. «А что, вы у нас учились? На каком факультете?» – «Поэзия». – «А у нас факультет русской поэзии». «Я на нем и учился», – отвечаю, еще не понимая, в чем дело. В общем, пришлось звонить Симонову и Антокольскому. Они не очень-то между собой ладили, но оба примчались. Пошли к директору, Gladкову, автору «Цементы», – крупная фигура соцреализма. Скрылись в кабинете, легкий крик оттуда раздавался, подом выходят, и Симонов говорит мне: «Агганович, догогой, пгиходите в сентябге и занимайтесь». А Антокольский сказал: «Что вечером делаешь? Приходи ко мне ужинать». А тех двух я больше не встречал. Не студенты, не педагоги, какая-то административная шушера. Ладно, черт с ними. Доучился. Даже не помню толком у кого. Антокольский ушел, появлялись какие-то молодые, более-менее модные. А окончил институт – нигде на работу не берут. Год проработал в осоавиахимовской газете, но когда была эта история с космополитами, как-то неудачно сострил в коридоре – моментально нашелся стукач. Не посадили, просто тихо выгнали.

– **И чем вы начали заниматься после «истории с космополитами»?**

– Делом. Пошел в кинематограф, причем опять помогла поэзия. Иду выгнанный по улице и вдруг встречаю девочку из довоенной поэтической компашки, а она – редактор на студии Горького. Занимались дубляжом «трофейных» фильмов. Мне поручили песенки. Я это делал, и делал хорошо. В 60-х я перевел песенку, которую Радж

Капур поет, помните: «Бродяга я!» Кажется, только там мою фамилию наконец-то дали в титрах. Но это уже из-за того, что сами кинематографисты возмутились: «Что это вы нигде его фамилию не дадите?» А первая моя песня, которую я действительно на улице услышал, была из «Жениха для Лауры», для Лолиты Торрес. Текст неинтересный, зацепиться не за что, но меня вдруг озарило: надо идти не от того, что она поет, а от того, что она делает. Изображает юную девчонку, которая пасет козу и якобы не догадывается, почему проезжающие машины останавливаются рядом с ней из-за каких-то надуманных поломок; она не знает, но чувствует свою власть над мужчинами.

Радж Капур в фильме «Бродяга»

– **Что из того времени больше всего запомнилось?**

– Помню, в числе прочего была там полнометражная цветная картина, чехословацкая, «Сотворение мира». По рисункам Эффеля. Там Адам, Ева, Б-г, черт, все такое – и все в стихах. Довольно плоских. Например: Б-г делает человеку череп, а дьявол из куста: «В своем ли вы уме? Зачем вы делаете ему ум?» Агранович делает так: «Мозг? Зачем? Себе вы сами делаете вред: / Он пошевелит мозгами, скажет: “Б-га нет”». Или вот такая песенка, и надо, чтобы сразу ухватили библейскую цитату: «Есть на любовь у всех права, / влюбляйтесь без стеснения. / Ясное дело – дважды два – / таблица размноженья. / В зелени рощ, в тени полей / знакомьтесь и встречайтесь. / На молодой земле своей / плодитесь-размножайтесь». Вот так-то. И всегда норовили не заплатить.

Когда «Сотворение мира» делали, я неделю просто жил на киностудии. Звонят: «Бери зубную щетку и тапочки, сейчас за тобой приедут на директорской машине. Спасай-выручай». И я не вылезал из этого зала, читая по губам, что они там могут произносить, чтобы своим переводом в артикуляцию попасть. И при этом чтобы текст оказался качественный, и кровь из носу – за неделю должен быть. Ну, сижу, из рук у меня берут тексты, несут это артисту перед микрофоном – и сразу в запись. На песенку уходило минут сорок, чуть ли не экспромт. Заканчиваю финал, сдаю перевод, полумертвый падаю на пол, втискивают меня в машину, доставляют домой, и я сплю двое суток. Выспался, прихожу на студию, требую договор – а там не три тысячи, а полторы. Начальник объясняет: «Я тут сижу целый месяц, ответственная работа, получаю тысячу двести, а ты за неделю не хочешь полторы брать?» Я разозлился: «Ну и пишите сами! Я как был Женька Агранович, так и буду, а вам сидеть каким-нибудь директором заштатного кинотеатра». Плюнул и ушел. Встретил на улице того же самого еврея-юриста, рассказал ему свою историю. А он пригрозил студии прокурорским секвестром – слышали вы такое

слово? Звонят директору студии, заваривается скандал: «Где этот адвокат проклятый?» Тот приезжает: «Понимаете... автор... творческая неудовлетворенность...» Начальство рывкает директору: «Выбрасывай оттуда стихи и сдавай картину». – «Что вы, там сплошные стихи, надо сжечь две тысячи копий и все переделать!»

В общем, перспектива заканчивать карьеру в захудалом кинотеатре и впрямь перед директором замаячила. Взмолился: «Ну, чего он там хочет?» Адвокат на потолок задумчиво посмотрел и говорит: «Десять тысяч». – «На!»

Потом, уже в 80-х годах, делал большой полнометражный мультфильм «Мария-Мирабела», румынский. Большая работа, много музыки, песен, все поют... Помню, ничего толком не получил и песни остались неподписанными – считалось, что это все румыны.

– А кроме «Евреи не воевали» еврейская тема у вас как-то по жизни и текстам проходит?

– Говорите, еврейская тема... Ну что ж, я с детства был слугой двух господ. Мама мне сделала октябратскую звездочку, я ходил со всеми октябренком, но при этом уже читал на иврите, он назывался лешон кодеш, с четырех лет ко мне ходил учитель, старый еврей. Учиться мне было лень, но все усваивал. До четырех лет я хорошо видел Б-га, удивлялся, если Он не выполнял какие-то мои просьбы, а потом под влиянием среды как-то отошел от этой идеи.

Что там у нас еще по еврейской теме? Ну, конечно, «Еврей-священник». Поэма ходила по рукам без указания авторства, но многих известных поэтов вызывали куда следует и, усматривая какое-то сходство стиля, требовали, чтоб те сознались, будто это их произведение.

Но никто меня не выдал. Да, есть там злость на нашу тогдашнюю действительность. Зря говорят, будто там какая-то пропаганда христианства, от меня это очень далеко, любой читатель увидит. Просто ситуация: еврей в формально интернационалистском, а по сути антисемитском обществе ищет свое место, и нигде не может себя реализовать.

А по поводу всего остального – как меня надували, обходили, в грош не ставили – чувство злости на систему, конечно, осталось. И – чувство униженного многолетнего страха, с которым я воспитывался, вырос и состарился. И сейчас он во мне. Боюсь, что вернется это все. Вернется ГУЛАГ, вернется начальственный произвол... Очень боюсь реставрации комфашизма. И не могу сказать, что она невозможна. А уж с моим-то языком как не бояться?

– И все-таки в чем ваш секрет?

– Закусывать надо меньше. (Смеется.) Ну а если серьезно, то мы, неудачники, которых никто не знает, вообще люди чувствительные и ранимые. Однако сама возможность творчества компенсирует многое. Хотя эта свобода все-таки относительная. Нельзя просто так сесть и из пальца высосать. Что-то такое надо обязательно пережить, пропустить через себя. Даже самые мои условные, без имен и конкретики, песни имеют за собой какую-то жизненную ситуацию. Даже «Любовь-сабля» («Любовь пытаюсь удержать, как саблю держим мы ее, один к себе за рукоять, другой к себе за острие»), даже «Просто крылья устали, а в долине война».

СПУТНИКАМ СТУЛЬЕВ И ВЕРНОПОДДАННЫМ ТЕЛЬЦА

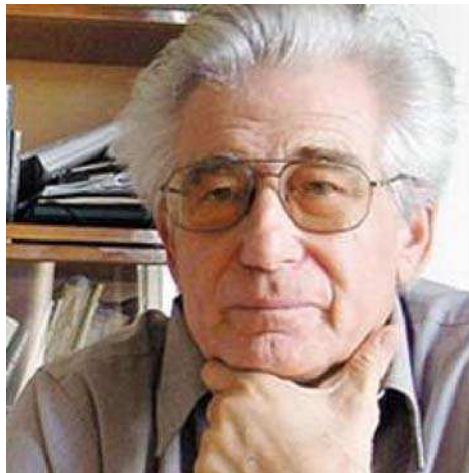
На четыре вопроса отвечают: Александр Жолковский, Александра Ильф, Михаил Одесский, Давид Фельдман

Беседу ведет Афанасий Мамедов

В издательстве Ивана Лимбаха вышло третье, дополненное, издание комментариев Юрия Щеглова к диалогии Ильфа и Петрова. Юрий Константинович выхода в свет этого издания не дождался, он скончался 6 апреля 2009 года. Труд свой определил как «Спутник читателя». Понятно, многие слои культовой диалогии сегодня уже не воспринимаются или воспринимаются иначе. То, что «Двенадцати стульям» и «Золотому теленку» понадобятся «караванщики-проводники», Щеглов не сомневался: при жизни оказывал содействие тем, кто исследовал творческую лабораторию Ильфа и Петрова. Но существует и противоположное мнение. В этой связи вспоминается борхесовский рассказ «Поиски Аверроэса». Комментируя «Поэтику» Аристотеля, Аверроэс наткнулся на два слова, значения которых не знал: «трагедия» и «комедия». Опустить их было невозможно – ими был испещрен текст «Поэтики». Решив, что мы часто ищем то, что лежит рядом, комментатор отложил на время перо. К рукописи вернулся, когда муэдзины призывали на молитву первого луча. Твердым каллиграфическим почерком вывел: «Аристу (Аристотель) именуется трагедией панегирики и комедией – сатиры и проклятия». Не повторим ли мы в той или иной степени историю борхесовского Аверроэса, комментируя бессмертную диалогию? Но с другой стороны, кто объяснит сегодняшним пешеходам, зачем вчерашним нужно было, переходя улицу, смотреть «налево» и «направо», что такое «южнорусская школа» и какова была ее связь с «загадочной еврейской душой».

ИМ ПОВЕЗЛО СРАЗУ ЖЕ ПОПАСТЬ В КЛАССИКИ

*Àéàéíáð Áíééíáéé, óééíéá è íéíáóáéé, íðíóáíð óíéáíéóáóá
Pæííé Éáééóíðíéé*

– Существует укоренившееся понятие «одесский юмор», а «одесский ритм» существует? Занимаясь творчеством Ильфа–Петрова и Бабеля, исследовали ли вы вопрос зависимости юмора от ритма, рожденного этим городом?

– Вопрос поставлен совершенно правильно, но, к сожалению, ответить мне по существу нечего. Некое общее единство стиля и даже ритма «южной», или «одесской», школы – добавьте к Бабелю и Ильфу и Петрову еще, как минимум, Юрия Олешу – вещь очевидная, однако я, хотя обо всех них в разное время писал, этим не занимался. Разумеется, ритм в прозе – не то, что в поэзии, но и он может быть структурно описан и даже обсчитан. В свое время было много исследований о характерной для различных авторов (не одесситов, а вообще) длине и сложности предложений (например, для обоснования атрибуций, в частности авторства «Тихого Дона»), но к этому задача, конечно, не сводится. Кстати, связь между юмором, ритмом и «выговором» вообще очень сильна. Так, есть целый класс анекдотов, полагающихся на рассказывание с этническим акцентом или с теми или иными дефектами речи, врожденными или возникающими по сюжету. Без этого комическая ситуация вроде бы остается, а комизм пропадает. Это интереснейшая тема, которой я мечтаю заняться, если руки дойдут. А ведь «одесская» проза в значительной мере опирается на анекдот и вообще на «низкий» жанр, который она, в согласии с теориями формалистов, «канонизирует», повышает в ранге.

– Чем для вас (вашего поколения) была диалогия Ильфа и Петрова и как стирался/выбеливался «еврейский» след, оставленный ими?

– Я вырос в еврейской, но совершенно нерелигиозной, по-советски «интернационалистской» семье. И хотя мой отчим, профессор Лев Абрамович Мазель, пострадал от кампании против «космополитов» 1949 года, еврейская тема дома не заострялась. Романы о Бендере я прочел лет тринадцати-четырнадцати, купив издание 1948 года у одноклассника за три рубля. Как романы о еврее, с еврейской тематикой и написанные авторами, из которых один – еврей, я их не воспринимал. Хотя легенда, что все лучшее придумывал Ильф, ходила. Специально «еврейские» места романов, конечно, замечались, но наравне со всем остальным. Что «комбинатор» – еврейский тип, в голову смолоду не приходило, тем более что Бендер уравнивался «гоем» Корейко. Кстати, скажем, у Достоевского, такие «еврейские» типы, как процентщица в «Преступлении и наказании» и ростовщик – главный герой «Кроткой», формально не евреи, герой «Кроткой» даже бывший офицер, дворянин по происхождению.

– **Некоторые сетуют на то, что комментарии Юрия Щеглова к романам Ильфа и Петрова нарочито педантичны, их даже сравнивают с набоковскими комментариями к «Евгению Онегину», а вот другие считают, что Щеглов упустил много важных моментов, – и пишут комментарии к комментариям Щеглова. Как вы оцениваете труд вашего сокурсника, товарища и соавтора?**

– Да, сокурсника, друга и соавтора, чем я очень горжусь. Как и тем, что некоторые мои находки попали в его комментарии. Вы знаете, что он умер в этом году, успев закончить, но не успев увидеть вышедшим из печати третье издание своих комментариев. Комментарии Набокова к «Онегину» Юрий Константинович специально изучал, помню даже его доклад на эту тему на одних из Эткиндовских чтений в Петербурге, лет пять назад. Его собственные комментарии не столько стилистически педантичны, сколько построены по тщательно продуманной за десятки лет схеме, или анкете, определяющей, что должно попадать в комментарии, а именно: система отсылок к культурным архетипам и типовым выразительным конструкциям, к мировой классике, к русской классической, а также современной авторам литературе и, наконец, к другим сочинениям рассматриваемых авторов. Тем самым документируется, так сказать, химический состав этого сложнейшего литературного продукта, лишь кажущегося просто остроумным и злободневным. Что туда, по его идее (насколько я могу говорить за него), попадать не должно: всякого рода дальнейшие свободные ассоциации, позднейшие интерпретации, – вообще, все то, чего нет в произведении, но что с полным правом может каждым из него вычитываться. Это не дело ученого, снабжающего текст необходимыми и достаточными комментариями. Говоря о комментариях к комментариям, вы, наверное, имеете в виду книжку Александра Вентцеля, к которой, кстати, Щеглов отнесся очень положительно и способствовал ее изданию. Жанр книги Вентцеля (моего доброго знакомого – к публикации его книги имел отношение и я) иной, чем у Щеглова. Это промежуточный жанр между комментариями (добавлениями и уточнениями к щегловским) и собственной мемуарно-публицистической прозой. Жанр законный, но ни укором, ни заменой комментариям Щеглова быть не претендующий. Что же касается возможности добавлений и поправок к щегловским комментариям и даже их пересмотра, то это естественный процесс – вклад Щеглова в бендероведение на сегодня самый весомый, но, как это типично для науки, конечно, не последний.

– **Вас никогда не смущало, что «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» нравятся практически всем, что вы – интеллеktуал, рафинированный человек, привыкший оказываться в меньшинстве, – в данном случае разделяете мнение абсолютного большинства?**

– Нет, никогда не смущало. Я совершенно не сноб, – может быть, потому, что интеллигент не в первом поколении и, значит, не нуждаюсь в непрерывном подчеркивании своей, как вы выразились, «рафинированности», – это для людей, которые, согласно Чехову, «хочут свою образованность показать и потому говорят о непонятном». Ильфу и Петрову повезло сразу же попасть в классики – ведь Шекспира, Пушкина, Толстого и Блока тоже любят «все», и стесняться этого никому не придет в голову. Впрочем, говорить, что сагу о Бендере любят все, не совсем верно. Помню, как нам со Щегловым нашими коллегами-интеллектуалами неоднократно указывалось, что любовь к Ильфу и Петрову – свидетельство примитивного вкуса, а также, что идейное содержание их романов – сомнительное, что это просоветские авторы, унизившие русскую интеллигенцию (в лице Васисуалия Лоханкина), ну и так далее. Одно из изданий своих комментариев Щеглов подарил мне с надписью: «...за верность Ильфу и Петрову». Проблема «советскости» Ильфа и Петрова – не надуманная, но надо быть по-советски, точнее, по-антисоветски сугубо ангажированным читателем, чтобы воротить нос от их

шедевра. Вот это как раз свидетельство недоразвитого – политизированного – вкуса. Мешают ли вам елизаветинская ориентация Шекспира, легитимизм Бальзака, толстовство Толстого, православие и даже антисемитизм Достоевского наслаждаться их искусством? И последнее. Нет, далеко не абсолютное большинство читателей любят Ильфа и Петрова, а, пожалуй, меньше половины. Насколько я замечал, их не любят женщины. Видимо, что-то в их юморе и ритме не для дам...

Я ПОЛУЧИЛА ЗВАНИЕ «ДОЧЕРИ ИЛЬФА И ПЕТРОВА»

Àëàçñàíà ãðà Èëüò, àí-ü Èëüè Èëüòà, íááëëàòîð, ìïòàáëòàëü è èíì í áíòàòîð

– В журнале «Цитата», целиком посвященном Ильфу и Петрову, опубликована ваша статья «Бендер – этим все сказано». В статье вы достаточно убедительно пишете о том, что главным прототипом Остапа Бендера можно считать славного одессита Остапа Шора. Как вы относитесь к не менее убедительной версии Сергея Белякова, будто бы прототипом товарища Бендера был не кто иной, как Валентин Катаев, он же Валюн Великий, он же Катаич, он же Monsieur Kataev, он же – автор идеи «Стульев»?

– Версия Белякова представляется мне сомнительной. Имея полное право считать себя вдохновителем и почти соавтором романа «Двенадцать стульев», мэтр Катаев с удовольствием принял бы главную роль «великого комбинатора» вместо жалкого «кушать подано» инженера Брунса с его «гусиком». Зная о великом честолюбии великого мовиста, я убеждена, что, приди ему в голову подобная мысль хоть на долю секунды, он не упустил бы случая посвятить этой версии немало пассажей в своем «Алмазном венце» и не утверждал бы, что Остап Бендер «написан с одного из наших одесских друзей. В жизни он носил, конечно, другую фамилию, а имя Остап сохранено как весьма редкое», и так далее. В Бендере можно найти черты не только Шора, но и других знакомых из окружения соавторов. Евгений Петров писал: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура. Для него у нас была одна фраза – “Ключ от квартиры, где деньги лежат”. Ее мы слышали от одного нашего знакомого, который дальше и был выведен в виде Изнуренкова. Но Бендер постепенно стал выпирать из приготовленных для него рамок, приобретая все большее значение. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним как с живым человеком и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу». Удивляет меня и совсем свежее мнение Олега Басилашвили (в свое время Гайдай предполагал снимать его в роли Остапа в фильме «Двенадцать стульев») о том, что прототипом Бендера был Маяковский.

Да, соавторы были знакомы с поэтом, встречались с ним в редакциях журналов, восхищались им: «...Такой поэт бывает раз в столетье». Знаем, что Маяковский любил повторять шуточный стишок Ильфа: «Марк Аврелий, не еврей ли?» – одобрял образ халтурщика Гаврилы, а Ильфа, по словам Евгения Петрова, «все восхищало в нем: и талант, и рост, и голос, и виртуозное владение словом, а больше всего литературная честность». В наше время каждый желающий имеет шанс предложить свой оригинальный вариант. Я же настаиваю на том, что Бендер – образ собирательный, и повторяю вслед за Сюлли-Прюдомом: «Это мое мнение, и я разделяю его».

– Испытывали ли вы какие-либо «родственные» чувства к романам «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», когда впервые читали их? Менялись ли они по мере того, как вы перечитывали романы? Как вы относитесь к экранизациям романов? Какой именно отдаете предпочтение?

– Не помню, в каком возрасте я прочитала романы впервые. В младшем школьном возрасте с удовольствием рассматривала иллюстрации к ним в журналах «30 дней» за 1928 и 1931 годы, где они печатались впервые. Наверное, тогда и стала читать. Было смешно, хотя не все понятно. Потом увлекли сюжеты, персонажи. Потом – язык, стиль. Потом увлекла фантастическая атмосфера пародии. Фразы из романов врезались в память, помню, что очень нравились эти: «Пролетарий умственного труда, работник метлы. При наличии отсутствия. Заседание продолжается. Не учите меня жить...» Чем старше я становилась, тем полнее делались мои впечатления. Я постоянно перечитываю романы: участвую в издательском процессе, пишу предисловия, послесловия, комментарии, и чем дальше, тем больше восхищают меня эти книги. Они – полнокровные «детища» соавторов, и мне нравится состоять с ними в родственных отношениях, поскольку я давно уже получила звание «дочери Ильфа и Петрова». Об экранизациях. Фильмы «Двенадцать стульев» Гайдая и Захарова я предпочитаю сейчас смотреть не подряд, а только лучшие «цитаты». «Золотой теленок» Швейцера кажется очень удачным. Бендер в исполнении Сергея Юрского вызывает мое неизменное восхищение, и особенно я ценю его слова о том, что Бендер – «идеальный человек». Мюзикл «12 стульев» был довольно посредственным. На мой взгляд, никуда не годится «Золотой теленок» режиссера Ульяны Шилкиной. Четырехчасовой немецкий фильм «Двенадцать стульев» Ульрике Оттингер – очень добросовестный, довольно скучный, но местами неожиданный и смешной.

– Согласны ли вы с исследователями творчества Ильфа и Петрова Михаилом Одесским и Давидом Фельдманом, высказывающими мнение, будто для того, чтобы пробиться в их суггестивку, необходимо реставрировать «газетные» слои?

– Эти романы – не документальные сочинения, не архивные документы, а полноценные художественные произведения. Конечно, через восемьдесят лет после их появления реалии безусловно требуют комментариев, и романы обросли комментариями, как затонувшие корабли обрастают водорослями и ракушками. Читатели конца 1920-х и 1930-х, жившие в реалиях того самого времени, были свидетелями и Международного шахматного конгресса, и авангардистских спектаклей Мейерхольда и Эйзенштейна, и «Нашего ответа Чемберлену». Им были знакомы и «чистки», и автопробеги, и «живопись знаками», и полярные экспедиции, и приезд в Москву Рабиндраната Тагора, и открытие Турксиба, и даже конгресс почвоведов в Ленинграде. Однако романы не состоят из одних только реалий, и мы любим их не за документальность. Они полны живых фраз, которые я часто слышу и читаю даже сегодня, начиная с надежды на то, что «заграница нам поможет» до указания сверху: «Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих» и сообщения налогового управления: «У меня все ходы записаны!»

– Еврейский дух никогда не покидает еврейские семьи в одночасье. Вы замечали в доме какие-то специфические предметы, назначение которых вам было незнакомо? А может, еврейский дух шагал из дома прямо в литературу, трансформируясь в то, что мы привыкли называть гуманизмом?

– Еврейской семьей Ильфа можно назвать только одесских Файнзильбергов. Не знаю, ходили ли они в синагогу, но говорили по-русски, идиш в Одессе называли жаргоном. Сыновей, нареченных Шауль, Мойше-Арон, Иехиель-Лейб, родители звали русскими именами: Саша, Миша, Илья. Ильф родился и прожил двадцать пять лет бок о бок с русскими, украинцами, греками, поляками, немцами, албанцами. В отличие от других городов, в Одессе существует одна-единственная национальность – одессит. Судя по фотографиям, в московских обиталищах Ильфов не имелось никаких «специфических» предметов, а его семья не имела никаких национальных признаков. Жена Ильфа, моя мама, была русской, вернее, украинкой – ее отец был из полтавских казаков. Знакомство будущего писателя с Библией доказывают многочисленные библейские аллюзии в обоих романах. В его записных книжках читаем: «Со времени разрушения храма не было кушанья вкуснее рубленой печенки»; «Когда царю подносили Тору, ему тоже было неприятно, но он терпел»; «Он посмотрел на него, как русский царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь мог смотреть на еврея?» и так далее. Первое известное нам сочинение Ильфа называется «Повелитель евреев». Его рассказ «Возвращение блудного сына» открывается словами: «Иногда мне снится, что я сын раввина». В путевых дневниках 1935 года он упоминает о посещении еврейского кладбища и еврейских религиозных школ в Варшаве. В романах явственно звучат еврейские мотивы. Например, дорожные анекдоты в «Двенадцати стульях» или в «Золотом теленке»: «Разговоры о смерти, считавшиеся до сих пор неудобными и невежливыми, стали котироваться в Черноморске наравне с анекдотами из еврейской и кавказской жизни и вызывали всеобщий интерес». Пророку Самуилу, отвечающему на вопросы публики, задают один и тот же вопрос: «Еврей ли вы?» Ильфо-петровские сочинения населены персонажами с пародийными еврейскими фамилиями. В юмористическом опусе «Соавторы» Ильф и Петров именуют друг друга «загадочная славянская душа» и «загадочная еврейская душа». Короче говоря, в те годы традиционно считалось, что евреи в СССР есть, а еврейского вопроса нет. То есть нет явлений государственного антисемитизма. Однако «явления» назревали. Тут-то и возникает в ильфовском рассказе не совсем смешная фразочка: «Яблочко, яблочко, скажи мне, с кем ты знакомо, и я скажу, кто тебя съест...» Ильф любил повторять: «Все равно про меня напишут: “Он родился в бедной еврейской семье”». В его паспорте и других документах стояло: «Иехиель-Лейб Арьев Файнзильберг». Повезло моему отцу или нет, но ему «удалось» умереть в 1937-м от тяжелого туберкулеза, а не в застенке, не американским шпионом, не вредителем, не космополитом. Впрочем, не прошло и десяти лет после его кончины, как в официальном документе появляется многозначительная фраза: «Евгений Петров и в особенности Илья Ильф...», зловеще намекающая не только на антисоветский характер их сочинений, но и на нежелательный «пятый пункт» (как это у нас называлось) старшего соавтора.

«ЮЖНОРУССКАЯ ШКОЛА» и «ЕВРЕЙСКАЯ ДУША»

*Î èòàèè Îäîîîèè, îðîäîîîð, çàäîîòðèèè èàòääðé èèòäðàòòðîîé
èðèòèèè òäèèèîòäà æòðäèèîèèè ÐÄÄÓ*

– Почему вы решили заняться Ильфом и Петровым, почему совместно с Давидом Фельдманом? Пригодился его «бабелевский» опыт? Не было ли соавторство для вас таким подражанием классикам? Кому достался Ильф, кому Петров, кому эпоха написания романа, кому стулья? А может, вы работали так же, как они, над каждой строчкой, периодом совместно?

– Для меня выбор писателя или текста как предмета исследования – в некоторой мере случайность. Точнее – судьба. По крайней мере, мне хотелось бы так думать. Что касается сатирической дилогии Ильфа–Петрова – тогда судьба приняла вот какое обличье... С Давидом Фельдманом мы к тому времени уже образовали постоянное творческое сообщество, в просторечии именуемое авторским коллективом, выпустили несколько статей, приготовили книгу о терроре. Кстати, статья о Бабеле и хасидизме также была результатом нашего филологического сотрудничества. Далее Давид поделился идеей издать первый вариант романа «Двенадцать стульев» (рукопись хранилась в РГАЛИ), а в перспективе – романа «Золотой теленок». Так что замысел работы был связан не столько с личностями Ильфа и Петрова, сколько с текстом. Первый вариант был важен не только тем, что он существенно отличался от общеизвестного. Для классической литературы XIX века принято принимать за источник последний авторский вариант – по принципу «чем поздней, тем верней отражает волю автора» (как в завещаниях). Напротив того, для советской литературы, как правило, целесообразно принимать за источник первый вариант – по принципу «чем поздней, тем верней отражает уступку автора очередной цензурно-политической директиве». Далее. Текст Ильфа–Петрова – замечательный, не устаревший, но, кроме того, сатирический, то есть погруженный в бытовую и тому подобную злободневность 1920-х годов. Потому увлек замысел и публикации, и комментария. Благо, комментированные издания последнего варианта уже существовали – прежде всего, выдающийся опыт Юрия Константиновича Щеглова (к сожалению, недавно умершего). Далее. Нельзя издавать и комментировать текст, механически воспроизводя его особенности и отказываясь от понимания, от толкования. Отсюда – попытка новой интерпретации. Работали мы с Давидом «над каждой строчкой, периодом совместно». Однако только в финале сообразили, что реализуем модель изучаемых авторов. Стало смешно. Тем более что фамилии наши звучат в духе дилогии Ильфа–Петрова. Кстати, авторство давних структуралистских работ о романах Ильфа–Петрова тоже двойное: Жолковский и Щеглов. Модель, похоже, функционирует вне сознания тех, кто ее воспроизводит.

– Евгений Петров писал: «Не было ни одной фразы, которая бы так или иначе не обсуждалась и не изменялась, не было ни одной мысли или идеи, которая тотчас же не подхватывалась. Но первую фразу романа произнес Ильф». Понятно:

уездный город N за Ильфом. Интересно, а откуда взялся «великий комбинатор», он же славный «пешеход», в уездный город однажды вошедший?

– Ответ на ваш вопрос должен быть комплексным. Во-первых, «пешеход», входящий в «уездный город N», «взялся» из авантюрного романа: генеалогия этого топоса основательно рассмотрена в комментариях Щеглова, которые особенно «чутки» и продуктивны именно в анализе топики – вечных тем, мотивов, образов, парадоксально создающих каркас, казалось бы, ультразлободневных романов Ильфа–Петрова. Во-вторых, в науке активно обсуждается прототип знаменитого «пешехода» Остапа Бендера. Мы с соавтором полагаем, что недостаточно оценена (наряду с прочими) кандидатура брата Петрова и друга Ильфа – писателя Валентина Катаева. Впрочем, это особая тема. В-третьих, занимательно происхождение самого эпохального титула – «великий комбинатор». Лапидарность формулы провоцирует на поиск источника. Мне кажется, я обнаружил его в прозе Шолом-Алейхема. Однако гипотеза нуждается в подтверждении, в сверке соответствующих эпизодов с оригиналом и с прижизненными переводами на русский язык.

– Не потому ли роман Ильфа и Петрова был так холодно встречен критиками, что они понимали: «требовательной любви к советской стране» для того времени оказалось не так уж и много, потому и боялись?

– Роман «Двенадцать стульев» действительно был холодно встречен критиками. То есть журналистской реакции не последовало. Однако здесь необходимы уточнения. О романе позитивно отозвался Осип Мандельштам, его цитировал Бухарин в речи, опубликованной в «Правде», а «Литературная газета» представила рубрику «Книга, о которой не пишут». Так что исторический сюжет здесь более сложный. Восприятие романа необходимо соотносить не только с общей схемой: чем ближе к концу 1920-х, тем ближе диктатура Сталина и тем больше стеснение свободы печати. Необходимо в то же время учитывать и флуктуации партийной борьбы, определившие историко-литературный контекст второй половины 1920-х. Действительно, роман «Двенадцать стульев» создавался в пору борьбы партийного руководства (Сталин, Бухарин) с троцкизмом и «левой» оппозицией, что создавало уникальную возможность критиковать – под видом «левых» ошибок – некоторые базовые установки советской власти. Напротив того, публиковался роман (и, соответственно, появлялись критические отклики), когда началась борьба с Бухариным и «правыми». Отсюда всякого рода непростые комбинации, о которых Давиду Фельдману и мне уже приходилось подробно писать.

– Вы с вашим соавтором Давидом Фельдманом исследовали еврейскую составляющую романов. Не показалось ли вам, что отношение к еврейству двух загадочных душ – еврейской и славянской – было таким же, как, скажем, к русскому дворянству, православию, фетишам новой власти, интеллигентским ужимкам, словом, – как к материалу для работы?

– Откровенно говоря, не могу согласиться с тем, что мы с соавтором специально «исследовали еврейскую составляющую романов». Причем именно по тем причинам, о которых вы говорите: мы, солидарно с вами, полагаем, что для Ильфа–Петрова еврейская тема была «материалом для работы». Мы отнюдь не подозреваем, что Ильф «отвечал» за «еврейскую загадочную душу», а Петров – за «славянскую». Дело в другом. В советской литературе Ильф и Петров представляли так называемую «южнорусскую школу». Специфика этой школы, ее связь с «еврейской загадочной душой» отмечалась современниками, и далеко не всегда благожелательно. Термин «южнорусская школа» преимущественно подразумевал выходцев из Одессы, а Одесса –

удивительный культурный центр, который символизировал российскую версию мировой культуры Леванта и синтезировал многие начала, в том числе и еврейское. В последнее время в этом направлении ведутся исследования, открываются новые факты. Соответственно, изучение творчества Ильфа и Петрова – советских сатириков и журналистов – плодотворно вести и с этой непривычно «глубинной» точки зрения.

«ПЕРЕХОДЯ УЛИЦУ, ОГЛЯНИСЬ ПО СТОРОНАМ»

*Àààä Öäëüü äí, äíëòíð èíòíðè:äíëëð íàé, íðíðáííð èàòáäðü
ëèòáäòòðííé èðèòèéè òàééüüòàà æòðí äééíòèéè ДААÓ*

– В текстологии существует такое понятие как «авторская редакция». Это научное профессиональное понятие может быть отнесено к последним публикациям романов Ильфа и Петрова?

– Такого «научного», или «профессионального» понятия, как «авторская редакция», нет в текстологии. Это из области редакционного жаргона. Там оно подразумевает конфликт. Допустим, у редакции есть потребность опубликовать некий материал, однако нет желания принимать ответственность, например, за стиль. Вот и появляется примечание: «Публикуется в авторской редакции». Другой вариант использования этого жаргонного оборота – когда подразумевается, что прежде некое произведение было опубликовано с изменениями, не соответствующими воле автора. Если же речь идет о романной диалогии, то сначала нужно доказать, что какие-либо изменения воле авторов не соответствовали. Авторы о том ничего не сообщили. Значит, без доказательств нельзя утверждать, что какие-нибудь прежние публикации не соответствуют воле авторов. Или, пользуясь редакционным жаргоном, что это не пресловутые «авторские редакции». Текстология с анализа начинается, а результаты – обосновываются. Теперь – про публикации. Есть несколько рукописей «Двенадцати стульев». Беловой автограф есть – рукопись Петрова. У Петрова почерк был получше, вот и готовил он рукопись для машинистки. Вряд ли это первый беловой вариант. Заметны следы правки. Есть машинопись с правкой. Публикации есть прижизненные. Они тоже не тождественны автографу или машинописному экземпляру. Публикации друг от друга отличаются. Почему – в каждом отдельном случае выяснять нужно, выводы аргументировать. Мы выявляли все разночтения, устанавливали причины, проверяли свои текстологические гипотезы. По сути мы реконструировали текст. В текстологическом комментарии к «Двенадцати стульям» каждый раз указывали, почему и какие изменения уместно считать внесенными авторами (таких крайне мало) или почему изменения внесены цензорами и редакторами. Кстати, все изменения выделены шрифтом.

Подготовили мы и реальный комментарий. Он дополнен вступительной статьей. Вот какие были у нас эдидиционные принципы. При публикации «Золотого теленка» решались аналогичные задачи. Но выпустили мы этот роман только со вступительной статьей, где рассмотрены некоторые вопросы текстологического и реального комментария. В целом же комментарий не завершен. Работаем. А другие публикации – пусть о них сами публикаторы скажут. Интервью – не повод для полемики. Для этого статьи, монографии.

– Как оформлялись романы в первоначальных редакциях? Что это за история с обнаруженным вами ильфо-петровским «лево-правым», или «потусторонним», эпиграфом?

– Формально – отсчет от белого автографа. Но это формально. В журнальной публикации роман очень сильно сокращен. В первом книжном издании сокращения отчасти восстановлены. Почему сокращали, почему восстановили – сказано в комментарии. Причины были политические и не политические. «Золотого теленка» редакторы и цензоры сокращали и правили не так сильно. Однако и тут причины были политические и неполитические. В частности, когда был осужден и расстрелян Крыленко, обвинитель на знаменитых политических процессах, упоминание о нем исчезло из предисловия к роману. Речь там идет о некоем «прокуроре республики», а вот что за прокурор – не сообщается. Так с тех пор и печаталось более шестидесяти лет. Даже когда Крыленко после XX съезда КПСС был официально признан невиновным. «Реабилитированным посмертно». Печаталось, потому что – «последняя авторская воля». Есть и другие изменения, порою анекдотические. О них расскажем в комментарии. К тому же мы и монографию готовим соответствующую. Будет место и время. Что до эпиграфа в «Золотом теленке», то он известен: «Переходя улицу, оглянись по сторонам (Правило уличного движения)». И тут возникает сразу два вопроса. Первый: где должен находиться эпиграф? Если обратиться к последнему пятитомному собранию сочинений, выпущенному в 1961 году, эпиграф там предпослан первой части романа. А другие части – без эпиграфа, что довольно странно. Если же обратиться к белой рукописи, эпиграф там вынесен на титульный лист. Понятно, что относится ко всему роману. Это, по крайней мере, логично. Но дальше все опять странно. В первой публикации, журнальной, эпиграфа вообще нет. И во второй, книжной, тоже нет. Появляется он лишь в третьем издании. Там он – ко всему роману. Зато в следующем издании эпиграф «съехал» к первой части. Вот вам и шутка по поводу «последней авторской воли». Получается, что Ильфу и Петрову было безразлично, войдет ли «правило уличного движения» в роман и где ему там находиться. Но такое маловероятно. Дважды – в рукописи и во втором книжном издании – авторы выразили свое отношение к эпиграфу и его месту в романе. Но это лишь первый вопрос. Второй: почему романное «правило уличного движения» отличается от нынешнего? Которое предписывает посмотреть сначала налево, потом направо. Дальше – обычная комментаторская работа. Установить, было ли такое «правило уличного движения». Нашли документы, установили: соответствующее правило всегда формулировалось так же, как и сегодня. Тогда нужно выяснить, почему Ильф и Петров решили изменить формулировку. Выяснили. Шутили авторы. Когда писали «Двенадцать стульев», шла борьба с Троцким. С так называемой «левой оппозицией». А едва роман поступил в редакцию – Сталин начал борьбу с Бухариным, которого объявил лидером «правой оппозиции». Почти три года активизировал Сталин то полемику с «левыми», то с «правыми». И выпуск «Золотого теленка» приходилось откладывать. Вот авторы и пошутили – в эпиграфе. Для своих была шутка. Для литераторов, знавших контекст. В первой публикации убрали ее понятливые редакторы – от греха подальше. И во второй тоже. Но авторы при следующей публикации своего добились. Теперь эпиграф непросто было убрать. Вот он и «съехал» к первой части. Где повествование начинается известной фразой: «Пешеходов надо любить». Эпиграф стал менее заметен. Это – если вкратце.

История долгая. Статья же – «Похождения эпитафия» – была опубликована в журнале «Солнечное сплетение». Подробнее расскажем в комментарии. Ну и в монографии, разумеется.

– **С чего начался ваш исследовательский проект? Я слышал, что он зародился в недрах издательства «Текст» и идея его принадлежала Виталию Бабенко, так ли это?**

– Про Бабенко – абсолютно верно. Это его идея, Виталия. Он тогда работал в издательстве «Текст». В сущности, издательство и было создано по инициативе Бабенко. Он – известный писатель-фантаст. Впрочем, не только фантаст и не только писатель. На его идеях начинало развиваться издательство «Текст». Он многое придумал. И придумывает. А в 1994 году предложил нам – Михаилу Одесскому и мне – выяснить, насколько перспективна будет подготовка нового издания романной дилогии. Выяснить, каков характер правки. В общем, предложил решить множество текстологических задач. Мы давно занимались подобными задачами. Был подписан издательский договор, выплачен аванс. В 1996 году мы представили в издательство реконструкцию текста. Параллельно шла работа с комментарием. Но тут ситуация изменилась. Директор издательства, Ольгерт Либкин, потребовал, чтобы работа была срочно закончена, комментарий сокращен. Потому что обширный комментарий читателю не нужен. Либкина понять можно, он полагал, что защищает издательские интересы. Однако у нас были свои. Научные. Бабенко нас поддержал. Он и в решении чисто филологических задач помогал нам постоянно. Мы вернули издательству аванс, расторгли договор и продолжили работу. От Либкина получили письмо, где сообщалось, что издательство обратится к другим исследователям. Спорить было опять не о чем. Мы делали свое дело. А Виталий обратился в издательство «Вагриус». Там – директору Глебу Успенскому – проект был интересен. Заключили договор, и в 1997 году книга вышла. В 2000 году был издан «Золотой теленок» – реконструированный текст романа, вариант первой части, вариант финальной главы. Эти книги переиздаются и сейчас.

– **Было время, когда ильфо-петровский диптих называли еврейским, сегодня же в это трудно поверить: еврей мог бы подать в суд на авторов за один только стеб над еврейскими фамилиями. Как к романам относятся евреи, соблюдающие и секулярные, не корезит ли их от Ильфа с Петровым?**

– Про суд – ничего определенного сказать не могу. Обратитесь к «потерпевшим». Да, смешно, когда русская фамилия неожиданно обретает еврейское звучание. Смешно, когда фамилия, отсылающая к еврейскому контексту, звучит вполне по-русски. А если серьезно, то и тема серьезная. Не раз и не два использовал Сталин антисемитскую карту в борьбе с конкурентами. Правда, Сталин и меру знал. После каждой антисемитской кампании, негласной разумеется, объявлялась, вполне официально, кампания «по борьбе с антисемитизмом». Что хотели сказать Ильф и Петров, над кем тогда смеялись – вопрос сложный. Мы ищем ответ.

Не знаю, какую позицию займет наш читатель после этой беседы, а я точно на стороне комментаторов. И дело тут не только в «загадочной еврейской душе», не мыслящей себя без комментариев. Тот, кто смеется, должен знать, над чем смеется, иначе «поиски Аверроэса» обернутся поисками самого Аверроэса. И тогда уже не важно будет, что за графиня «бежала пруду» и чьи апельсины надо «грузить бочках».

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

Вы читали? Валерий Дымшиц. [От дискурса к объекту](#) // 2009. № 9; Матвей Ганапольский. [Зло как товар](#) // 2009. № 10.

Реакция. В последних номерах «Лехаима» наметилась печальная тенденция: то В. Дымшиц обрушится на украинскую исследовательницу за попытку по-новому осветить отношение Украинской повстанческой армии к евреям, то М. Ганапольский походя пнет украинцев за «поиски человеческого лица у Шухевича и Бандеры». В Интернете идет травля бывшего политзэка А. Подрабинека, посмеявшего напомнить, что, кроме ветеранов НКВД и конвойных войск, есть те, кто «сражался против коммунистов в лесах Литвы и

Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии». В первых рядах возмущающихся евреи: как может писать такое человек с отчеством «Пинхосович»!

А почему нет? Почему евреи должны усерднее прочих отстаивать советскую версию истории? Разве нельзя быть евреем и с уважением относиться к бойцам антикоммунистического Сопротивления? Почему при любом добром слове в адрес оуновцев или «лесных братьев» надо кричать о ревизионизме, о реабилитации нацизма и о «мы не допустим»? Бандера – это Бандера, а Гитлер – это Гитлер. И не надо пропагандистского смешения одного с другим – оставьте эту радость ОРТ и РТР. Кстати, евреи, сидевшие в советских лагерях, легко находили с украинскими и прибалтийскими националистами общий язык – бандеровцы были им куда ближе, чем вертухаи (достаточно прочитать хотя бы мемуары Авраама Шифрина).

Разумеется, для независимой Украины Р. Шухевич герой, как для независимой Литвы героем является генерал Й. Жемайтис. Страна, обретшая государственность, начинает выстраивать собственную историческую идентичность, в герои автоматически записываются все борцы за независимость. И никаких симпатий к нацизму за этим не стоит, закономерная объективная тенденция. В Израиле, между прочим, именем Авраама Штерна тоже называют улицы и целые поселения – а ведь он был вполне себе террористом, да и нацистов, увы, предпочитал англичанам. А уж жителям всевозможных проспектов Андропова и улиц Дзержинского лучше и вовсе заткнуться со своим праведным возмущением.

Причина столь нервной реакции на героизацию бандеровцев и прибалтийских партизан, помимо разрухи в головах, видимо, еще и в некоей эмоциональной путанице: мол, герой – это что-то вроде святого, только лучше. На самом деле герои в массе – люди малоприятные и с «человеческим лицом» у них, как правило, неладды.

Когда речь идет о «национально-освободительных движениях», партизанах и повстанцах, грань между героизмом и бандитизмом тонка – порой до полной неразличимости. Венгры в 1956-м тоже вешали коммунистов на фонарях и убивали членов их семей, что не мешает им быть борцами за свободу, которыми сейчас восхищаются во всем мире, и даже Россия с этим особо не спорит. Да, убийцы, да, герои – никакого противоречия, даже навыков диалектического мышления особых не требуется. И ничего оскорбительного по отношению к ветеранам в такой констатации нет – куда оскорбительнее врать им и себе и продолжать играть в поддавки с советским прошлым.

Но это все присказка, в конце концов, украинские, литовские, польские, израильские граждане без наших подсказок разберутся, кому им ставить памятники и чьими именами называть улицы. Куда важнее другое. Российские школьники должны изучать героическую историю украинского и прибалтийского антисоветского подполья, а на Лубянке, на постаменте, оставшемся от Дзержинского, должен стоять памятник английскому шпиону Олегу Пеньковскому, казненному по приговору советского суда. Эти люди боролись с коммунистическим режимом, и освободившаяся от коммунизма Россия обязана видеть в них своих героев. Если, конечно, хочет перестать наконец быть шизофреническим образованием с советским гимном и царским гербом и обрести полноценную идентичность. Каковую можно построить лишь на тотальном отказе от идейного наследия империи зла.

А был ли Бандера антисемитом – вопрос, право слово, на этом фоне глубоко второстепенный.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

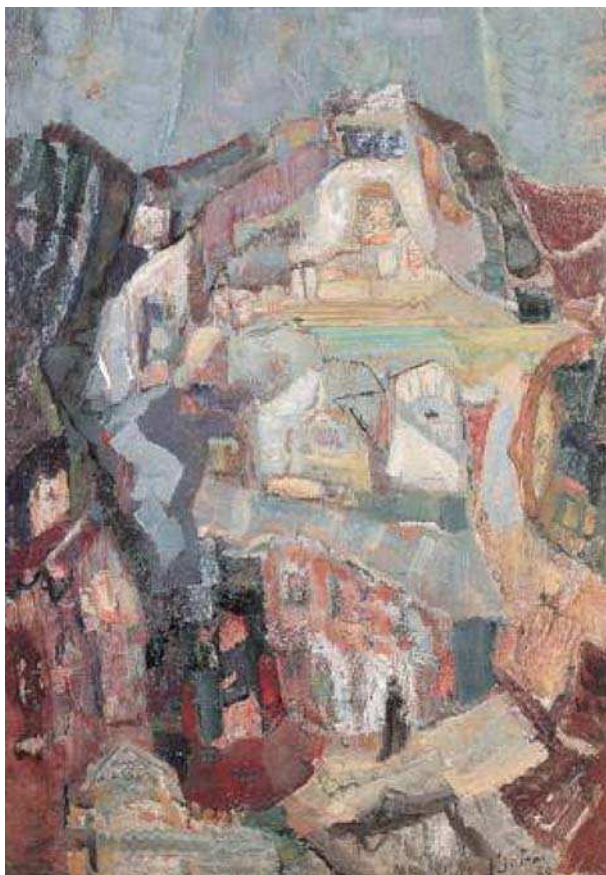
ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ, ИЛИ СИЛА УПОВАНИЯ

Яков Шехтер

Несколько веков тому назад жил на окраине Цфата еврей по имени Хаим. Всевышний не наделил его ни острым умом, ни талантом к какой-нибудь работе. Поэтому Хаим добывал пропитание тяжелым, грязным трудом. Рыл канавы, пропалывал чужие огороды, таскал камни, возил песок на своей старой лошадке, собирал хворост. Зарабатывал он, понятное дело, гроши. И потому жена пилила его нещадно, как и полагается женщине в таком положении.

А что прикажете делать, если муж является перед субботой грязный, как репей у обочины, топает, не говоря ни слова, в баню, а вернувшись, заваливается спать и

дрыхнет почти до конца субботы. Ни синагоги, ни кидуша, ни слов Торы за праздничным столом. Тут даже самое золотое сердце ожесточится, а сердце Голды ее муж Хаим не мог назвать ни золотым, ни серебряным, ни даже деревянным.

Хотя кто может постичь сокровенные глубины женской души?.. Возможно, там, в укромных расщелинах и тайных складках, гнездились нечто такое... Впрочем, не будем фантазировать. Остановимся на мысли, что, возможно, внутри и гнездились, но снаружи до поры до времени не давало о себе знать.

Одно лишь утешало Голду: поскольку жили они на самой окраине города, соседки не совали свои длинные носы за порог ее домика и не бросали любопытные взоры через покосившийся забор.

Место для домика выбрал Хаим, ведь в поисках заработка он каждый день отправлялся на дальние террасы, вьющиеся вдоль склонов гор, окружающих Цфат. Места на ближних террасах захватили более настырные поденщики, и Хаиму всегда доставалась самая грязная и тяжелая работа. Рано поутру он выходил за ворота, когда, помолившись, а иногда даже позабыв наложить тфилин, до самой темноты горбатился на одной из этих террас. Домой он возвращался, еле волоча ноги от усталости и, поужинав, сразу засыпал.

А как же золотое правило талмудистов «есть только один день, один еврей и одна страница»? В том смысле, что пусть весь мир катится в тартарары, но страницу Талмуда в день еврей обязан прочитать.

О-хо-хо, если что и катилось у Хаима в тартарары, то это – да простят нас высшие силы – именно страница Талмуда. Не раз и не два заводила Голда разговор о том,

что не мешало бы муженьку иной раз заглядывать на урок в синагогу, набираться от раввина умных слов, а потом пересказывать за субботним столом.

– И Б-гу приятно, и детям интересно, – доказывала она, толкая ленивого мужа на духовные свершения, но Хаим лишь зевал, отмахивался, а иногда просто засыпал под нескончаемый рокот Голдиных речей.

Так и проходила жизнь, день за днем, день за днем. Подрастали дети, прибавлялись морщинки на лице Голды, заскорузлее и толще становились пальцы Хаима, измученные тяжелой работой. Вставало и заходило солнце, горы меняли расцветку: багряно-желтые осенью, салатовые зимой, зеленые перед весенним праздником Песах и коричневые, выжженные солнцем – в жарком тамузе и знойном аве.

Однажды, вернувшись из бани перед самым началом субботы и выслушав очередную порцию Голдиных нотаций, Хаим вдруг заявил:

– А знаешь что, женушка, схожу-ка я завтра утром в синагогу, помолюсь, как положено еврею, выслушаю проповедь раввина. Может, ты станешь чуть поласковой, а?

Голда не поверила собственным ушам. Неужели чудо, о котором она столько лет мечтала, произошло? Вот так, просто и явственно, без всяких «что» и «почему».

– Сходи, сходи, миленький, – ответила она, но уже совсем другим тоном.

Хаим довольно хмыкнул, поел наотмашь, как работал, и опрокинулся спать. Слушая его залиvistый храп, Голда решила, что завтра утром он, по своему обыкновению, забудет проснуться и все покатится по проторенной годами дорожке. А слова Хаима... сколько они стоят, эти слова? Кто их взвешивал, кто может оценить неуловимую, бестелесную суть звуков?.. Сказал и сказал.

Она повернулась на другой бок и забылась тяжелым сном домохозяйки. Ей снились люди в странных одеждах, они тащили какие-то сундуки, прятали их в пещере, закапывали, уничтожая все следы, а потом безжалостно и непристойно убивали друг друга.

К Голдиному удивлению, Хаим проснулся с восходом солнца. Сам, без напоминания. Долго сидел на постели, почесывая волосатую грудь, потом тяжело прошел к окну, где стояло прикрытое крышкой ведро с водой. Зачерпнул ковшиком и звучно глотая, осушил его до дна.

– Руки бы сначала омыл, праведник, – не выдержала Голда.

Хаим промолчал, послушно вернулся к постели, вытащил из-под кровати приготовленные с вечера кружку и тазик и омыл руки. Кружкой и тазиком уже много лет пользовалась только Голда. Хаим не то чтобы противился исполнению правил еврейской веры, а старался не замечать их, делая вид, будто в его мире их просто не существует.

«Уж не заболел ли муженек»? – озабоченно подумала Голда. Но Хаим не был похож на больного. Напившись, он оделся, закутался в талит и пошел в синагогу.

Голда ждала мужа, как цветы ожидают утреннюю росу, как подсолнух жаждет солнечных лучей, как жаворонок тянется к утренней заре. Прошлое вдруг перестало ей

казаться столь горьким, а будущее удручающим. Жизнь, новая жизнь начиналась прямо сейчас, в эти чарующие минуты субботнего утра. Счастье переполняло сердце и устремлялось наружу, свободно и широко уплывая в перистую синеву галилейского неба.

Хаим вернулся серьезный и решительный. Таким Голда его никогда не видела.

– Ну, – осторожно спросила она, – как прошла молитва? О чем говорил раввин?

– Про очень, очень важные вещи, – солидно произнес Хаим, ставя на стол два кулака, похожих на две вырезанные из дерева кружки. – Раввин рассказывал про манну небесную.

– И что же он рассказывал?

– А вот что. Оказывается, манна всем доставалась по-разному. Люди обыкновенные выходили в поле и собирали ее там. А для праведников манна выпадала прямо у порога дома.

Хаим замолчал и посмотрел на склон горы, хорошо видный из окошка. Каменные террасы, усаженные виноградом, лесенкой карабкались вверх. Сколько тяжелых, пропитанных соленым потом часов провел он на этих террасах. Жаркие солнечные лучи иссушили его кожу, а горные ветры выдубили ее.

– Вот и сегодня, – Хаим чуть стукнул кулаками по столу, – Все-вышний по-разному посылает пропитание людям. Простым евреям, вроде меня, приходится искать его в полях или на склонах гор, а праведникам его приносят прямо домой, на серебряном блюде. По-этому я решил, – Хаим поперхнулся и замолк.

– Что решил, что? – спросила Голда, подозревая неладное.

Хаим прокашлялся, еще раз посмотрел в окно, потом перевел взгляд на жену и веско произнес:

– Я решил, что с сегодняшнего дня буду праведником.

– Ну и будь себе на здоровье, – одобрила решение мужа Голда. – Кто же тебе мешает?

– Никто не мешает, – согласился Хаим. – Поэтому вот прямо с этой минуты я праведник.

– Хорошо, как скажешь.

Они просидели молча минут десять. Новоиспеченный праведник не представлял, как себя вести дальше.

– Слушай, – наконец спросил он жену. – А что делают праведники по субботам?

– Кидуш, – ответила Голда. – И как можно быстрее. У всех уже животы подвело.

Хаим сделал кидуш, воздал должное всем блюдам, с грехом пополам пересказал детям несколько фраз, услышанных во время субботней проповеди, и отправился спать. Спал он сном праведника. До самого утра.

Утром проснувшись, Голда обнаружила мужа в постели.

– Эй, Хаим, – с тревогой спросила она. – Суббота кончилась. Ты разве не собираешься на работу?

– Я праведник, – сонно ответил Хаим. – И пропитание мне доставят прямо ко входной двери.

– Ты не праведник, а идиот! – в сердцах выкрикнула Голда. – Деньги зарабатывать нужно, с неба они не упадут, как манна.

– А раввин вчера сказал, – уверенным тоном произнес Хаим, – что все зависит от упования на Всевышнего. Если человек верит в него полной верой, только без дураков, по-настоящему верит, добрый Б-г пошлет ему все необходимое.

– Б-же мой, – запричитала Голда. – Б-же, Б-же мой, зачем я послала моего дурака в синагогу. Зачем, зачем?

Но было уже поздно. Бить мужа Голда не решалась, хотя сделала бы это с удовольствием. Но куда ей, маленькой женщине с тонкими кулачками, тягаться с таким громилой?

А Хаим закусил удила. Развернувшись всеми килограммами своего тела на новую дорогу, он шел по ней напролом, не сворачивая и не размышляя. Просто и прямо, к самой цели.

– Хватит, – ворчал он, поднимаясь с постели. – Сколько лет я вкалывал с утра до вечера из-за корки хлеба и глотка вина? А ведь счастье было так близко, так доступно, лишь руку протяни. Уповай на Всевышнего – и делу конец.

– Не конец, а начало, – взвизгнула Голда. – Сейчас же отправляйся на работу!

– Работа, – веско произнес Хаим, омывая руки, – это служение Всевышнему. Именно этим я и намерен заниматься с утра до вечера. А на террасы пусть ослы карабкаются.

Он закутался в талит, наложил не спеша тфилин, со вкусом про-износя благословения, вышел из домика и, устроившись под навесом, начал неторопливо читать псалмы. Время от времени Хаим отрывал глаза от молитвенника и смотрел на светлеющие под лучами восходящего солнца горы, на уползающие в ущелья лиловые утренние тени. Резвый ветерок студил голову, принося из глубины галилейских лесов то терпкий запах хвои, то сладкий дым костров углежогов. Из лощин тянуло тонким ароматом шиповника, пряно пахло водой от ручья, остро пованивало конским потом из сарая. Счастье, необъятное, как гора Мерон, и невозможное, точно добрая жена, наполняло грудь Хаима томлением и радостной грустью. Он снова опускал глаза к молитвеннику, и неожиданные слезы вдруг выкатывались из глаз, туманя зрение и мешая читать.

«Мозгами тронулся, – думала о муже Голда, сооружая завтрак из остатков субботних трапез. – Ну да ничего, я преподам ему урок. Не хочет работать – и не надо. Съедем все, что есть в доме, потом продадим лошадь и телегу. Когда у праведника в животе заурчит, он быстро одумается».

Молился Хаим необычайно долго, два с половиной часа. Затем, не спеша, откушал поданный Голдой завтрак.

– Ешь, ешь, муженек, – приговаривала Голда, накладывая Хаиму добавку. И Хаим ел, дивясь происшедшей с женой перемене.

После плотного завтрака он снова уселся под навесом, взял в руки Пятикнижие и честно принялся за чтение. Но скоро, очень скоро страницы начали свободно перелистываться от порывов ветерка, напоминая Голде трепыхание крыльев голубя, пойманного кошкой. Голова праведника свесилась на грудь, и он крепко заснул, но уже не до вечера, а до обеда.

Поданный обед получился не очень плотным, но вполне сытным. Голда старалась вовсю, стремясь как можно быстрее покончить со всей провизией в доме. Только для детей она запрятала за печкой остатки субботних хал и полный горшок блинов на меду.

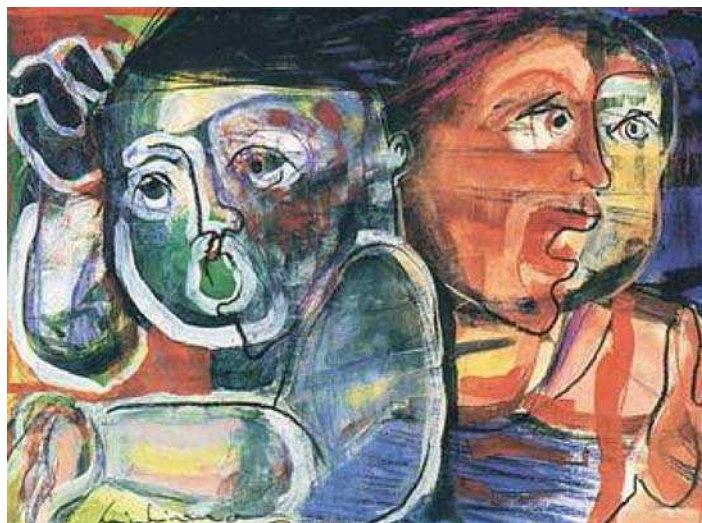
От ужина Хаим великодушно отказался.

– Я слышал про обычай праведников, – важно объяснил он Голде, – не есть после захода солнца.

Где он услышал такой обычай, Голда понятия не имела. Но от предложенного чая Хаим не отказался, а вместе с ним незаметно уписал и пару кусков хлеба. Раскрытый Хумаш лежал на столе, и Хаим, обжигаясь горячим чаем, усердно таращил глаза, пытаясь разобрать комментарий Раши.

Смешно? Конечно, смешно. Трудно сдерживать улыбку, когда черепаха, размахивая лапами, пытается взлететь. Вообще, любая попытка духа оторваться от привычной приземленности кажется смешной и неуклюжей.

Утром Хаим снова молился два с половиной часа. Перистые облака сменили кучевые, плотно улегшиеся на вершину Мерона. В ущельях плавали длинные полосы белесого тумана. Ветер приносил с гор томительную свежесть – свежесть галилейского утра. Вместо плотного завтрака Голда подала лишь пару картофелин и высушенный кусок овечьего сыра.

– Ты где его взяла? – удивился Хаим.

– Завалился за стол. Пока еды хватало, я думала лошади скормить, – с притворной рачительностью ответила Голда. – А теперь вот самим понадобилось. Ешь, Хаим, ешь: завтра и этого не будет.

– Завтра, – безмятежно ответил Хаим, с трудом разламывая сыр на куски, – завтра к нашему порогу Всевышний доставит целую телегу еды.

На его лице была написана столь непоколебимая уверенность, что Голда не на шутку забеспокоилась.

«А если он и вправду рехнулся? – думала она, собирая со стола крошки сыра. Крошки больше походили на щепки, но если держать их под языком, они размокали, наполняя рот дивным ароматом овечьего молока.

«Нет, в самом деле, как может человек после одной проповеди превратиться в полоумного? Ладно, если бы у него уже случались поползновения к такой истовой вере. Но я-то, я-то знаю, кто на самом деле мой муженек!»

День тянулся медленно, точно облака над лесом. Хаим откровенно скучал. Жизнь праведника, конечно, была куда приятнее жизни поденщика на террасах, но он уже привык к своей лямке и тянул ее, пусть с трудом и жалобами, но тянул, тянул, тянул... Теперь он просто не знал, куда убить время, день никак не кончался, а от безделья ужасно хотелось есть.

Хаим пытался отвлечь себя учением. Однако быстро выяснилось, что он не в состоянии следить за полетом мысли комментаторов. Иногда ему приходилось по многу раз перечитывать предложение, а потом со вздохом разочарования перелистывать страницу.

Мысли тяжело кружились в голове, каждая из них весила сотни килограммов. От учения Хаим, как ни странно, уставал больше, чем от таскания бревен.

«Я просто не привык учиться», – думал он, осушая кружку воды за кружкой. Водой он пытался заглушить голод, ведь едой, полученной им на обед в среду, не смог бы насытиться даже маленький ребенок.

Вечером он получил только несладкий чай.

– А сахар, Голда? Нежели у нас так быстро кончился сахар?

– Сахар для детей, – отрезала Голда. – Дети любят сладкое. Оно отбивает аппетит.

– Но у меня тоже есть аппетит, – искренне удивился Хаим. – Почему ты думаешь только о детях и совсем не заботишься о муже?

– Пусть Всевышний о тебе позаботится, – резко ответила Голда. – Тот, на Которого ты так уповаешь.

Хаим насупился и отправился спать голодным. Спал он плохо. Во-первых потому, что полдня продремал над книгой, а во-вторых, от-того, что в животе от голода крутило и булькало. Утром он проснулся от крика Голды.

– Горе, горе! – кричала Голда стоя у распахнутой двери сарая. – Б-же, куда Ты смотришь! Что мы не так сделали, Г-споди, чем прогневали Тебя?!

– В чем дело, Голделе, – спросил Хаим, протирая глаза. – Отчего такой крик с самого утра?

– В чем дело? – жена перевела на него пылающий взгляд, и Хаим понял: сейчас будет плохо.

– Мерзкий лежебока, бездельник, если бы ты пошел на работу, разве воры украли бы у нас лошадь? Лентяй, лодырь, обжора, пьяница!

Пьяницей Голда обозвала мужа совершенно напрасно. Кроме вина из кидушного бокала Хаим сроду не пробовал ничего хмельного. Но если женщина раскрывает рот для проклятий, никто, в том числе и она сама, не знает, что из него может выскочить.

Впрочем, в ту минуту Хаима меньше всего занимали проклятия Голды. Страшный смысл ее слов безраздельно заполнил его сознание. Подбежав к двери сарая, он тупо уставился на пустое стойло.

– И телегу, телегу тоже забрали, – продолжала причитать Голда. – Разбойники, бандюги, кровопийцы! Изверги, живодеры, мучители. А ты, – на одном дыхании Голда перешла на мужа, – разве ты лучше? Сколько нервов ты у меня вымотал за эту неделю, сколько литров крови иссушил своей праведностью. «К порогу дома, к порогу дома», – искривив рот, передразнила она мужа. – Вот ложись теперь к порогу и грызи его вместо завтрака, обеда и ужина. Бедные, бедные мои детки, – Голда залилась слезами. Не притворными, а настоящими, крупными, как утренняя роса на виноградных листьях. – Я

думала, продам лошадь, куплю еды на пару месяцев. Муки, картошки, сахару. И пусть этот бездельник продолжает валяться, пока синяки на боках не проступят.

– Голда, – робко произнес Хаим, – успокойся, прошу тебя, Голда. Разве я виноват, в том, что нас обокрали?

– Виноват! – запальчиво вскричала Голда. – Ты во всем виноват.

И она была права. Вчера вечером Хаим с пятого на десятое разобрал комментарий, говорящий то же самое. Если в доме нет денег, муж должен проверить свои поступки. Свое служение Б-гу и свое отношение к людям.

– Зачем плакать о пролитом молоке? – спросил Хаим и пошел умываться. Ведь праведник в любом положении сохраняет спокойствие духа. Все от Всевышнего, Он любит Своих детей, а это значит – все к лучшему.

Окончание следует

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

СЛЕПОЙ ПРОПОВЕДНИК

Хаим Граде

1.

Сендерл, племянник слепого проповедника реб Мануша Маца, еще в детстве остался круглым сиротой.

Младший брат проповедника тоже хотел стать священнослужителем и, женившись, изучал законы ритуального забоя скота. Но когда он впервые пришел на бойню, он почувствовал такое омерзение к запаху крови, что чуть не упал в обморок. Вид ободранных туш, висящих на крюках, привел его в ужас, и он предпочел стоять на Синагогальном дворе, продавая сидуры, Пятикнижия, женские молитвенники и талесы. Лицо его пожелтело, стало похожим на связки кистей видения и поминальные свечи, которые он продавал. Однажды он подхватил воспаление легких и вскоре умер. Если бы его вдова не встала на то же самое место за книжным прилавком, Синагогальный двор даже не заметил бы, что книготорговца больше нет, – так тихо он ушел и лежал теперь под холмиком земли на участке кладбища, отведенном для бедняков.

В платке, завязанном под подбородком, и без кровинки в лице вдова стояла на месте покойного и смотрела на святой товар мертвыми глазами. Если какой-нибудь еврей останавливался возле нее и спрашивал любопытства ради, сколько стоит та или иная книга, женщина отвечала: «Не знаю. Эти книги остались мне от моего мужа». Она едва дышала и выглядела удивленной тем, что она вообще родилась на свет, вышла замуж и родила ребенка. Она была измучена жизнью еще до того, как эта жизнь по-настоящему началась. Так продолжалось, пока она не сказала однажды вечером соседкам по Синагогальному двору: «Позаботьтесь о моем сиротке, сегодня ночью я умру». Так и случилось. Женщины на Синагогальном дворе потом говорили всякое. Некоторые

считали, что вдова сама отняла у себя жизнь, но другие полагали, что она просто предвидела судьбу, чувствуя, что силы ее покидают. У сироты остался только один родственник, его дядя реб Мануш Мац.

Жена проповедника умерла еще в молодости, когда он начал терять зрение. Реб Мануш мог легко жениться еще раз на набожной еврейке, которая содержала бы его, ведь его проповеди со сладким напевом покоряли сердца женщин не менее, чем сердца мужчин. Но он не женился во второй раз, потому что тем временем ослеп и не хотел брать на свою совесть то, что жене придется с ним мучиться всю жизнь. Слепец предпочел жить не за счет жены, а собирая подаяние и получая гроши за свои проповеди в синагоге Могильщиков. Лишь одно отравляло ему жизнь. Когда он должен был идти читать поминальные молитвы по какому-нибудь усопшему в далекую молельню или на кладбище, ему приходилось полагаться не на свои слепые глаза, а на добрых людей, которые отвели бы его туда, где его ждут.

Поскольку у реб Мануша не было хозяйки, он не мог взять к себе оставшегося после брата сироту. Поэтому он отдал его на воспитание Рохл-чтице. Дядя не хотел отдавать сироту в городской сиротский приют: а вдруг Сендерл попадет там, не дай Б-г, к нерелигиозным учителям и будет есть, не сказав благословения, с непокрытой головой. Кроме того, реб Мануш считал, что в сиротский приют, расположенный на краю города, он не дойдет, чтобы проведать племянника, а к Рохл-чтице на Синагогальный двор он может в любое время прийти и узнать, как у Сендерла дела.

Сендерлу было тогда семь лет. Днем он ходил в хедер, вечером сидел дома. Часто заходил слепой дядя проверить, как он учится, и рассказать истории про прежних добрых и набожных людей. Когда мальчишка немного подрос, глухая Рохл иной раз пыталась выгнать его на какое-то время на улицу, как гонят молодого петушка из курятника, чтобы Сендерл погулял или поиграл с другими детьми. Но он не хотел идти на улицу и терялся среди мальчишек, стесняясь, что у него нет ни отца ни матери, что он живет у глухой старой еврейки, а дядя его слепой. От покойных родителей Сендерл унаследовал бледное лицо и рос худеньким, узкоплечим – одним словом, слабаком. А поскольку он постоянно общался с глухой, он научился выражать свои мысли руками, ужимками и старческой улыбкой. Рохл тоже всегда ему улыбалась своими добрыми светлыми глазами. Она любила его, как собственное дитя, и расстраивалась, что он такой стыдливый тихоня с красноватыми, как у кролика, белками. Неужели у него больные глаза, как у его дяди, ослепшего проповедника?

Прожив у глухой старухи три года, Сендерл ушел жить к дяде. Каждый раз, когда глухая Рохл встречала своего воспитанника, она совала ему в руку мелкие монеты, чтобы он мог купить какое-нибудь лакомство, и на ее добрые светлые глаза наворачивались слезы.

– У дяди тебе веселее, чем было у меня. Неудивительно: все же родной человек, а не чужая еврейка. Правда, сынок?

Но сирота молчал, опустив глаза. У дяди ему было еще печальнее.

Он учился уже в начальной ешиве^[1], и каждый вечер реб Мануш повторял с ним урок. Сендерка читал из Талмуда трудные фрагменты по-арамейски, а слепой дядя по памяти растолковывал ему, что там написано. На следующий день Сендерка знал урок лучше любого другого ученика в классе. Но ему было странно и грустно постоянно разговаривать с человеком, который не видит его. Поскольку они жили вместе, он должен

был сопровождать дядю всякий раз, когда тому предстояла поминальная проповедь по усопшему. В такие дни Сендерка не ходил в ешиву, и реб Мануш утешал его, говоря, что вечером он выучит с ним вдвое больше Талмуда, чем ребу учит с мальчишками из начальной ешивы. Но Сендерлу хотелось сидеть на уроке с друзьями. К тому же ему не нравилось водить слепого дядю на похороны, потому что, как только реб Мануш начинал произносить свою поминальную проповедь с плачущим напевом, Сендерл тоже начинал плакать, ведь у него не было ни отца, ни матери.

В голых каменных переулках, где не растут деревья и осенью нет листопада, поздняя осень сообщала о своем приходе тоскливыми дождями и желтоватыми туманами. Проповедник реб Мануш Мац ощущал осень как холодную сеть, проникшую в него и ломавшую его кости. Боль крутила его колени как шурупы. Переходя дорогу, он нащупывал путь своей палкой – и попадал в грязные лужи, отчего его ботинки пропитывались водой. Вечером племянник помогал ему снять промокшую, отяжелевшую обувь и отсыревшие портянки. Реб Мануш в это время мучительно стонал. «Люди говорят, что когда падает ребенок, ангел подставляет свое крыло, чтобы ребенок не разбился. Но когда падает старик, никто не протягивает ему руки». Племянник не мог больше позволить дяде переходить дорогу одному, нащупывая себе путь палкой. Он стал водить его каждое утро на молитву в синагогу Могильщиков, а по пятницам – в Немой миньян, где реб Мануш сидел целый день и учил по памяти Тору. Идти после этого на урок в ешиву, что во дворе Рамайлы, было уже поздно. И Сендерка крутился по Немому миньяну, выходил во двор Песелеса, ходил на Синагогальный двор, а вечером возвращался, чтобы отвести дядю в синагогу Могильщиков, где тот изучал Талмуд с обывателями. Кто-нибудь из евреев читал текст, а реб Мануш разъяснял слушателям, о чем говорится в этом разделе. Но на племянника проповедника никто не смотрел, ни в молельнях, ни во дворе Песелеса.

2.

Только школьный активист Генех Бегнис смотрел на паренька, который ходил склонив голову и сутулясь, словно он родился на свет с единственной целью служить опорой и поводырем слепому дяде. Товарищ Генех говорил об этом со своей дочерью, учительницей Пейей:

– Слепой проповедник использует своего племянника вместо палки и воспитывает его попрошайкой. Надо спасти мальчишку, чтобы он не вырос калекой.

У Сендерки были длинные пейсы, которые он закладывал за уши. Столяр Бегнис остановил его посреди двора и принялся намеренно высмеивать:

– Такой красивый молодой человек, как ты, не должен носить пейсы, как у старого синагогального просиживателя штанов. Их надо отрезать. В невымытых, нечесаных волосах заводятся вши. Зайди ко мне в дом, попьем чаю и поговорим.

Под упрямым, низким и жестким лбом Генеха Бегниса была пара открытых, ясных и теплых глаз, способных сразу же вызвать доверие у такого маленького, одинокого, набожного мальчишки.

– В Торе сказано, что пейсы нельзя стричь, – возразил Сендерл.

Бегнис рассмеялся:

– Мало ли что там написано, в Торе!

Вдруг он перестал смеяться, долгим и внимательным взглядом посмотрел мальчику в глаза и сказал:

– Послушай, друг мой, у тебя красивые, но больные глаза, веки у тебя красные и воспаленные. Ты был у врача?

Мальчик жалко опустил голову и так печально молчал, что Генех Бегнис почувствовал укол в глазных яблоках, словно и в его глазах выросли бельмы. Он взял Сендерку за руку:

– Пойдем ко мне, я покажу тебе интересные вещи.

А про себя товарищ Генех пробормотал: «Б-жьи воры, чтоб они были прокляты! Они обеспечивают ребенка малым талесом, сидуром и ермолкой, но их не беспокоит, чистая ли у него голова и здоровы ли его глаза».

Сендерка был разочарован «интересными вещами», которые обещал Бегнис. Он чувствовал, что его сильно одурачили. Это были альбомы с детскими рисунками: сельский домик с забором, колодец, целый лес деревьев, нарисованные собаки и кошки, человечки с большими, как у кукол, глазами.

– Это работы учеников и учениц моей дочери, – похвалялся столяр.

Сендерл морщил лоб, словно изучал Тору, но ему хотелось смеяться. Он знает наизусть целые листы трактата Талмуда «Бава кама»[\[2\]](#), а ему показывают нарисованные цацки? Стены квартиры тоже были увешаны картинками: дети водят хоровод, а учительница в середине хлопает в ладоши; человек с палкой в руке – видно, учитель – ведет компанию мальчишек по тропинке в поле, а вдалеке лес. На другой стене висела большая фотография, на которой было множество людей в зале и ряд людей, сидящих в самом центре длинного стола.

Заметив, что мальчик не сводит глаз с большой фотографии на стене, столяр Бегнис подвел его ближе к ней и с гордостью сказал:

– Это съезд партии Бунд. Это такая партия, которая ведет борьбу за то, чтобы все люди на свете были равны, сыты и веселы.

Сендерка еще не видел, чтобы в квартирке, расположенной на чердаке, было так светло и чисто. Потолок был свежепобелен, и стены сияли голубоватой белизной. На окне висела прозрачная занавеска. Посуда, стоявшая на плите и в кухонном шкафу, просто искрилась свежестью и чистотой. На покрывалах застеленных кроватей лежали белые подушечки. Сендерка подумал, что у глухой Рохл, у которой он жил в большой квартире, всегда было все свалено в кучу и грязно. А в квартирке у дяди было еще грязнее. Солнце не попадало туда даже летом.

Генех Бегнис заварил чай и поставил на стол поднос с хлебом, маслом и творогом. Он сел есть без шапки, но Сендерка не хотел снимать шапку и не хотел есть, не оmyв рук.

– Мы никому не мешаем вести себя согласно его убеждениям, – сказал товарищ Бегнис своему юному гостю и протянул ему чистое полотенце, чтобы тот мог вытереться после благословения на омовение рук. В чистой квартирке было уютно и тепло, а хозяин вел себя с ним так по-свойски, что Сендерка не стеснялся есть и при этом рассказывать, как он жил раньше у глухой Рохл, пока не перешел к своему дяде. Он рассказал и то, что водит дядю на его поминальные проповеди, где родственники усопшего плачут так, что и он начинает плакать, слушая дядю. Генех Бегнис сделал большие глаза и сердито сказал:

– Предоставь мертвецам хоронить мертвецов, а ты должен учиться, как жить на свете.

В квартиру вошла высокая молодая женщина. Хозяин сказал Сендерке, что это его дочь, учительница Пея. Смущенный Сендерка чуть не подавился. Но учительница улыбнулась ему как старому знакомому и пропела немного писклявым голосом: «Приятного аппетита!» Ее черное пальтишко, круглая шляпка и большой, туго набитый портфель были забрызганы дождем. Она вытерла мокрый лоб, сырые волосы и принялась снимать свои черное пальтишко и шляпку. Сендерка увидел, что учительница худощава, носит длинную юбку, как жена раввина, но ее косы свернуты кольцом на затылке, как у молодой девушки. Отец сразу же ей рассказал, что слепой проповедник таскает своего племянника на похороны и учит его там оплакивать усопших.

– Но я возьму его на генеральную репетицию детского хора, чтобы он услышал, как поет молодежь, а не как плачут старики. Но прежде его надо отвести к врачу, проверить глаза.

Учительница Пея тонкими, длинными и холодными пальцами взяла Сендерку за подбородок и посмотрела ему в глаза.

– Да, его надо прежде всего отвести к нашему окулисту, – пробормотала она с озабоченным лицом.

Сендерка покраснел от стыда из-за того, что чужая женщина безо всяких церемоний рассматривает его и трогает его руками. Но все равно ему было хорошо оттого, что он сидит в этом чистом теплом доме, среди людей, которые видят и слышат, не то что глухая Рохл и слепой дядя.

– А можно я расскажу дяде, что я был у вас дома и что вы поведете меня слушать, как поет детский хор? – спросил Сендерка.

Отец и дочь переглянулись и улыбнулись: у мальчика есть ум. По своей натуре Генех Бегнис терпеть не мог обходных путей, он любил открытую борьбу. Но в переулках, что в окрестностях Синагогального двора, он понял, что с такой несознательной публикой необходимо двигаться потихоньку. Он ответил Сендерке, что пока дяде лучше ничего не рассказывать. Завтра в двенадцать часов дня они идут к врачу.

От врача Сендерка вышел недовольным. Этот лекарь оказался грубияном в белом фартуке, с закатанными рукавами и круглой выбритой головой. Он не сказал Сендерке ни одного доброго слова. Только командовал все время: «Садись! Задери голову! Открой глаза!» – и впрыснул Сендерке в глаза капли, от которых жгло и щипало. Сендерка долго не мог поднять век, он только слышал, как лекарь-грубиян говорил Генеху Бегнису:

– Этот пейсатый раввинчик должен будет приходить в лабораторию дважды в неделю, по вторникам и пятницам. Тогда через шесть недель у него будут здоровые глаза, если только он в дальнейшем будет оберегать их от грязи.

На улице Генех Бегнис подвел итог:

– Теперь ты знаешь, отчего ослеп твой дядя. Оттого, что жил в грязи и не ходил к врачу, ослеп твой дядя. Неудивительно, что этот слепой проповедник ходит оплакивать покойников. Но ты не должен с ним ходить на оплакивания. Завтра в одиннадцать утра мы вместе пойдем слушать большой хор в народной школе. Завтра генеральная репетиция перед учителями, школьными активистами и родителями, а потом хор будет выступать в театре.

Все мужчины в зале сидели с непокрытыми головами, только Сендерка боялся снять шапку, чтобы не увидели его пейсы и не стали смеяться. Скорчившись в своем пальтишке, он притулился к Генеху Бегнису и чувствовал, что сердце у него стучит, как у какого-нибудь разбойника. Собственное дыхание обжигало его, словно он был болен – так сильно взволновало и потрясло его происходящее. В зале было шумно. Он был полон мальчишек и девчонок его возраста и постарше, и все с веселыми лицами. Среди учеников и учениц возвышались учителя в очках, с лысыми головами или с буйными шевелюрами и учительница с коротко подстриженными волосами. С учениками сидели и школьные активисты, и родители школьников – ремесленники с сутулыми спинами и задубевшими руками, со следами клея и ржавчины под ногтями. Но их усталые лица сияли счастьем. Мелькнули в зале и торговец с холеной бородкой, и аптекарь в очках с золотой оправой, и мать какого-то школьника в высоком корсете, чье-то розовое лицо и чьи-то гладко выбритые скулы.

Все глаза были устремлены на сцену. В первом ряду хора стояли певицы – и совсем маленькие девочки, и взрослые девушки в белых блузках и широких, блестящих, как черный шелк, юбках с оборочками. Взволнованные и смущенные взглядами многочисленной публики, певицы выглядели как ряд стройных березок с ослепительно белыми гладкими стволами. В следующем ряду за ними возвышались певцы – младшие и старшие школьники, подобные молодым кленам и липам, которые прут вверх за спинами березок и орешника. Не заслоня хор, в углу сцены стоял учитель пения – высокий, плотный, с густыми седыми волосами и длинными, аккуратно подстриженными усами, такими же черными, как его добродушные глаза. Он, словно молодой парень, носил открытую рубашку с белым воротником, лежащим на лацканах пиджака. Учитель пения дождался, чтобы стало тихо, и легко взмахнул дирижерской палочкой. В зале прогремело:

– «Услышь! Не далека уже весна...»

Сендерл в жизни еще не слышал, чтобы пели так громко и весело. Удивляла его и сама песня: на улице холодно, сыро и грязно – а здесь поют про весну. Генех Бегнис наклонился к нему и прошептал на ухо:

– Видишь, сейчас тебе не хочется плакать, как во время поминальной проповеди твоего дяди. Оставь синагогу, ешиву и приходи учиться в народную школу, как многие другие бедные дети с нашей улицы. Тебе будет весело сейчас, и ты будешь знать, как жить потом.

Среди учеников своих классов сидела и учительница Пея, улыбалась Сендерке издалека, словно понимая, о чем говорит с ним ее отец, и подмигивала ему, давая понять, что Сендерке стоит его послушаться.

3. Когда слепой проповедник снова попросил своего племянника отвести его в очередную молельню, чтобы он мог произнести поминальную проповедь по очередному усопшему, тот взорвался и ответил, что больше на похороны и на поминальные проповеди не пойдет. Кроме того, он больше не хочет учиться на подготовительном отделении Рамайловской ешивы, а вот в народной школе он хочет учиться! А если дядя будет этому препятствовать, он уйдет из дома. Учительница Пея и ее отец, столяр Бегнис, сказали ему, что он может есть и спать у них. Реб Мануш Мац не верил своим ушам, ведь Сендерл всегда был набожным и тихим мальчиком. Но сколько дядя ни убеждал племянника и ни страшил даже, что его отец и мать не будут иметь покоя на том свете, – ничего не помогло. Сендерл больше не пошел в Рамайловскую ешиву и стал готовиться к поступлению в народную школу. Но к дяде в Немой миньян он еще заходил.

Другие аскеты Немого миньяна, как и реб Мануш, поначалу тоже не хотели верить в эту жуткую историю. Не может быть, чтобы такое кошерное еврейское дитя хотело уйти от Торы. Вержбеловский аскет реб Довид-Арон Гохгешталт, согнув спину, так смотрел одним глазом на этого сироту, что невозможно было понять, то ли он хочет его похвалить, то ли готов разорвать на куски, как селедку.

– Такой замечательный паренек из родовитой семьи пойдет учиться в жаргонную^[3] школу вместе с неотесанными детьми простых родителей? Не могу в это поверить!

Но Сендерка не реагировал. Глядя на прыщеватое лицо вержбеловского аскета и его бороду, похожую на клубок паутины, он думал, что у учителя пеня с аккуратно подстриженными усами и у столяра Генеха Бегниса, у которого совсем нет бороды, – у обоих лица чище, чем у этого аскета.

Хиромант и стекольщик Борух-Лейб попытался переубедить сироту, обещая, что, если тот вернется в ешиву, он будет учить его премудрости гадания по руке:

– Ты только посмотришь на руку человека и узнаешь его судьбу.

Сендерка отвечал ему на это:

– Как можно, посмотрев на руку человека, узнать его судьбу? Это ложь.

Хиромант вылупил на него свои голубоватые белки, потрясенный и напуганный. Борух-Лейб даже не представлял себе, что племянник проповедника уже так отравлен ересью. Сендерка продолжал спокойно прохаживаться по молельне и остановился около столяра Эльюкума Папа, который в последнее время работал над новой резной поделкой. Ему захотелось вырезать деревянный футляр для благовоний. Сирота всегда останавливался полюбоваться на работу столяра, а Эльюкум Пап относился к нему с особым дружелюбием из уважения к его дяде, слепому проповеднику.

– Я слышал, Сендерка, что тебе так хочется учить Талмуд, как мне есть то варево из травы, которое готовит моя жена. Так если ты не хочешь учиться в ешиве, то приходи ко мне в мастерскую. Я научу тебя столярному делу и покажу, как вырезать из дерева львов для молельни.

– Генех Бегнис тоже столяр. Он говорит, что прежде я должен закончить народную школу, чтобы уметь читать и писать, а только потом я буду учиться специальности.

– Если этот беспутный Генехка Бегнис стал твоим ребе, ты такой же мерзавец, как и он. Чтоб ты ко мне больше не подходил, – проревел Эльокум Пап, а Сендерка ушел поплакать учительнице Пее, что над ним издеваются в молельне.

Реб Тевеле Агрес, старый ширвинтский меламед, дожил-таки до сладкой мести. Ведь меламеды из реформированного хедера утверждали, что они смогут воспитать учеников без хворостины, вот они и вырастили Иеровоама бен Невата![\[4\]](#) У реб Тевеле Агреса был гость, его бывший ученик Элиёу-Алтер Клойнимус.

– Слышишь, Алтерка. Провидение прислало тебя сюда. Ты ведь тоже из нынешних учительшек, так поговори с этим Иеровоамом бен Неватом со двора Песелеса, чтобы он не втягивал в свое идолопоклонство племянника слепого проповедника.

Старый меламед кричал и кипятился до тех пор, пока Клойнимус не понял, о чем идет речь, и не усмехнулся про себя: этот школьный активист Генех Бегнис – из старой бундовской гвардии, для него ничего не изменилось, он все еще борется, как он говорит, против святош, этих черных ворон.

Насколько учительница Пея была терпелива к детям и их родителям, да и вообще к бедноте из переулков, что вокруг Синагогального двора, настолько она терпеть не могла патетических речей своего старшего коллеги Клойнимуса. Даже его имя и фамилия – Элиёу-Алтер Клойнимус – щекотали ей ноздри, словно от них тянуло тухлятиной, старьем[\[5\]](#), плесенью. Но сейчас учитель Клойнимус был гостем в ее доме, пусть неожиданным и незванным гостем. Поэтому ей пришлось долго молчать и слушать. Ее отец принял коллегу еще дружелюбнее, чем раньше, попросил его садиться и предложил стакан чаю. Элиёу-Алтер Клойнимус отказался не только от чая, но и от предложения присесть. Он стоял, опершись на свою трость, и, саркастически улыбаясь, говорил о провалившейся идее еврейской светской школы. Красноватый свет электрической лампочки в чердачной квартирке Бегнисов отражался в стеклах его пенсне и ослеплял его. Он снял пенсне, тут же снова надел и, закинув за ухо черный шнурок пенсне, продолжал говорить:

– Проповедник, хотя он и слеп и живет на подаяние, все же счастливее нас, светских людей, потому что у него есть вера – вера в Б-га. И мальчик тоже будет несравнимо счастливее, если пойдет по пути своего дяди. Наша школа не принесет ему добра, оторвав его от молельни. Вы, товарищ Бегнис, рассказываете мне, что ему очень понравился наш хор. Но не всегда наши хористы будут петь, и не всегда ему будет хотеться слушать пение. Вашему новому ученику, товарищ Пея, еще захочется иной раз и заплакать. А если нет веры в Б-га, то даже не перед кем выплакаться.

Генех Бегнис больше не мог этого слушать, он даже вскочил. Чем этот мальчик будет счастлив? Тем, что он водит слепого и слушает оплакивания на похоронах? Тем, что вырастет без знаний, без специальности и останется бездельником, калекой, попрошайкой, – от этого Сендерка будет счастлив? Бегнису хотелось добавить, что провалилась не идея светской еврейской школы, а сам учитель Элиёу-Алтер Клойнимус провалился. Но дочь подмигнула отцу, показывая, что она тоже что-то хочет сказать. Зеленые глаза Пеи горели кошачьей злостью, и еще больше, чем ее слова, гостя оттолкнула до самой двери ее недобрая, кривая усмешка на тонких холодных губах.

– Мы надеемся, товарищ Клойнимус, что в вашем возрасте Сендерка Мац не будет мыслить так, как вы и его слепой дядя. Во всяком случае, предоставьте это решить позднее ему самому, когда он достигнет ваших лет. А пока у него есть право на юность, как и у вас была своя юность, хотя и ваш отец наверняка предостерегал вас, что вы еще раскаетесь. Я вижу, вы торопитесь, так что спокойной ночи, товарищ Клойнимус.

В полутемной молельне реб Тевеле Агрес стоял около слепого проповедника и кричал ему:

– Представьте себе, что у вас никогда не было племянника. Выгоните его прочь! Пусть его содержит этот подстрекатель, который уговорил его ходить по их школам.

Но реб Мануш Мац качал головой в знак несогласия: Б-же упаси! Пока Сендерл живет у него, он еще может на него как-то влиять, чтобы он, достигнув возраста бармицвы, хотя бы возлагал тфилин. Проповедник разрыдался:

– Мой брат в истинном мире узнает, что я делал здесь все, что мог, чтобы удержать его сироту в еврействе. Но как я теперь смогу проповедовать у священного ковчега обывателям и их детям о правильном пути, когда собственного сада я не уберег?^[6]

Реб Тевеле Агрес поплелся назад к своему попитру с лицом, красным от гнева. Мало того, что виленские раввины и главы общины не приходят к нему, чтобы признать его правоту в войне против реформированного хедера, нет даже человека, который мог бы потереть ему спину в бане. И реб Тевеле с обидой посмотрел на этого недотепу, своего бывшего ученика Элиёу-Алтера Клойнимуса, вернувшегося с дурной вестью о том, что племянника слепого проповедника уже нельзя спасти от искусителей.

– Знаешь, что я тебе скажу, Алтерка? Я тебе скажу правду, что ты не лучше всей этой банды. Сколько я тебя ни спрашивал, в какой синагоге ты молишься и возлагаешь ли ты тфилин, ты мне так и не ответил.

Но слепой проповедник все еще пытался вернуть на правильный путь своего племянника и поводыря, который сам заблудился. Увидев, что сидящие в Немом миньяне не имеют на Сендерку влияния, реб Мануш Мац стал ходить от одного соседа к другому по двору Песелеса, нащупывая палкой дорогу от двери к двери, и рассказывать о своем несчастье:

– Сендерл – единственное дитя, оставшееся мне от брата, никого больше у меня нет. Что плохого я сделал вашему соседу, столяру Бегнису, который настраивает против меня моего племянника? Кто будет водить меня в мои старые, слепые годы и кто скажет по мне поминальную молитву?

Женщины согласно кивали и заламывали руки. Никакому еврею они не желали того, что творилось со слепым ребе.

Когда мужчины со двора Песелеса вернулись вечером домой и услышали эту историю, она их возмутила. Они глотали постный крупник, жевали черный хлеб и хмуро смотрели во двор, ожидая появления старого еретика Генехки Бегниса. Как только его увидели входящим с улицы, соседи вышли ему навстречу из всех дверей. Первым против него выступил рыночный торговец Ойзерл Бас.

– Кто виноват в том, что ваша дочь худа как щепка, ни капли жира, кожа да кости? Найдите для своей дочери другие удовольствия, дайте ей мужа в постель, чтоб у нее были свои дети, тогда она не будет искать возможности распоряжаться чужими детьми. Вам больше нечего делать, как настраивать против слепого проповедника его племянника?

Ойзерл Бас говорил медленно, глядя на столяра напряженным, холодным взглядом. Он был уверен, что за такие слова отец Пеи полезет на него с кулаками. Тогда он, Ойзерл, покажет, кто из них проворнее, и может отвесить такую оплеуху, что звенеть будет. Но Генех Бегнис широко улыбнулся, так что его лицо покрылось морщинками, а потом весело рассмеялся, словно перед ним был уличный мальчишка, который переоделся медведем и хочет его напугать рычанием – бу-у. Рыночный торговец Ойзерл Бас застыл в растерянности, но щеточник Ноехка Тепер не растерялся и начал орать на всю улицу:

– Какой вы еврей? Я не Б-жий стряпчий, и меня не волнует, будет сирота молиться или нет, но отбирать у слепого его поводыря может только миссионер и выкрест.

К его воплям присоединились и женщины. Одна кричала:

– А если не молиться, так можно и Б-га в сердце не иметь?

Другая махала руками и тараторила так, что слово наезжало на слово:

– Это, конечно, правда, что молельню Песелеса надо бы было перестроить в квартиры для молодых пар, и пусть бы аскеты шли себе на здоровье в другую молельню. Но пощечина не имеет отношения к пожеланию доброй субботы. То, что сделал сосед Бегнис, это страшная несправедливость.

– Разбой среди бела дня! – поддержали ее остальные собравшиеся.

Генех Бегнис слушал и молчал, пока все не высказались. Ответил он без злобы и без издевки, а с сочувствием и сожалением в каждой фразе. Раньше никто на одинокого мальчика и его слепого дядю даже не смотрел, а теперь все стали о них заботиться. А согласились бы соседи, чтобы их мальчик, вместо того, чтобы учиться и стать человеком, был поводырем слепого и вырос попрошайкой? Разве соседей не интересовало бы то, что у их ребенка больные глаза, и разве не нашлось бы среди них никого, кто отвел бы его к врачу? Но за счет чужого ребенка без родителей они все как один Б-гобоязненные исполнители заповедей.

Генех Бегнис не стал ждать ответа и поднялся в свою квартиру. Соседи остались стоять в недоумении. Бегнис отобрал у них все их аргументы. Они уже хотели разойтись по своим халупам, но тут увидели слепого проповедника, который все это время стоял под навесом у входа в Немой миньян и прислушивался к спору во дворе.

– Что мы можем поделать, ребе? Этот Генехка Бегнис может переубедить стену, а не только вашего племянника, – оправдывались обитатели двора перед слепым, и каждый из них напрашивался отвести его, куда ему будет надо.

– Отпустите меня, отпустите. Я должен заново привыкать сам находить дорогу, – пробормотал реб Мануш Мац, и обитатели двора расступились и молча разошлись, словно были виноваты.

Слепой нащупывал палкой дорогу, а с затянутого облаками неба на него падал редкий колючий дождик. Из ржавых водосточных труб на углах домов безостановочно капало и капало – тоскливо, печально, словно там поселилась какая-то потусторонняя напасть. Двор Песелеса выглядел заплаканным, промокшим от крыш и до камней брусчатки. Реб Мануш Мац слушал дождь и ощущал его в своей одежде, в башмаках, во всех членах тела. У него было такое чувство, что и его погашенные бельмами глаза залиты дождем. Ветер раздувал его поношенное пальто, трепал его бороду и срывал с головы шапку. Реб Мануш схватился за шапку обеими руками, и палка выпала из его рук. Никто из соседей этого не видел, никто не помог ему найти палку. Реб Мануш опустился на мокрую мостовую и шарил в поисках палки, пока не нашел ее и не начал медленно подниматься. Он сопел от напряжения и думал, что, возможно, его карает Всевышний, потому что он оторвал сироту от учебы и сделал своим поводырем. Проповедник еще долго стоял окаменев и бормотал, задрав голову со слепыми глазами к низкому, закрытому серыми облаками небу:

– Подниму глаза свои к горам. Откуда придет помощь мне? Помощь мне от Господа, сотворившего небо и землю[7].

Перевод с идиша Велвля Чернина

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Ешива ктана – религиозное учебное заведение для младших подростков.

[2] Буквально: «Первые ворота» (арам.). Правовой трактат Талмуда.

[3] Жаргон – распространенное в прошлом презрительное наименование идиша.

[4] Иеровоам бен Неват – первый царь Северного Израильского царства (928–907 годы до н. э.). Согласно еврейской традиции, считается узурпатором, расколовшим еврейский народ, и распространителем идолопоклонства.

[5] Игра слов. Имя Алтер означает на идише «старый».

[6] Перефразировка стиха из библейской Песни песней (1, 6): «Сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, а своего виноградника я не устерегла».

[7] Псалом 121.

ПУТТЕРМЕССЕР И МОСКОВСКАЯ РОДСТВЕННИЦА

Синтия Озик

Окончание. Начало в № 10, 2009

8. Предприниматели

По утрам Лидия ела черный хлеб со сметаной – она сама их выбрала на соседней выставке – и пила крепкий чай с большим количеством сахара. Потом она исчезала. И всегда возвращалась вовремя, чтобы идти в 5-D убираться у Варвары. Она призналась, что Варвариных детей терпеть не может. Эгоисты, непослушные, избалованные, слишком много знают и все равно простонародье – так в свое время характеризовали Хрущева.

Где пропадает Лидия, Путтермессер не спрашивала. Сцена в агентстве показала, к чему могут привести расспросы. Но она заметила, что, уходя, Лидия всякий раз уносит с собой один или два узла.

В одиннадцать часов, когда Лидии не было, к Путтермессер зашла Варвара.

Она заглянула в гостиную.

– Кавардак! Совсем как у меня в свинарнике. А у вас ведь и детей нет.

– У вас затруднения? – спросила Путтермессер. – Вы не должны стесняться, то есть, если у вас с моей племянницей не сложилось...

– Ну что вы, Лидия – бриллиант! Я не представляю, как мы проживем без нее. Она обогатила нашу жизнь, – сказала Варвара. – А детей просто очаровала. Она рассказывает им русские сказки... они довольно жуткие, волк всегда должен кого-то съесть, но дети их обожают. И мы с Биллом не против – это не те побоища, которыми их потчует телевидение. Это обращено к воображению, это безвредно.

И Путтермессер в кровавом театре своего воображения видела, как племянница чужими волчьими клыками отгрызает конечности у детей Варвары.

Варвара заглянула в глубину квартиры.

– Лидия дома?

– Нет, она вышла.

– Обживается в метрополисе. Это хорошо. Слушайте, – сказала Варвара. – Я хочу пригласить вас обеих на очень особенную вечеринку. Это частный вечер для сбора средств на «Шхину». Вы знаете «Шхину»?

– Это журнал. Тот, который объявляет о себе, что не имеет ничего общего с «Мадеруитом»[\[1\]](#), – ответила Путтермессер.

– Я рассказала Скаю о вашей племяннице, и он сказал, что она будет потрясающей приманкой. Скай – мой близкий друг. Два года назад, когда мы еще жили в Калифорнии, мы со Скаем вместе работали на проекте «Видение твоей округи». А до этого оба были в университетском совете «Процесса свободного выражения», но это было до знакомства с Биллом. А перед этим у Ская был отвратительный второй развод – фактически она выгнала его на улицу. Билл ненавидит «Свободное выражение», считает, что от него – прямая дорожка к насилию. Билл – настоящий пацифист.

Путтермессер вспомнила «Процесс свободного выражения» – модное поветрие двадцатилетней давности; оно расцвело в эпоху «стрикинга», когда голая студентка (студент) сбегала по проходу в аудитории – розовым пятном передней плоти – и проносилась по помосту. «Процесс» делал упор на «демонстрации», когда непечатное слово скандировали без перерыва в течение двух часов ровно; (излюбленными словами были «говно» и «мудак»), это называлось «нейтрализацией», и цель «людей Процесса», как окрестили их газеты, состояла в нейтрализации всех нехороших слов.

Варвара сказала:

– Вы, наверное, не участвовали в «Процессе». Другое поколение – это было после вас, да?

Но Путтермессер не интересовали поколения – этому понятию не было места в ее философии. Она считала, что люди – безразлично, какого возраста, – отличаются друг от друга темпераментом, характером, склонностями. И склонна была забывать, что она старая, пока ей кто-то не напоминал.

– Я помню их лозунг, – сказала она. – «Все станет кристально чистым».

– Верно! Правда, прекрасно? А другой на футболках: «Победа над грязью». Забавно! Один раз мы устроили двойной Процесс на дерьме. Четыре часа. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Но это было давно, д. р. д. – до рождения детей! Но мы принимаем ванны с детьми. Всей семьей, двое на двое, перекрестно – антигендерно.

Варвара выглядела лет на сорок с чем-то. Лицо у нее было одновременно большим и маленьким. Щеки и лоб – очень широкие, подбородок – широкий и длинный, и посреди всей этой неиспользованной площади теснились два близко расположенных

глаза, маленький нос-кнопка и маленький круглый рот. Семейка Черт в большой уютной ванне. По этой наружности – а она была именно «наружностью», несколько диккенсовской, слегка архаической – трудно было догадаться, что она принадлежит идеалистке.

Скайлер Хартстайн, старый друг Варвары, наоборот, обладал именно такой головой, с какой представляешь себе социального визионера. Путтермессер случалось видеть его в телевизионных дискуссиях – длинный, прямоугольный лысоватый череп, украшенный сзади белой косичкой, а спереди (в самом деле) моноклем с кудрявой лентой. В этих дискуссиях – а они были не редки – Скайлер всегда занимал идеалистическую позицию. Прозвище «Скай»^[2] возникло не как естественное сокращение имени, а как метафорический намек на безоблачную лазурь его поэтических очей. (Совсем другого цвета, чем у папы Путтермессер, с их тусклой голубизной, разбавленной печальной серостью памяти и угрызений.) Скайлер Хартстайн не ведал колебаний, сомнений, затруднений, оговорок. У него было светлое, жизнерадостное лицо и полная убежденность социального мыслителя. На шее у него висела золотая цепочка с двумя буквами иврита, означавшими «жизнь». Он был известен своей набожностью и в субботу утром его можно было увидеть в белой бархатной кипе, пришпиленной при помощи заколки к верхней части косички.

Убежденный социалист, Скай Хартстайн был, однако, неумным предпринимателем. Журнал, основанный им, жил вот уже два года. Название его, знакомое Блейку, Мильтону, Сведенборгу и теософам, родилось из еврейской мистики: оно означало сияние Б-жественного Присутствия, а в каббалистическом смысле – женский аспект Б-га. Оно работало на рьяных феминисток; нравилось католикам (напоминало о Марии); буддисты ничего против него не имели, а кришнаиты были очарованы. Шхина! Его даже можно найти в словаре. И все же журнал хвалили больше за то, как он себя заявлял, чем за его содержание – смесь глобального утопизма и сильной радости за себя (по-видимому, они полностью совпадали). У Скай Хартстайна были в журнале собственные страницы, на них он печатал свою поэзию. Знаменитую рекламную кампанию в начале «Шхины» Хартстайн разработал сам; лозунг ее был: «Политика против мадеруита» – «Мадеруит» был серьезный старый журнал, исповедовавший рационалистическую идеологию, осторожный либерализм и абсолютное неприятие косичек. Но война между «Шхиной» и «Мадеруитом» была односторонней: «Мадеруит» вел себя индифферентно. Это был только слух, что «Мадеруит» упорно отказывался печатать стихи Хартстайна: «Мадеруит» вообще не печатал стихов. Мстительность Скай и его «Шхины» имела более земную и более важную подоплеку, чем пренебрежение современной поэзией. Скай Хартстайн был убежден, что в политическом смысле врагов нигде нет, кроме как в твоей собственной груди. В выпускных данных «Шхины» на фоне голубинового крыла красовался лозунг: «Вражда – иллюзия». «Только орала!» – кричал бланк подписки.

Путтермессер все это знала, потому что подписалась на «Шхину» в первый год, но продолжать не стала. Она была запойной читательницей журналов. Она читала «Таймс литерари саплмент», «Нью-Йорк ревью оф букс», «Нью-Йоркер», «Атлантик», «Мадеруит», «Харперс», «Комментари», «Салмаганди», «Саут-уэст ревью», «Партизан ревью» и «Нью Крайтирион». «Нэйшн» она не читала – смысла не было, больше ста лет прошло с тех пор, как туда писал Генри Джеймс. С «Шхиной» она рассталась отчасти потому, что была равнодушна к стихам Скай Хартстайна – коротеньким ободряющим телеграммам из очень коротких строчек, – но главным образом потому, что сияние Б-жественного Присутствия, настойчиво обозначаемое из месяца в месяц, стало тускнеть. Кроме того, она не могла не заметить, что не все еще мечи перекованы на орала. Скай

Хартстайн имел привычку принимать желаемое за действительное, и даже желаемое представлялось ей невероятным. В собственных колонках светской хроники он давал личное брачное объявление, а позиция «Шхины» между тем оставалась туманной, мутной, газообразной – все это выдавалось за «дух», а иногда за «гнев». Открывая журнал, ты заранее знала, что найдешь там противную злость чистых сердцем.

Единственное, что удивило Путтермессер, – что нанимательница Лидии оказалась старым товарищем Ская Хартстайна.

– Подождите, вот вы с ним познакомитесь, – ворковала Варвара. – У него такой ум.

– Но зачем он хочет познакомиться с Лидией?

– Да бросьте, – сказала Варвара. – Разве это не очевидно?

Лидия вернулась через несколько часов и не одна: она вела за руку высокого молодого человека.

– Петр, – представила его она.

– Привет, – сказал молодой человек и протянул руку. – Я Пит. Питер Робинсон, мэ. Я администратор магазина спорттоваров «Албимарл» – знаете нас? На Третьей авеню? Угол Третьей и Девяносто четвертой улицы?

– Петр, – повторила Лидия. – У него чистые глаза.

Правда; Лидия попала в точку. Это были невинные глаза, бесхитростные, не замутненные мыслью. Пит Робинсон – Петр – объяснил, что он из Северной Дакоты и лучше знаком с лесами и фермами, чем с мостовыми Нью-Йорка. В городе он меньше трех месяцев – переведен из филиала в Сиэтле... А люди! Какое разнообразие! У них в Дакоте и даже в таком городе, как Сиэтл, разве встретишь когда-нибудь такого человека, как Лидия!

Втроем уселись за стол в кухне. На Петре был свитер с вырезом и под свитером клетчатая рубашка. У него был широкий белый лоб, узкая прядь блестящих волос болталась впереди, как болтливый язык. Он выглядел таким же очищенным, отсортированным – и упрощенным, – как фигура на афише. И Робинсон! Путтермессер подумала о находчивости Крузо; подумала о радиопередачах своего детства «Джек Армстронг, Настоящий американский мальчик!» Не успела оглянуться, как ее племянница подцепила прототипа.

Лидия радовалась:

– Петр помог! – сказала она.

И снова вывалила зеленый пакет – тот, что с надписью «Фотография». На этот раз из него не высыпалось ни одного значка с мальчиком Лениным. Нет, вместо них – целый ворох зеленых бумажек: Настоящие американские деньги.

– Что происходит? – спросила Путтермессер. – Где ты их взяла?

– Мэм? – сказал Петр. – Эта девушка весь день проработала у меня в магазине. Мне надо скоро туда вернуться. Она заманила меня сюда своей улыбкой.

Путтермессер с сомнением посмотрела на племянницу.

– Это что, вторая работа?

– Мэм, – сказал Петр, – мы готовимся к Рождеству – лучше рано, чем поздно, – и убираем с центра зала теннисные ракетки и лыжные палки. Просторное место, и мы ставим там елку, понимаете? Поставили елку, и входит эта маленькая леди со странной речью, и смотрим – тут же устраивается и открывает свой бизнес. На самом бойком месте.

– На бойком месте? – удивилась Путтермессер.

Петр кивнул.

– Ну да. У нас сейчас самая горячая пора. Если позволите так сказать, у вашей девушки дух свободного предпринимательства, самый настоящий. Там, откуда она приехала, этого нет, знаете?

Сидя за складным столиком, который он ей притащил, под елкой, украшенной цветными лампочками в форме кроссовок и мячей, московская племянница распродала – за одно утро – весь свой запас ленинских значков. По три доллара штука. Теперь по столу Путтермессер рассыпаны были три сотни американских долларов. И в арсенале у племянницы было еще много шарфов, и ложек, и полых куколок-безножек.

Не говоря уже о Настоящем американском бойфренде.

9. Идеалисты

Сбор пожертвований на «Шхину» проходил в одной из тех лабиринтообразных квартир Верхнего Вест-Сайда, где невозможно найти уборную. Вы ходите из одного коридора в другой, нерешительно заворачиваете в спальни, где все еще держатся ночные

запахи и на стульях месяцами лежат без дела сложенные покрывала. Иногда в этих блужданиях вы натываетесь на растерянного, испуганного ребенка, стоящего у вас на дороге, или, неожиданно, на мелкое животное, но чаще вас встречает только застойный смешанный запах старого здания. Эти квартиры – как отчаявшиеся морщинистые старухи, которые горюют об утраченной красоте и требуют такого же поклонения, каким окружены были в молодости. Умывальник в ванной, если вам удастся найти его в темноте (выключатель всегда где-то прячется), украшен коричневой сеткой древних трещин, похожих на линии астрологических карт; бачок унитаза, когда попробуете спустить воду, выдаст жалкую ржавую струйку. И тогда вы поймете, как вам повезло – вы прикоснулись к Истории. Здесь действительно жил когда-то Артур Рубинштейн[3]; Эйнштейн присутствовал на собрании там, где сейчас вторая кухня; однажды летним вечером здесь пела Мария Каллас[4], опершись ладонью на этот самый подоконник; Юта Хейген[5] нанесла визит знаменитому жильцу (неважно, кто он был), предшественнику нынешнего.

– Какой театр! – воскликнула Лидия.

Она вела Петра за руку; он шел покорно, робко. Путтермессер видела, что он ошеломлен двойной экзотикой – загадочного Нью-Йорка, где московская красотка может завладеть тобой и забросить тебя на такую чудную вечеринку, какой ни за что не найдешь на всем большом Северо-Западе! Просторная комната с ковром; ряды складных стульев; диваны отодвинуты к стенам; темно-бордовые шторы на окнах с двух сторон, как просцениум между двумя занавесами. На каждом стуле лежал свежий номер «Шхины».

– Смотрите, – открыв свой экземпляр, сказала Варвара, – статья Керквуд Плеторы.

Путтермессер спросила:

– А что, ваш муж не придет?

– Билл не хочет иметь ничего общего со Скаем, это у них с давних пор. Не хотят примириться, но меня это не касается.

– А он не возражает? Я хочу сказать, если вы поддерживаете отношения с кем-то, кого он не...

– Помилуйте, мы отдельные люди!

Петр робко наклонился к ним.

– Кто этот Керквуд Плетора?

– Кинорежиссер, – объяснила Варвара. – Вон она стоит перед человеком, который написал эту грандиозную пьесу – знаете? Про летающий автобус, полный голубых и лесбиянок? Это Плетора ездила в Судан снимать фильм о притеснении животных... ш-ш-ш! Начинают.

Аплодисменты. Из темных нетей квартиры материализовалась хозяйка вечера, женщина лет пятидесяти пяти, в джинсах, мятой рубашке, кольцах и браслетах. Путтермессер вынула из-под себя журнал, полистала и остановилась на одном из стихотворений, которыми Скай любил пересыпать каждый номер:

*Ī āīōēīūāīāī īōēīū
äëÿ ī àōāāī ōāīāēāō āīđāī èÿ.*

Ī ū ðāçāōēēīī

īò òāēēō ōāīāēāō āīđāī èé.

Āīāīēūī ī!

Ī òāāīđāī āī ñÿ æá

è ōāīāēāō āīđēī īāÿ

āīçāīōāī īūī.

Стихотворение называлось «Маргиналы». Путтермессер внимательно перечитала его, но так и не поняла, кто эти ненужные маргиналы: презираемые мира сего, которых мы подвергаем несправедливостям, или же это наши собственные корыстные чувства, которых мы должны стыдиться? (Она заметила, что «Шхина» злоупотребляет словами «мы» и «наши», вольно или невольно приписывая читателям любой грех из тех, что в настоящее время осуждались.) Или же эти стихи были еще одним тоскующим призывом Ская к неведомой жене?

Петр гладил шершавую ручку Лидии; каждый палец ее был украшен кроваво-красной шляпкой. На карминовых губах застыла самая отсутствующая улыбка; она ласкала пальцами пуговицы своего нового кожаного пальто. Лощеная кожа блестела, как черное стекло, и Путтермессер вдруг вспомнила мальчика Диккенса на фабрике ваксы. Детский труд! Одна из причин мессианского марксизма. Кожаное пальто Лидия купила на Первой авеню в магазине корейцев-иммигрантов – Варвара объяснила, как его найти, – и уплатила за него из выручки от ленинских значков. На этикетке значилось: «Сделано в Китае», сшито – кто его знает – восьмилетними рабами, прикованными к своим машинкам. В глянцевого кожаного пальто и черных лосинах Лидия ни одной черточкой не напоминала Женю – Женю, прищурившуюся от солнца, в бесформенном пролетарском платье, с узкогубым испуганным ртом, Женю с ее умоляющим криком.

Путтермессер огляделась – кто еще тут есть? Варвара уже выделила самых знаменитых: Берта Уолдруна, драматурга и активиста, и Керквуд Плетору, удивительно вдруг постаревшую, со слуховым аппаратом, спрятанным под ее фирменной одиночной серьгой. Был еще молодой семинарист, глава общества «Мужчины за женщин», мужской феминистской организации, которая поставила себе целью убрать из Священного Писания все местоимения «он», относящиеся к Б-гу, – заменить их такими словосочетаниями, как Совершенная Сущность, Б-жественное Основание, Безграничный Дух, Побудитель Мира, Омнигендерная Единая Цель, Породитель Души и так далее. Были коллеги Ская, поэты, – в их числе тот, который аккомпанировал себе на цитре, и еще один, который писал стихи двуязычные, чтобы содействовать распространению эсперанто. Была писательница, автор тепленьких романов, неплохо продававшихся, несмотря на ее конфликт с грамматикой и правописанием – по слухам, требовались два редактора, чтобы прочистить ее самородный язык. И были, конечно, политически посвященные – большей частью атеисты, которых не смущало то, что они называли «религиозной ориентацией» Ская Хартстайна. Остальные были невыдающиеся и невоспетые[6], хотя не сказать, что неотмеченные – их мгновенно

можно было узнать по огню обожания в глазах. Они, как и атеисты, страстно веровали в кредо Ская. На страницах «Шхины» оно формулировалось как «Правительство Духа».

Когда ведущая в джинсах закончила свой денежный призыв: «Помните, щедрость не знает пределов», в нараставших аплодисментах воздвигся Скай Хартстайн. (Именно воздвигся, а не встал со стула.) «Лично для меня, – начал он, – это была поразительная неделя». В понедельник он был приглашен в Белый дом для беседы с вице-президентом, который хотел узнать подробнее о концепции Правительства Духа. Во вторник «Тайм» и «Ньюсуик» напечатали фото вице-президента и Ская в братском объятии, а «Вилледж войс» опубликовал комментарии Ская полностью. «Шхина» шла в гору! В среду его святейшество далай-лама дал аудиенцию Скаю – и о чем бы, вы думаете, они говорили? Об игрушечных автомобилях, которыми управляешь на расстоянии, – о том, что они движимы незримой силой... только представьте себе золотую улыбку его святейшества, любителя механических и электронных устройств, несостоявшегося инженера, но прежде и превыше всего – метафорического метафизика. Автомобильчики символизируют силу Б-жественного влияния на волю человека... Речь Ская Хартстайна лилась потоками, валами сладости и света (хотя Путтермессер думала про себя, что сладость – сахариновая, а свет – от болотных огней). Он обручил «Битлов» с псалмами, а пророков – с продуктами органического земледелия. Он цитировал Блейка и описывал снотворное действие мелатонина[7]. Он клеймил алчность и эгоизм – да, их особенно! Алчностью и эгоизмом отравлены и республиканцы и демократы, две равновеликие клоаки вооружений и национального высокомерия. Пусть растворятся границы, исчезнут страны и все люди сольются в добролюбии! Будем же помнить наши надежды и восхвалять наших визионеров! Пусть гласность прострет свой целительный покров над землей и вернет нас к истокам, к открытости сердца, к бесклассовости, покончит с нуждой... Пусть бедные восстанут из своей нищеты и станет рассвет согласно главному обещанию гения, трудившегося долгими часами в Британском музее. Карл и Граучо[8], Ленин и Леннон: Скай подпустил эту шутку – плевать, что заезженную, – да и не шутку, в сущности; так ведь и срастается здоровая, пластичная ткань Духа: подобное с подобным, противоположное с противоположным; о мы, о полчище счастливицев![9]

Все знают, продолжал он, о сталинских перегибах – о ГУЛАГе, терроре, КГБ, о доносчиках, о слежке, шпионах, допросах, пытках; однако вначале, пока не опустилась тьма извращений, до того, как изменили благородному плану всемирного переустройства, было, было маленькое святое семечко человеческого спасения. Великий эксперимент не удался на первой своей территории, но если семени суждено быть пересаженным, то должен быть свидетель, который подтвердит его всхожесть, его потенциал, его будущность. И свидетель – здесь, он в этой комнате, в эту минуту.

Путтермессер думала: как глуповата эта праведность... Но что ему нужно от Лидии?

– Вообразите рожденную в Эксперименте, – говорил Скай Хартстайн, – когда его лучшие дни остались позади. Когда его окутал покров предательства. Когда он истошился. Когда стало ясно, что для возрождения Эксперимента требуется более благоприятная среда и новая попытка. Однако, – продолжал Скай, – тот, кто родился в Эксперименте, пусть даже поздно, должен нести на себе отпечаток Первоначальной Чистоты. Революция оставляет свой осадок. Память о Начале. След, ответ, аромат Намерения. Расскажите нам, – протянув руки, обратился он к Лидии, – что вы сохранили в себе от Начала.

Лидия выдернула свою шершавую ручку из верной руки Петра и вскочила.

– Вы думаете, сначала была чистота? – закричала она. – Никогда ее не было, никогда! Глупые люди!

Берт Уолдрун, драматург, зашипел. Хозяйка в джинсах, испугавшись, что вечеринка будет погублена – сзади у стены стоял стол с овсяными печеньями и пирамидой яблок, – жалобным голосом спросила:

– Но разве коммунизм не был когда-то прекрасной надеждой? Вначале? В идее? И вспомните, для всего прогрессивного человечества цели социализма по-прежнему живы...

Лидия отпустила тугую пружину смеха.

– Глупые американцы! – закричала она. – Советские дураки и то умнее! Мои ребята в команде умнее!

Варвара яростно зашептала:

– Сядьте! Вы срываете собрание!

– Коммунизм! – кричала Лидия. – Какой коммунизм? Наивные! Всегда был сказкой! Никакого коммунизма, никогда! Наивные!

Она стояла, задрвав острый подбородочек и напряженно согнув руки в локтях – святая Жанна отрезвления, комиссар насмешки, образцовый советский цветок. Она никому не верила, ничему не верила. И привязана к родным местам не больше, чем пушистая головка одуванчика, готовая разлететься. Впервые племянница нравилась тетке почти так же, как удручала.

10. Чаепитие

Среди ночи зазвонил телефон. Путтермессер выбросило из штурмового сна: волна за волной раскатывалась перед ней колючая проволока. Колючая проволока опутала

ее квартиру; она затянула окна, отрезала кухню, протянулась по плинтусам в гостиную Лидии, окружила диван-кровать. С пересохшим горлом устремившись к воде, Путтермессер перепрыгнула проволоку, но зацепила голенью колючку. Кровь лилась по щиколотке и затекала между голыми пальцами...

Звонил Володя – не из Москвы, а с Сахалина. Сахалин – царская каторга, туда ездил Чехов, чтобы изучать условия жизни каторжан и ссыльных. Далеким остров в неведомом Охотском море, недалеко от Арктики, южным концом тычущий в раздраженное место Японии. Какой там Марс! Путтермессер повернулась в постели, прогнала дурной сон и прислушалась к тихой русской речи. На русском Лидия была совсем другая Лидия: в рококо блестящих трелей, слогов и вдохов она летала легко, как на трапедии. В русской оправе ее смех был другим смехом: он свободно вытворял свои штуки.

– До свидания, – прошелестела Лидия (это было как лукавая ласка) и положила трубку. – Володя хочет делать бизнес на Сахалине, – объяснила она тетке.

– А за это у вас не арестуют? Это не опасно? Женину бабушку...

Тут Путтермессер вспомнила, что бабушка Жени – и ее бабушка: старуха в черном платке выбрасывала копейки через дыру в кармане, чтобы обмануть безжалостных. В воображении Путтермессер мать ее отца снова и снова летела по твердому насту, летела вечно, как на киноплёнке, склеенной в кольцо.

Жажда из сновидения погнала ее на кухню. Она налила чайник и поставила на стол две чашки. Окна, освободившись от стальных шипов, были черны. Была половина четвертого ночи.

– Ты ведь не о частном бизнесе говоришь? – сказала она. – У них это называется экономическим преступлением...

Лидия добродушно пожала плечом.

– Перестройка, – сказала она.

– Правда? И люди уже не боятся нарушать закон?

– Законы коммунистов, – отрезала Лидия. – Володя не боится!

– По-моему, ты говорила, что он собирался уехать. В Австралию.

– Сначала заработать много денег. Сначала Сахалин.

– Не думаю, что ты можешь купить на Сахалине кожаное пальто. Во всяком случае, с такими глубокими карманами, – сказала Путтермессер, разливая кипяток по чашкам.

В чашки был насыпан чай, кипяток принял цвет красного дерева – племянница без труда убедила тетку отказаться от пакетиков.

– Я куплю пальто в Америке. Дам Володе.

– Ты сейчас без работы, – мягко напомнила Путтермессер.

Пили чай. Лидия извлекла из кармана нового кожаного пальто полдюжины овсяных печений, спрятанных в тот момент, когда ее увольняла Варвара. Наполнение и освобождение карманов, кажется, было семейной традицией.

– Варвара дура, – сказала Лидия. Она по-детски откусывала печенье маленькими кусочками; ноздри ее трепетали.

– А чего ты ожидала? Женщина приглашает тебя в заповедник своей души, а ты оскорбляешь всех подряд. Как ты ответила Скаю Хартстайну? Ты слышала: этих людей приглашают в Белый дом. «Шхина» становится все знаменитее и знаменитее.

– «Правда» тоже знаменитая, – сказала Лидия. – Никто не читает. Читают для смеха.

И в этот миг, когда «Правда» вместе с крошками печенья вылетела из карминного рта Лидии, Путтермессер поняла свой сон. Колючая проволока! Банальность сна. Она превратила свою квартиру в ГУЛАГ – так просто, до глупости прозрачно, у Фрейда сделалась бы зевота. Запустила этот сон речь Ская – или же Володя: потусторонний звонок с бывшей каторги, как раз когда она обливалась кровью на колючей проволоке.

– Слушай, эта твоя книжка... – сказала Путтермессер. – С толкованием снов?..

Просьба была идиотская, но она попросила: она ощущала дрожь, мистическое трясение, идущее к ней от Сахалина, – и в нем некое странное предвестие.

Она еще не видела Лидию такой оживленной. Вертя головой, как маленькое быстрое животное – пони или гиена, Лидия ринулась через баррикаду своих тюков к сонной книге, и Путтермессер подумала, что впервые нашла отклик в душе родственницы. Чем до сих пор она была для Лидии – занудой, притеснительницей? Какой же отжившей, устарелой она должна была казаться этой молодой деловитой женщине, кокетке, иностранке, красотке!

Лидия вернулась с книгой – несла ее, словно корону на бархатной подушке. Несла истово, богомольно – куда девалась пессимистка, циник? Ее оценивающие глаза сузились в узкие коричневые семечки.

– Что снилось? Я посмотрю. Я найду.

Путтермессер обвела рукой комнату.

– Колючая проволока. Кругом. На окнах, везде. Я порезалась о нее, потекла кровь. Хлынула.

Лидия думала; наклонив голову, просматривала алфавитный указатель – темы снов?

– Есть там колючая проволока?

– Нет.

– Тюрьма?

– Тюрьма не во сне. Сон здесь, в доме. – Лидия склонилась над книгой и листала ее – медленно, так что каждая страница вспыхивала белым под верхним светом. Ага, – сказала она. – Кровь.

– Что там?

– Так, кро-о-овь, – протянула Лидия. – Из чего текла кровь?

– Откуда шла кровь? – переспросила Путтермессер. – Из ноги. Из ступни. По пальцам.

– Хорошо, – сказала Лидия. – Из ноги лучше. Кровь из головы – значит, умрешь. – Она умолкла и стала читать дальше с необычайной серьезностью. – Людям снится кровь из ноги – у них святое будущее. Ты святая женщина. Ну, святая.

Путтермессер смотрела на племянницу в изумлении: куда подевалась ее ирония? Мистическое трясение, исходившее из злого Сахалина, ослабло. Племянница... что такое была ее племянница? Все дрянноватое, ломающееся от прикосновения, неисправная деталь, вдруг отказавший выключатель в гостиной, протечка в чайнике, трещина в штукатурке, опоздавший автобус – все вызывало сатирический отклик: «Прямо как у нас!» Доказательство неряшливости, испорченности вселенной. Путтермессер поняла, что такое ее родственница, – аппаратчица изъяна и порока, парши и лишая, презрения и недоверия. Прямо как у нас! То слишком подозрительна, то слишком доверчива. Скептик, слепо верящий шарлатанству.

– По-моему, – мрачно сказала Путтермессер, – было бы гораздо полезнее, если бы ты выбросила эту глупую книгу и взялась вместо нее за английскую грамматику.

Коричневые семечки Лидиных глаз округлились. Она захлопнула сонник.

– Зачем мне английский? Я еду на Сахалин к Володе! Делать большой бизнес на Сахалине!

– О чем ты говоришь?

– Володя сказал: приезжай, получим много денег. Может быть, женимся.

Серая муть за окном светлела, словно ее разбавляли жидкой побелкой. До зари было еще далеко, но самые черные часы ночи ушли, и в этом предутреннем еще-не-свете, свитом с резким, как в мультипликации, блеском потолочного светильника, Лидия будто фосфоресцировала сама по себе.

– Ты приехала искать убежища! Ты спасалась оттуда! Я месяцами мостила тебе дорогу до твоего приезда, – сказала Путтермессер. – Я сражалась, черт возьми, со всеми бюрократами, частными и государственными. Это что, по-твоему, Лидия? Каникулы?

– Я приехала работать, – возразила Лидия.

- Ты здесь беженка.
- Кто? Какая беженка?

Ее лицо было – освещенная сцена; каждый волос ее прически накалился докрасна и продолжал краснеть.

– Только не говори мне, что из миллиона английских слов именно этого ты не понимаешь! Где твой словарь? Тащи его! Если еще не спущен вместе со всякой всячиной через торговую точку Питера Робинзона...

– Ах, Петр, – нежно вздохнула Лидия. – Высокий мужчина, совсем как Володя.

- Возьми, черт возьми, словарь.

И во второй раз за эту ночь Лидия прорвалась за баррикаду своего имущества – ложек, кукол, платков и прочего, привезенного для продажи в Америке, – и вернулась с книжкой: «Русско-английский и англо-русский словарь».

Путтермессер показала ей слово с русским переводом «беженец», и рядом было: «эмигрант».

- Прочти, – велела она.
- Ну, эмигрант.
- Вот ты кто. Вот чего я добивалась. Вот что я поняла из слов Жени.
- Женья? Женья это сказала? Я такой эмигрант, как ты святая женщина, – вскипела Лидия и разразилась долгим, долгим смехом, категорическим и вдохновенным. – Мама сказала! Мама хочет!

11. Прощание

Под конец Петр заплакал. Лидия улетела всего день назад; сама, без посторонней помощи сумела купить билет на прямой рейс Нью-Йорк–Москва.

– Знаете корейский магазин на Первой авеню? Она попросила сходить туда с ней. Померить на себя пальто. Это было только позавчера.

– Да, она говорила, что вы и ее друг примерно одного роста, – сказала Путтермессер.

– Я знал, что это подарок, но не знал, для кого. Она сказала, что для ее брата в Москве. Сказала, что отправит ему посылкой.

– У Лидии нет брата.

– Она с самого начала намеревалась уехать.

– Но не раньше, чем распродаст товар, – сказала Путтермессер.

– Эти куклы разлетались, как горячие пирожки. Она заработала на них долларов девятьсот, не говоря уже об остальном добре.

– Русское народное искусство. Ложки, платки.

– А значки с Лениным? Для пробы – как пойдет торговля.

– Зондирование рынка, – подтвердила Путтермессер.

– Она ушла из моего магазина, наверное, с двумя тысячами. Даже эта чудная книжка продана – знаете, наполовину английская, наполовину русская. Представляете, в спортивном магазине! Десятку за нее получила.

– Неужели словарь продала? – вскричала Путтермессер.

– Это вы ей предложили, нет? Она сказала, что вместо этого вы велели ей заниматься грамматикой. – Петр отпил и всхлипнул. – Мне так нравился ее русский выговор.

Они сидели в гостиной Путтермессер. Это тоже было в своем роде чаепитие, только в чашках налит был не чай, а спиртное. Петр принес бутылку водки, отпраздновать с Лидией месяц знакомства – ровно месяц назад она появилась в спортивном магазине «Албемарл».

Но Лидия была далеко отсюда над круглой Землей, летела на похороны Советского Союза.

На ковре валялись мятые пластиковые пакеты. Диван-кровать пребывал в том же состоянии, в каком его покинула Лидия: ворох подушек и перекрученных простынь. Под полупрозрачной пеленой рваных колгот стояли банки из-под «колы». Разнообразная косметика Лидии, лосьоны, лак для ногтей, лак для волос источали слабый запах, словно здесь прошло и оставило в воздухе след душистое привидение.

– Она даже не сказала, что уезжает, – жаловался Петр.

Путтермессер заглянула в чистые, влажные северодакотские глаза. Чистый американский парень: обморочили.

– Великий эксперимент, – сказала она и вылила оставшуюся водку в чашку бедного наивного Петра.

12. Письма

12 декабря

Уважаемая г-жа Путтермессер,

надеюсь, Вы простите мне это несколько неловкое вторжение. Ваша соседка сверху и моя старая приятельница Барбара Блаушильд любезно сообщила мне Ваше имя. Насколько я понял, Вы присутствовали на нашем вечере для сбора средств две недели назад в обществе той интересной молодой дамы, которая подняла шум, – Барбара говорит, что она Ваша родственница. Барбара сказала также, что отказалась от услуг этой молодой дамы из-за меня. (Она наняла ее, будучи движима состраданием.) Я очень ценю дружбу и верность Барбары, но она всегда была порывиста. (Мы сохраняем дружбу, несмотря на то что ее муж много лет со мной не разговаривает. Причина в том, что 100 лет назад, в Калифорнии, мы были в близких отношениях с Барбарой, и Билл не может этого пережить.)

Признаюсь (опять), что испытываю неловкость, обращаясь к Вам с просьбой. Дело в том, что на нашем собрании, когда эта молодая дама с русским акцентом поднялась в гневе – хотя едва ли понимала, о чем говорит, – я подумал, что хочу познакомиться с ней. Сложность в том, что Барбара, уволив ее, не желает с ней общаться. И я подумал, что, может быть, вы согласитесь мне помочь. (У меня слабость к рыжеволосым.)

Искренне Ваш,

Скайлер Хартстайн, магистр искусств,

редактор и издатель «Шхины».

15 декабря

Уважаемый г-н Хартстайн,

спасибо за письмо. Моя родственница вернулась в Советский Союз. Однако она оставила на крышке бачка в туалете некоторое количество косметики. Там не было ничего необычного или заслуживающего упоминания. Однако совсем недавно я нашла спрятанную под ее кроватью наполовину использованную бутылку с краской для волос.

Искренне Ваша,

Рут Путтермессер, юрист

Из Тель-Авива, на немецком (в неизбежно корявом переводе Путтермессер):

Отель Руаяль

23 июня

Liebe Ruth [\[10\]](#)

как видишь, под давлением обстоятельств я эмигрировала в *das Land, wo die Zitronen blu..h'n* [\[11\]](#) (Goethe). Я здесь всего два дня. Лидия теперь живет на Сахалине. Летом это не так тяжело. Она беременна шесть месяцев, и они с Володей (он ее друг с прошлого года) очень скоро пожениются. Он очень занят, начинает дело с другими энергичными молодыми людьми. Ты, вероятно, не знаешь, потому что до сих пор это хранилось в строгом секрете, но фермеры на Сахалине откопали несколько мамонтовых бивней эпохи палеолита. Володя намерен скупать бивни у местных жителей и перепродавать на Западе. Он и его коллеги только начинают, поэтому инвестиции не будут большими. Мне говорили, что эти бивни очень красивы и напоминают ископаемое дерево. Лидия несколько сомневается в их подлинности, но ты знаешь мою Лидию – такой скептик! Тем не менее она вложила в их предприятие все деньги, заработанные в Америке. Даже если бивни не подлинные, она считает, что их можно выдать за таковые потенциальным коллекционерам, потому что товар лицом продается.

Я рада, что она в безопасности на Сахалине, там ей безопасней, чем в Америке. Лидия сказала, что ее заставили посетить крайне опасное политическое собрание в Нью-Йорке, где у всех участников были ножи и пистолеты. Некоторые пистолеты стреляли. Жаль, что ты не уберегла ее от такого ужаса. Да еще до этого, она сказала, ее заставили ехать ночью куда-то далеко, и там женщина, служащая какой-то подозрительной и, возможно, секретной организации, принуждала ее подписать некие бумаги – видимо, с целью вербовки. Я с большим огорчением узнала такие подробности о твоей стране, особенно о ножах и пистолетах на собрании в великолепном зале, где люди, по словам Лидии, были хорошо одеты. А некоторые женщины, хотя и не все, элегантны, как Раиса Горбачева.

В тот вечер, когда я улетаю из Москвы, на нашей улице произошли беспорядки. Это потому, что распадается СССР. Некоторые говорят, что уже пробили похоронный колокол. [В оригинале: *das Tautengtla..ut ist schon geklungen* [\[12\]](#)] Хулиганы выкрикивали неприятные лозунги и были одеты в неприятную униформу; они разбили

много окон, но не носили (по крайней мере, открыто) пистолетов и ножей. Я благодарю Б-га, что Лидия, не захотев уехать сюда со мной, находится пока что на спокойном Сахалине. Кто знает, куда занесет ее в конце концов судьба? Она призналась мне, что ребенок, к сожалению, не от Володи, и была рада моему отъезду из СССР – боялась, что я открою Володе правду. Она уверяет меня, что ты, дорогая Рут, знаешь, кто отец, и что он милый молодой человек. А я всегда боялась, что Лидия забеременеет от кого-нибудь из спортсменов в ее команде. Но команда распущена – теперь больше нет официальных советских команд.

Я напишу тебе еще, когда немножко осмотрюсь на новом месте. Тем временем, пожалуйста, пиши мне *auf deutsch* ^[13] по этому адресу (это отель, используемый как пункт приема новых иммигрантов) и сообщи все, что знаешь об отце ребенка. Лидия говорит, что у него типичное русское имя и он зарабатывает на жизнь торговлей иконами (но это, конечно, только репродукции). Где она в Америке откопала такую личность?

Твоя новообретенная сестра

Женя

Перевод с английского Виктора Гольшева

[1] Mother wit – природный ум, здравый смысл (англ.).

[2] Sky – небо (англ.).

[3] Артур Рубинштейн (1887–1982) – польский пианист. С 1937 года – в США.

[4] Мария Каллас (1923–1977) – греческая певица (сопрано).

[5] Юта Хейген (1919–2004) – американская актриса.

[6] «Они бесславно канут в Лету, / Непризнанны и невоспеты!» Вальтер Скотт. Песнь последнего менестреля. Пер. Т. Гнедич.

[7] Мелатонин – гормон, выделяемый шишковидным телом мозга, является регулятором сна.

[8] Граучо Маркс (1890–1977) – американский актер, один из знаменитого комедийного трио братьев Маркс.

[9] «О нас, о горсточке счастливых...» – из речи короля Генриха V перед битвой при Азинкуре. У. Шекспир. Генрих V. Акт 4, сцена 3.

[10] Дорогая Рут (нем.).

[11] «[...Ты знаешь] край, лимоны там цветут». Гёте. Миньона. Пер. С. Шервинского.

[12] [Приблизительно]: Оттепелый [вместо похоронный] звон уже прозвучал (нем.).

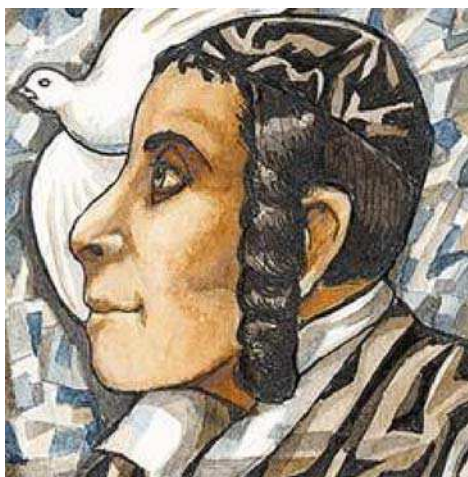
[13] По-немецки (нем.).

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Исаак Башевис Зингер

СКАЗОЧНИК НАФТАЛИ И ЕГО КОНЬ СУС

1.

И отец, Зелиг, и мать, Броня, жаловались, что их сын Нафтали слишком уж любит разные истории. Засыпал он только после того, как мать ему что-нибудь расскажет. Бывало, ей приходилось рассказать ему две-три истории, и только тогда он наконец закрывал глаза. Он всегда требовал:

– Еще, мама, еще!

К счастью, Броня знала много историй – от своих матери и бабки. Да и Зелигу – он зарабатывал на жизнь возницей – было что рассказать: про духов, которые прикидывались седоками, или про бесов, которые пробирались по ночам в конюшни и скручивали в жгуты конские хвосты и сбивали в колтуны гривы. Но пожалуй, самая лучшая его история описывала случай, который произошел с Зелигом, когда он был совсем молодым и неопытным кучером.

Как-то летним вечером Зелиг возвращался домой из Люблина порожняком. Так уж случилось, что он не нашел в Люблине никого, кому надо было ехать в его родной город Янов. Дорога шла через лес. Полная луна накинута серебряную сеть на ветви сосен и развесила жемчужные нити по стволам деревьев. Ухали ночные птицы. В те времена в польских лесах еще водились медведи, волки, лисы, куницы и много другого зверья. На душе у Зелига было тяжело: когда места в его повозке пустовали, кошелек тоже оставался пустым, а значит, Броне не на что было купить еды, чтобы справить субботу.

И тут Зелиг увидел посреди дороги мешок – то ли с мукой, то ли с сахарным песком. Он осадил лошадь и слез с облучка посмотреть, что там. Мешок муки или сахара в хозяйстве всегда пригодится.

Зелиг развязал мешок, запустил в него руку, лизнул – и решил, что там сахарный песок. Мешок оказался на редкость тяжелым. Зелиг привык таскать багаж своих пассажиров и удивился, что мешок сахара такой неподъемный.

«Видно, я мало поел в трактире», – решил Зелиг. А когда мало ешь, у тебя и сил не хватает.

Он погрузил мешок в повозку и едва не надорвался.

Потом Зелиг забрался на облучок и натянул поводья, но лошадь даже с места не тронулась.

Зелиг еще сильнее потянул поводья и крикнул:

– Wyszta! – что по-польски значит «Н-но!».

Лошадь старалась, как могла, но повозка осталась на месте.

«Это что ж такое? – удивился Зелиг. – Неужто мешок так тяжел, что и лошади не под силу?»

Такого быть не могло – лошадь возила повозку с пассажирами и их багажом.

– Здесь что-то не так, – сказал себе Зелиг. Он снова слез с облучка, развязал мешок и еще раз лизнул содержимое. Г-сподь Всемогущий! Мешок был полон не сахара, а соли!

Зелига это огорошило. Как он мог так ошибиться? Он лизнул еще и еще – это точно была соль.

– Ну и вечерок выдался! – пробормотал Зелиг.

Он решил выкинуть мешок из повозки – дело ясное, это его злые духи дурачили. Но мешок стал как свинцом налитый.

Лошадь обернулась назад – словно ей было любопытно, что такое творится.

И вдруг Зелиг услышал из мешка хохот. Тут мешок зашевелился, и из него выскочило существо с глазами быка, рогами козла и крыльями как у летучей мыши. Существо сказало человеческим голосом:

– Ты лизал не соль и не сахар, а хвост беса!

С этими словами бес оглушительно захохотал и улетел.

Кучер Зелиг десятки раз рассказывал эту историю Нафтали, и мальчик готов был слушать ее снова и снова. Он представлял себе и лес, и серебристую луну, и удивленные глаза лошади, и беса. Нафтали засыпал отца вопросами. Была ли у беса борода? А ноги? Какой у него был хвост? Куда он улетел?

Зелиг не мог ответить на эти вопросы. Он тогда так перепугался, что никаких подробностей не запомнил. Однако на последний вопрос Зелиг отвечал:

– Он, видно, полетел в Темные земли, где люди не ходят и скот не пасется, где небо из меди, а земля из железа и где злые силы живут в домах, крытых окаменевшими поганками, и в подземных ходах, из которых ушли кроты.

2.

Как и все дети в этом местечке, Нафтали рано вставал и шел в хедер. Он учился гораздо усерднее остальных учеников. Почему? Да потому, что Нафтали мечтал поскорее научиться читать. Он видел, как мальчики постарше читают сказки, и завидовал им. Это такое счастье – самому прочитать сказку из книги.

В шесть лет Нафтали уже мог читать на идише и с тех пор читал все сказки, которые ему попадались. Два раза в год в Янов приезжал книготорговец реб Звулун, и у него в мешке среди прочих книг обязательно были сказки. Стоили они по два гроша, и, хотя Нафтали получал от отца только два гроша карманных денег в неделю, ему удавалось скопить достаточно, чтобы закупить себе сказок. Еще он читал из маминого Пятикнижия на идише и из ее сборника нравоучительных историй.

Когда Нафтали подрос, отец стал учить его, как обращаться с лошадьми. В те времена было принято, чтобы сын занимался тем же делом, что и отец. Нафтали очень любил лошадей, но не стремился стать кучером и возить пассажиров из Янова в Люблин и из Люблина в Янов. Он хотел стать книготорговцем с мешком сказок.

Мать говорила ему:

– Что хорошего в жизни книготорговца? От тяжелого мешка спина горбится, от ходьбы ноги пухнут.

Нафтали понимал, что мать права, и много думал, чем ему заниматься, когда вырастет. И наконец придумал план, который показался ему и простым, и разумным: он решил обзавестись лошадью и повозкой, чтобы книги не на спине таскать, а возить.

На это его отец, Зелиг, сказал:

– Книготорговцу не заработать столько, чтобы хватило содержать себя, семью да еще и лошадь.

– Мне хватит, – ответил Нафтали.

Как-то раз, когда в местечко опять пришел реб Звулун, Нафтали заговорил с ним. Он спросил, откуда реб Звулун берет книги сказок и кто их пишет. Звулун сказал, что в Люблине есть печатник, который эти книги печатает, а в Варшаве и Вильно живут писатели, которые их сочиняют. Книготорговец сказал, что мог бы продавать куда больше сказок, но у него нет сил ходить по всем деревням и местечкам, да и выгоды от этого не будет.

– Я могу оказаться в местечке, где всего двое-трое детей, которым интересно читать сказки. Но мне нет выгоды из-за нескольких грошей идти туда, а тем более держать лошадь или нанимать повозку.

– Как же эти дети живут без сказок? – спросил Нафтали.

И реб Звулун ответил:

– Уж как придется. Сказки не хлеб. Без них можно прожить.

– Я бы не смог, – сказал Нафтали.

Еще Нафтали спросил, откуда сочинители берут свои сказки.

– Во-первых, – ответил ему реб Звулун, – в мире творится много удивительного. Не проходит ни дня, чтобы не случилось что-то необыкновенное. А еще есть писатели, которые придумывают сказки.

– Сами придумывают? – изумился Нафтали. – Выходит, они вруны?

– Они не вруны, – ответил торговец. – Человеческий мозг не в состоянии ничего придумать. Бывает, я прочитаю историю – совсем невероятную, а потом прихожу куда-нибудь и узнаю, что все это происходило на самом деле. Ведь мозг создан Б-гом, и человеческие мысли и фантазии тоже создал Б-г. Даже сны – от Б-га. Что не случилось сегодня, может запросто случиться завтра. Не в одной стране, так в другой. Существует бесчисленное множество миров, и то, что не произошло на Земле, может произойти в другом мире. Если у тебя есть глаза, которые видят, и уши, которые слышат, ты можешь собирать историй на всю жизнь и рассказывать их своим детям и внукам.

Так говорил старый реб Звулун, и Нафтали слушал его слова разинув рот.

А потом сказал:

– Когда я вырасту, то буду ездить по всем городам, селам и деревням и продавать сказки, пусть даже мне не будет от этого выгоды.

Нафтали и еще кое-что решил: стать сочинителем сказок. Он отлично понимал, что для этого нужно учиться, и мечтал выучиться как следует. Кроме того, он стал внимательнее прислушиваться к тому, что говорят люди, какие истории они рассказывают и как.

У каждого человека была своя манера говорить. Нафтали хорошо запомнил такие слова книготорговца:

– День прошел, и нет его. Что от него осталось? Только то, что рассказывают. Если бы никто не рассказывал историй и не писал книг, люди бы жили как животные – одним днем.

А еще реб Звулун сказал:

– Сегодня мы живем, а завтра сегодняшней день превратится в рассказ, историю. Весь мир, вся человеческая жизнь – это одна очень длинная история.

3.

Прошло десять лет, Нафтали стал юношей – высоким, худым и бледным, с черными волосами и голубыми глазами. Он многому научился в хедере и ешиве, а еще отлично научился обращаться с лошадьми. Кобыла Зелига родила жеребенка, и Нафтали его вырастил и воспитал. Назвал он его Сусом. Сус был игривым жеребенком. Летом любил покататься по траве. Ржание его напоминало звон колокольчиков. Бывало, когда Нафтали чистил его скребницей и щекотал шею, Сус издавал звуки, напоминавшие смех. Нафтали ездил без седла, как казак. Когда Нафтали верхом на Сусе ехал на базар, все девушки местечка принимали к окнам.

Со временем Нафтали соорудил повозку. Колеса он заказал у кузнеца Лейба. Нафтали погрузил в повозку все книжки со сказками, которые собрал за долгие годы, и поехал со своим товаром по соседним местечкам. Он купил кнут, но дал себе клятву, что никогда им не воспользуется. Ему не было нужды бить Суса или даже замахиваться на него. Повозку с книгами конь вез легко и с охотой. Нафтали редко садился на козлы, обычно шел рядом с жеребцом и рассказывал ему сказки. Когда Нафтали разговаривал с Сусом, тот напрягал уши, и Нафтали точно знал, что конь его понимает. Бывало, Нафтали спрашивал Суса, нравится ли ему сказка, и Сус с тихим ржанием бил копытом оземь или лизал Нафтали в ухо, словно говорил: «Я тебя понимаю...»

Реб Звулун, бывало, говорил ему, что животные живут одним днем, но Нафтали был убежден, что у них есть память. Сус часто помнил дорогу лучше, чем сам Нафтали. Нафтали рассказывали про пса, который потерялся во время далекого путешествия, и

хозяин вернулся домой без своего любимца, однако через несколько месяцев пес пришел сам. Он пробежал пол-Польшы, чтобы найти хозяина. Похожую историю Нафтали слышал и про кошку. Все знают о голубях, которые возвращаются в родную голубятню из самых далеких мест. В те времена их часто использовали как письмоносцев. Кто-то считал это памятью, кто-то называл инстинктом. Да какая разница, как это называть? Важно, что и животные не одним днем живут.

Нафтали ездил из местечка в местечко, останавливался то тут, то там и торговал своими книжками. Ребятишки любили Нафтали и его коня Суса. Они приносили Сусу из дома всякую всячину – картофельные очистки, репу, сахар, и всякий раз, принимая угощение, Сус махал хвостом и наклонял голову – благодарил.

Не все дети имели возможность ходить в школу и учиться читать, и Нафтали часто собирал ребятишек, сажал к себе в повозку и рассказывал им то истории из жизни, то сказки.

Везде, где Нафтали бывал, он собирал истории про демонов и чертей, про ветряные мельницы, про великанов и карликов, про королей, принцев и принцесс. Рассказывал он замечательно, со всеми подробностями, и дети были готовы слушать его часами напролет. Даже взрослые приходили послушать истории Нафтали. Они часто приглашали его домой – поесть, переночевать. И для Суса корм всегда находился.

Когда человек занимается своим делом не только ради денег, но и с любовью, он и в других людях пробуждает любовь. Если ребенку не на что было купить книжку, Нафтали отдавал ее, не требуя платы. Скоро его знала уже вся округа. И вот наконец он добрался до Люблина.

В Люблине Нафтали рассказали много удивительных историй. Он повстречал великана семи футов ростом – тот разъезжал с цирком и с труппой карликов. В цирке Нафтали увидел лошадей, танцевавших под музыку, и медведей, которые тоже умели танцевать. Один циркач проглотил нож и тут же его выплюнул, другой делал сальто на проволоке, третий летал с одной трапеции на другую. Видел Нафтали и как лошадь носилась по кругу, а в седле стояла девушка. Нафтали легко сдружился с циркачами и наслушался от них всяких занимательных историй. Они рассказывали про индийских факиров, которые ходят босиком по горящим углям. И про людей, которых хоронят заживо, а через несколько дней откапывают – целых и невредимых. Нафтали услышал поразительные рассказы о чародеях и кудесниках, которые умеют читать мысли и предсказывать будущее. Он повстречал старика, который пешком добрался из Люблина в Землю Израиля и вернулся назад. Старик рассказал ему о каббалистах, которые живут в пещерах под Иерусалимом и постятся от субботы до субботы: им ведомы тайны Г-спода, ангелов, серафимов, херувимов и священных животных.

В мире было множество чудес, и Нафтали страстно захотелось записать эти истории и распространить повсюду – во всех больших и малых городах и местечках.

В Люблине Нафтали обошел книжные лавки и накупил сказок, однако понял, что их недостаточно. В книжных лавках ему объяснили, что печатникам такие книжки делать невыгодно – они приносят слишком мало денег. Но разве можно все мерить деньгами? Повсюду было множество детей и даже взрослых, которым хотелось слушать сказки, и Нафтали решил рассказать все, что узнал. Ведь сам он был готов слушать их бесконечно.

4.

Шли годы. Родители Нафтали умерли. Многие девушки влюбились в Нафтали и мечтали выйти за него замуж, но он понимал, что, рассказывая сказки и торгуя книжками, семью не прокормишь. Да и к бродячей жизни он привык. Разве Нафтали мог бы столько услышать и рассказать, живи он в одном месте? Поэтому он решил, что так и будет разъезжать по свету. Обычно лошади живут лет двадцать, но Сус оказался из редкой породы долгожителей. Однако никто не живет вечно. К сорока годам Сус стал сдавать. Он уже редко шел галопом, да и зрение у него ослабло. Нафтали и сам поседел, и дети называли его дедушкой.

Нафтали как-то рассказали, что где-то между Варшавой и Люблином есть поместье, куда заглядывают все книготорговцы, поскольку хозяин – большой любитель чтения и всяких историй. Нафтали спросил, как туда добраться, и ему объяснили дорогу. И вот однажды весной он приехал в это поместье. Все оказалось ровно так, как ему и рассказывали. Владелец поместья реб Фалик встретил его радушно и накупил множество книг. Дети из соседнего местечка уже слыхали про Нафтали-сказочника и расхватили все сказки, которые он привез. У хозяина поместья было много лошадей, и Суса они приняли как своего. Сус тут же принялся щипать траву на лугу, пестревшем желтыми цветами, а Нафтали стал рассказывать Фалику сказку за сказкой. Дни стояли теплые, и птицы пели, щебетали и чирикали каждая по-своему.

В поместье была полоска леса, где росли старые дубы. Особенно поразил Нафтали дуб, стоявший посреди луга. Такого могучего дерева Нафтали еще не встречал. Корни его расплзлись во все стороны и, видно, ушли глубоко в землю. Нафтали посмотрел на этот гигантский дуб, должно быть, самый старый в округе, и подумал: «До чего жаль, что у дуба нет рта и ему нечем рассказывать сказки!»

Этот дуб пережил не одно поколение. Быть может, он рос еще в те далекие времена, когда в Польше жили идолопоклонники. И уж наверняка застал то время, когда из немецких княжеств гонимые евреи перебрались в Польшу, куда их пустил король Казимир I. Нафтали вдруг понял, что устал от бродячей жизни. Теперь он завидовал дубу, который так долго простоял на одном месте, крепко укоренившись на Б-жьей земле. Впервые в жизни Нафтали испытал острое желание остаться на месте. Подумал он и о своем коне. Он-то уж точно устал таскаться по дорогам. Хорошо бы и Сусу провести остаток жизни в покое.

Нафтали стоял и размышлял, и тут показалась двуколка, в которой сидел хозяин поместья реб Фалик. Он остановился рядом с Нафтали и сказал:

– Вижу, ты весь в раздумьях. Расскажи, о чем твои мысли.

Нафтали хотел было сказать Фалику, что в голове человека проносится множество глупых мыслей и не все из них можно выразить словами. Но подумал и решил: скажу-ка я правду. Реб Фалик казался человеком добросердечным. У него была серебристая борода, и в глазах читались мудрость и великодушие, которые, бывает, приходят с возрастом.

– Если у вас хватит терпения выслушать, я расскажу, – отозвался Нафтали.

– Терпения у меня хватит. Забирайся в двуколку. Я еду покататься и хочу послушать, о чем думает человек, славный своим умением рассказывать сказки.

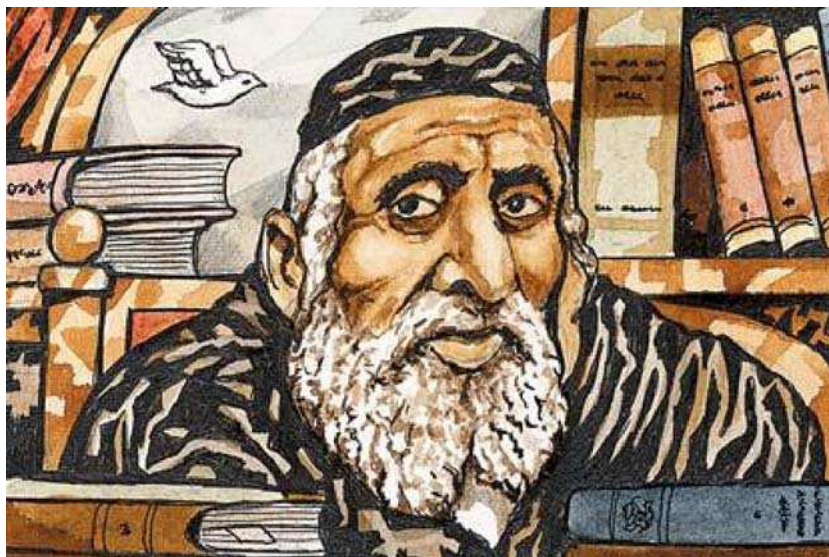
Нафтали сел в повозку. Лошади шли шагом, и он рассказал Фалику историю своей жизни и о том, какие мысли посетили его, когда он увидел гигантский дуб. Рассказал все, ничего не утаил.

Когда Нафтали закончил, реб Фалик сказал:

– Дорогой Нафтали, я легко могу исполнить все твои желания и мечты. Как видишь, я уже стар. Жена моя умерла. Дети живут в больших городах. Я люблю слушать всякие истории и сам могу много чего рассказать. Если захочешь, я разрешу тебе построить дом в тени этого дуба, ты можешь жить там, пока я не умру и пока ты не умрешь. Я велю построить рядом с домом конюшню, и вы с конем обретете мир и покой. Ты прав: нельзя бродяжничать вечно. Наступает время, когда человеку хочется осесть на одном месте и наслаждаться всеми его радостями.

Нафтали, услышав эти слова, несказанно обрадовался. Он стал благодарить хозяина поместья, но реб Фалик прервал его:

– Незачем меня так благодарить. У меня много крестьян, много слуг, а человека, с которым бы я мог поговорить, рядом со мною нет. Мы с тобой станем друзьями и будем рассказывать друг другу всякие истории. В конце концов, что есть жизнь? Будущее еще не наступило, и мы не ведаем, что оно принесет. Настоящее – всего лишь миг, а прошлое – это долгая-предолгая история. Те, кто не рассказывает историй и не слушает их, живут одним мигом, а этого недостаточно.

5.

Обещания Фалика оказались не пустыми словами. Уже на следующий день он велел своим людям построить жилье для Нафтали-сказочника. В поместье не было недостатка ни в дереве, ни в мастерах-строителях. Нафтали, посмотрев чертежи будущего дома, забеспокоился. Ему всего-то нужны были домик для себя и конюшня для Суса. А на чертежах был большой дом со множеством комнат. Нафтали спросил Фалика, почему ему строят такой большой дом, и тот ответил:

– Тебе понадобится.

– Зачем? – спросил Нафтали.

Со временем все выяснилось. Реб Фалик за свою жизнь собрал множество книг – столько, что им не хватало места даже в его огромном доме, и часть книг хранилась в подвале и на чердаке. А Нафтали в беседах с ним упоминал, что записал множество сказок – как своих, так и услышанных от других людей – и у него набрался целый сундук рукописей, но напечатать он их не мог, поскольку печатники в Люблине и других больших городах просили за работу большие деньги, а в Польше покупателей на сказки находилось немного, и эти расходы не окупались.

Рядом с домом Нафтали реб Фалик построил типографию. В Люблине он заказал рамы для набора и шрифты (в те времена наборных машин не было) и ручной печатный станок, чтобы Нафтали мог сам набирать и печатать свои сказки. Узнав об этом, Нафтали ушам своим не поверил.

– Я слышал великое множество удивительных историй, – сказал он, – но эта – самая прекрасная из всех.

Тем же летом все было готово – и дом, и библиотека, и типография. Зима случилась ранняя. Сразу после праздника Кущей пошли дожди, а там и снег выпал. Зимой в поместье дел немного. Крестьяне сидели по своим хижинам, грелись у печек или ходили в кабачок. Реб Фалик и Нафтали проводили вместе много времени. Реб Фалик и сам был кладезем всяческих историй. Он встречался со многими знаменитыми вельможами. В свое время он побывал на ярмарках в Гданьске, Лейпциге и Амстердаме. Он даже съездил на

Святую землю, побывал у Стены Плача, в пещере Махпела и на могиле Рахили. Реб Фалик рассказывал свои истории, а Нафтали их записывал.

Конюшня Суса была построена не на одного коня. В поместье оказалось много лошадей, которые уже были слишком стары для работы, так что Сус не остался в одиночестве. Бывало, Нафтали зайдет посмотреть, как там его любимый Сус, а тот стоит, склонив голову к лошади слева или справа, и Нафтали чудилось, что его конь то слушает истории других лошадей, то молча рассказывает им свою. Да, лошади говорить не умеют, но Б-жьи создания умеют изъясняться и без слов.

Той зимой Нафтали записал много рассказов – и своих, и тех, что услышал от Фалика. Он набрал их и отпечатал на ручном станке. Иногда, когда снег серебрился в лучах солнца, Нафтали впрягал Суса и еще одну лошадь в сани и ехал в соседние местечки – там он свои книги продавал, а тем, у кого не было денег, – раздавал даром. Порой с ним ездил и реб Фалик. Они ночевали на постоянных дворах и проводили время в беседах с купцами, помещиками и хасидами, которые ехали навестить своих мудрецов. У каждого было что рассказать, и их истории Нафтали либо записывал, либо запоминал.

Незаметно промелькнула зима. На Песах в поместье приехали сыновья, дочери и внуки Фалика, и Нафтали вдоволь наслушался удивительных рассказов про Варшаву, Краков и даже про Берлин, Париж и Лондон. Правители всё больше воевали, а ученые совершали всевозможные открытия и делали удивительные изобретения. Астрономы находили всё новые звезды, планеты, кометы. Археологи раскапывали древние города. Химики открывали новые элементы. Во всех странах прокладывали железные дороги, строили музеи, библиотеки и театры. Историки отыскивали труды прошлых поколений. Писатели рассказывали, как живут люди в их странах. Человечество не могло и не хотело забыть прошлое. История мира обростала все новыми подробностями.

Весной случилось то, чего Нафтали ждал и боялся. Сус заболел и перестал есть. Солнце светило, Нафтали выводил Суса на зеленый луг, усеянный цветами. Сус садился на солнышке, смотрел на траву и цветы, и только. Взгляд его был неподвижен и спокоен, так смотрят те, кто отжил свой век и готов закончить свою земную историю.

Однажды Нафтали зашел проведать своего любимца и обнаружил, что Сус мертв. Нафтали не смог сдержать слез – Сус ведь был частью его жизни.

Нафтали выкопал неподалеку от старого дуба могилу для Суса и похоронил его. В холм над могилой он воткнул кнут, которым так никогда и не воспользовался. Кнутовище у него было дубовое.

К своему несказанному удивлению, через несколько недель Нафтали заметил, что кнутовище зазеленело. Оно пустило корни в землю, где лежал Сус, а потом появились первые листочки. Над Сусом стало расти дерево, новый дуб, который черпал силы из могилы Суса. Со временем дуб раскинул ветви, на которых пели и вили гнезда птицы. Нафтали не мог поверить, что в старой палке нашлись силы для роста. Он счел это чудом. Когда ствол набрал достаточно мощи, Нафтали вырезал на коре имя Суса и даты его рождения и смерти.

Да, все существа умирают, но история мира на этом не заканчивается. Вся Земля, все звезды, планеты и кометы представляют собой часть единой Б-жественной истории, один источник жизни, бесконечный и удивительный рассказ, который во всей полноте знает только Г-сподь.

Через несколько лет умер реб Фалик, а еще через несколько лет умер и Нафтали-сказочник. К тому времени он стал знаменит не только во всей Польше, но и в других странах. Перед смертью Нафтали попросил, чтобы его похоронили под молодым дубом, что вырос на могиле Суса и чьи ветви касались ветвей дуба старого. На надгробном камне Нафтали высечены слова из Писания:

Любезные и согласные в жизни своей,

Не разлучились и в смерти своей

ЦИРЦУР И ПЕЗИЗА

В темном углу между печкой и стеной, там, где хозяйка держала метлы, швабры и ухваты, жила Пезиза – бесенок-сиротка. Был у нее на всем белом свете один друг – сверчок Цирцур. Он тоже обустроил себе жилье за печкой, в щели между двумя кирпичами. Бесам есть вообще не нужно, а вот как Цирцур ухитрялся выжить – загадка. Видно, ему хватало запаха свежего хлеба, крупинки муки, занесенной сквозняком за плиту, капли влаги в воздухе. Как бы то ни было, на отсутствие еды Цирцур Пезизе никогда не жаловался. Он целыми днями дремал, а когда наступал вечер, просыпался и принимался стрекотать – рассказывать истории, – и так порой всю ночь напролет.

Пезиза никогда не видела своего отца беса Лантуха. Некогда в него влюбилась ее мать, Паштида, которая происходила из богатой семьи. Она часто рассказывала Пезизе о мире за плитой, об их родственниках – чертях, гномах, домовых, об их трюках и каверзах. Но все равно, если всю жизнь сидишь за печкой, то о происходящем в мире почти ничего не знаешь, а Пезиза была ужасно любопытна – эту черту она, вне всякого сомнения, унаследовала от родителей. И пока Цирцур стрекотал свои бесконечные истории, Пезиза мечтала о бесовских приключениях.

Бывало, Пезиза просила Цирцура рассказать, каково там, снаружи, и он отвечал:

– Мама мне рассказывала, что там – сплошные напасти. Дует ледяной ветер, и жестокие существа пожирают друг друга.

– Тем не менее, – задумчиво говорила Пезиза, – я бы очень хотела хоть одним глазком посмотреть, как там живут бесы.

Судьба именно так и распорядилась.

Однажды что-то громко застучало и загрохотало. Печь вздрогнула, посыпались кирпичи. Пезиза в панике порхала вверх-вниз. Оказывается, хозяева решили переделать печку. Весь день стоял грохот, и наши бедняжки до вечера просидели, прижавшись друг к другу. Когда рухнул кусок стены, Цирцур воскликнул:

– Если мы не выберемся отсюда, непременно погибнем!

Одна щель была сквозная. Они проползли через нее и оказались на заднем дворе, на лужайке среди кустов и деревьев. Пезиза и Цирцур впервые в жизни дышали свежим воздухом.

Как прекрасно было снаружи! Огромное небо, луна, звезды. Упала роса. Стрекотали мириады сверчков. Звенели, совсем как Цирцур.

– Я вырою себе ямку, – сказал Цирцур, – потому что после восхода солнца мне нельзя оставаться без укрытия.

– И меня мама предупреждала насчет солнца, – подхватила Пезиза. – Но мне ямки в земле не хватит. Вон в том дереве есть дупло. В нем-то я и проведу день.

– Главное – чтобы мы друг друга не потеряли! – воскликнул Цирцур. – Я вырою ямку у корней твоего дерева.

Цирцур тотчас принялся копать. За работой он говорил с Пезизой:

– Летом снаружи не так опасно. А вот зима для сверчков суровое время. Становится холодно, и землю покрывает нечто под названием «снег». Мало кто из сверчков выживает в такую погоду.

– Ты не против, если я осмотрюсь тут, пока ты работаешь? – спросила Пезиза.

– Ты же можешь заблудиться!

– Далеко я не полечу. И дерево это узнаю. Оно выше остальных.

Цирцур уговаривал Пезизу не улетать. Однако любопытная Пезиза еще не была готова уgomониться в дупле. Слишком уж ей хотелось увидеть все новое, что было вокруг. Она улетела и присела отдохнуть на крыше. «Вот уж не знала, что я так здорово летаю», – подумала она. И тут она услышала, что кто-то ее зовет. Она посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, и увидела беса, пристроившегося на флюгере. Хотя Пезиза прежде никогда не встречала других бесов, кроме своей матери, она сразу поняла, что этот бес – юноша. У него были две пары крыльев и прозрачные рожки.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Пезиза так изумилась, что на мгновение лишилась дара речи. А потом выговорила:

– Пезиза.

– Пезиза? А меня зовут Пазиз.

– Тебя правда так зовут или ты шутишь?

– Зачем мне шутить? Это мое имя. Может, мы с тобой родственники. Полетели?

Пазиз спрыгнул с флюгера и кубарем скатился по крыше к Пезизе. Он взмыл вверх, и она полетела за ним, сама удивляясь тому, что ей совсем не страшно. Ночь была полна призрачных существ – бесов, привидений, домовых. Один отплясывал на печной трубе, другой съезжал по водостоку, третий катался на флюгере как на карусели, четвертый карабкался по фонарному столбу. Пазиз летел так быстро, что у Пезизы закружилась голова, но она все равно не отставала. Они летели над полями, лесами, реками, озерами, деревнями и городами. По пути Пазиз развлекал Пезизу историями о разрушенных замках, разоренных мельницах и заброшенных домах. Как огромен был мир! Как чудесна ночь! Как бесконечны дороги! Пезиза так летела бы и летела, но она знала, что с первым криком петуха и восходом солнца любой бес должен спрятаться. А еще она соскучилась по Цирцуру.

– Где мы? – спросила она. – Хорошо бы мне узнать свое дерево.

– Деревьев тут полно, – заметил Пазиз.

– Да, но меня ждет друг, сверчок Цирцур.

– Что это за дружба такая, беса со сверчком?

– Мы с ним всегда были вместе. Я жить без него не могу, – ответила Пезиза.

– Ну, тогда ладно. Я доставлю тебя туда, где мы познакомились.

Они и так летали быстро, но возвращались еще быстрее. Даже в своих мечтах Пезиза не могла вообразить такого умного и отважного беса, каким оказался Пазиз. В отличие от нее он не сидел всю жизнь за печкой. Каждый день он находил новое место для отдыха, а по ночам летел куда пожелает. И обзавелся множеством друзей.

Наконец показалась та самая крыша, где встретились Пазиз и Пезиза, и она узнала свое дерево. К ее удивлению, приземлившись, она обнаружила, что и Цирцур не один. С ним был другой сверчок. Цирцур тоже нашел себе друга, и этот новый сверчок помогал ему рыть домик.

– Ты где была? – крикнул Цирцур, увидев Пезизу. – Я боялся, что ты потерялась.

– Я бы ни за что не нашла дорогу назад, если бы не Пазиз, – ответила она и представила беса Цирцуру.

– Как видишь, – вежливо прострекотал Цирцур, – я тоже нашел подругу. Ее зовут Гриллида.

У Судьбы всегда припрятан сюрприз в рукаве. Когда Пезиза и Цирцур поневоле оставили свой дом за печкой, они думали, что их конец близок. Но у сил, правящих миром, были иные планы. Пезиза и Цирцур обрели не напасти, а Пазиза и Гриллиду. Вскоре обе пары так привязались друг к другу, что стали неразлучны и довольно быстро поженились согласно обычаям бесов и сверчков.

Пока не кончилось лето, они наслаждались жизнью на свежем воздухе. Пазиз и Пезиза по ночам летали по округе и даже добрались до большого города – Люблина. Цирцур и Гриллида развлекали друг друга всякими историями. Когда наступал день, сверчки устраивались в гнездышке, которое вырыли, а бесы спали в дупле дерева.

Ночи становились все прохладнее. С реки поднимался туман. Все реже квакали лягушки. Лишь изредка слышались песни сверчков. Цирцур с Гриллидой жались друг к другу, чтобы согреться. Порой по ночам шел дождь, сверкала молния, гремел гром. Пазиз и Пезиза не страдали от холода, но у них были свои неприятности. Во-первых, им было жалко друзей – сверчков. Во-вторых, дерево, в котором они жили, стояло неподалеку от синагоги, и каждый день их терзали звуки бараньего рога. Всякий раз, услышав трубящий рог, Пезиза начинала дрожать и плакать.

Как-то вечером Пезиза заметила, что из трубы той печи, за которой они с Цирцуром некогда жили, идет дым. Печь переделали, и она снова заработала. Четверо друзей собрались на совет и решили попытаться устроиться за этой печкой на зиму. Пезизе с Пазизом пробраться туда труда не составляло. Они могли бы влететь в дом через окно или через дымоход – когда печку не топили. А для Цирцура и Гриллиды это было бы долгое и трудное путешествие. Однако с помощью бесов сверчки проделали путь к старому месту между печкой и стеной.

Дни становились короче, а ночи длиннее. Снаружи то лил дождь, то шел снег. Ударили морозы, но за печкой было темно, тепло и пахло хлебом, пирогами и запеканкой. Хозяйка часто сушила в печи лапшу и пекли яблоки. На кухне хозяйка и ее дочери ошипывали кур и рассказывали истории про привидения, домовых и бесов. Пезиза с Цирцуром провели столько времени, слушая людей в доме, что научились понимать человеческий язык.

И давно уже знали, что – подобно сверчкам и бесам – люди тоже мечтают о любви и счастье.

Цирцур и Гриллида больше не покидали своего гнездышка, а вот Пазиз с Пезизой часто вылетали через дымоход размять крылышки и насладиться приключениями в мире нечистой силы. Всякий раз, возвращаясь, они приносили друзьям-домоседам новые истории. Бывали истории веселые и озорные, бывали страшные и ужасные, но все они доставляли сверчкам удовольствие, и Цирцуру было о чем пострекотать с Гриллидой долгими зимними вечерами.

Перевод с английского Веры Пророковой

В издательстве «Текст/Книжники» в новой серии «Кешет/Радуга» в ближайшее время выйдет в свет книга И.Б. Зингера «Рассказы для детей».

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ И СИОНИЗМ: ИСТОРИЯ МЕТАНИЙ

Станислав Кожеуров, Иван Фадеев, Алек Д. Эпштейн

Недавно в США и Великобритании увидели свет две книги, посвященные проблеме взаимоотношений Уинстона Черчилля с еврейским национальным движением: монография выпускника Гарварда Майкла Маковского «Черчилль и Земля Обетованная: сионизм и политика»[\[1\]](#) и работа выдающегося английского историка Мартина Гилберта «Черчилль и евреи»[\[2\]](#). Кроме того, на русском языке была издана биография Черчилля работы профессора Иерусалимского университета Нормана Роуза[\[3\]](#).

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. 1950 год

Казалось бы, сколько можно? О Черчилле написано, кажется, больше, чем о каком-либо другом государственном деятеле во всей истории человечества. Однако появление этих книг оправдано как минимум по трем причинам.

Во-первых, в наши дни многим свойственна романтизация Черчилля. Он предстает как непреклонный национальный лидер и гарант соблюдения демократических норм в эпоху, когда эти нормы были повсеместно попораны. Таким образом, он оказывается едва ли не воплощенной мечтой, доказывая личным примером, что демократически избранный политик может быть не продажным политиканом, а ответственным государственным деятелем, готовым и к тому, что общество может ему в доверии отказать (как это случилось в 1945 году). Имеет смысл задаться вопросом, насколько последовательным и непреклонным был Черчилль на самом деле, не отличала

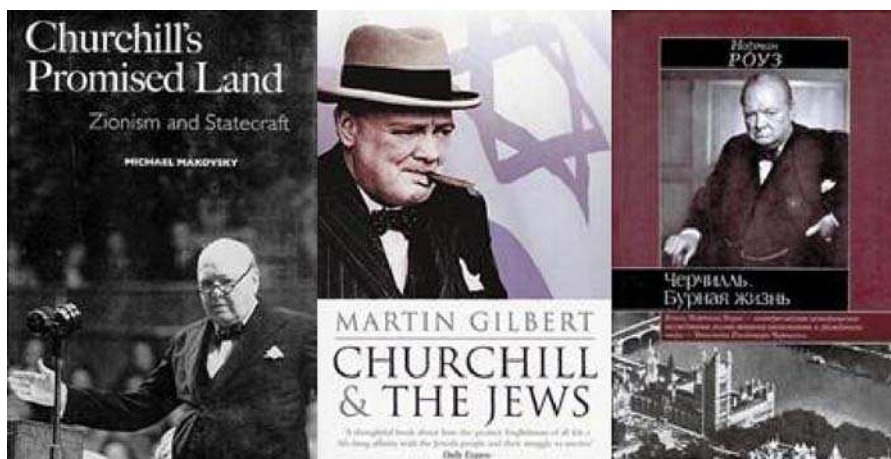
ли его действия зигзагообразность, свойственная тем политикам, которым его имя постфактум противопоставляется?

Во-вторых, неурегулированность арабо-израильского конфликта заставляет нас критически рассмотреть деятельность Черчилля, бывшего министром колоний как раз в то время, когда Британия пришла на Ближний Восток и овладела, в частности, Палестиной. Какое наследие оставила там Британская империя, что могли сделать и что реально делали ее представители в этом полном противоречий регионе, когда Черчилль был членом (и даже главой) правительства либо влиятельным лидером оппозиции?

В-третьих, неослабевающий интерес к истории второй мировой войны и Холокоста побуждает нас к изучению вопроса о том, что сделала крупнейшая из не зараженных тоталитаризмом стран Европы для предотвращения геноцида еврейского населения.

На протяжении своей долгой карьеры Черчилль занимал самые разные посты в вооруженных силах и в государственных структурах, дойдя до вершины власти и став в конце концов премьер-министром. Он оказал огромное влияние на ближневосточную политику в целом и на Палестину и сионистское движение в частности. Все три вышеупомянутые работы освещают отношения Черчилля и сионистского движения, приводя подробный фактический материал. Во всех них упоминаются многочисленные проеврейские и просионистские высказывания британского политика, при этом куда как менее проеврейская фактическая политическая линия скорее затушевывается. Однако действительно ли Черчилль симпатизировал сионизму? Была ли его реальная политика столь же однозначной, как и его публичные заявления?

Отношение Черчилля как министра вооружений, первого лорда Адмиралтейства, министра колоний, наконец, премьер-министра к евреям и сионизму представляет собой достаточно сложное переплетение его личных взглядов как человека и его интересов как политика. Романтизация прошлого, стремление исправить несправедливость истории, определенные религиозные убеждения – все это способствовало формированию положительного отношения Черчилля к евреям. Испытавший влияние Бенджамена Дизраэли, он был убежден, что евреи – великая нация, которая внесла огромный вклад в становление и развитие западной цивилизации в целом. Так, выступая в 1921 году в Иерусалиме, Черчилль заявил: «Мы обязаны евреям системой этики, на которой выстроена вся наша христианская цивилизация».

Впервые он имел возможность познакомиться с жизнью евреев во время избирательной кампании 1906 года в Манчестере и был поражен структурой и

функционированием еврейской общины города, ее эффективностью, организацией и системой взаимопомощи, «корпоративным духом» и «особой движущей силой». Черчилль всегда оставался противником антисемитизма, публично осуждая антисемитские акции, например еврейские погромы в Южном Уэльсе перед первой мировой войной.

Но отношение Черчилля-политика к евреям и к сионизму было значительно сложнее. Оно достаточно сильно менялось с течением времени, варьируясь от холодного и даже враждебного в 1920-х годах, когда Черчилль был министром колоний и министром финансов, до исключительно дружественного в 1930-х, когда он находился в оппозиции, и вновь до нейтрально-враждебного в 1940-х, когда евреи больше, чем когда-либо, нуждались в поддержке лидера одной из ведущих мировых держав.

Черчилль высказывался о сионизме и евреях самым противоречивым образом, при этом его риторика зачастую не совпадала с проводимой им же политикой. В 1906 году он защищал идею возрождения еврейской общины в Палестине; в 1920-х публично поддержал реализацию принципов Декларации Бальфура – обязательства создать и развивать еврейский национальный дом; находясь в оппозиции, поддерживал сионистов, заслужив репутацию одного из самых последовательных сторонников этого движения в Англии. В то же время, будучи в 1915 году первым лордом Адмиралтейства, Черчилль не упомянул и не принял во внимание еврейских интересов при обсуждении устройства Ближнего Востока после окончания мировой войны; в конце 1920-х, став министром финансов, отказался предоставить экономическую помощь еврейской общине Палестины; во время второй мировой войны не сделал практически ничего для спасения европейских евреев.

В феврале 1921 года Черчилль занял один из важнейших постов в британском правительстве – пост министра колоний. В своем отношении к Палестине и к сионистскому движению он занимал крайне прагматичную позицию, руководствуясь прежде всего финансовыми соображениями (после первой мировой войны Британия столкнулась с серьезными экономическими проблемами). Маковский цитирует в этой связи личное письмо Черчилля лидеру Консервативной партии Эндрю Бонар Лоу: «Необходимо понять, что все происходящее на Ближнем Востоке вторично и менее значимо по сравнению с задачей сокращения расходов бюджета». При этом публичные высказывания Черчилля и его речи в парламенте в тот период носили просионистский характер. Так, выступая перед кабинетом министров в марте 1921 года, он говорил, что «сделает все возможное для реализации обязательств, данных сионистам по Декларации Бальфура». Он подчеркивал, что обещания, данные Великобританией, являются ее долгом и от их выполнения зависит ее репутация как ответственной державы. В июне 1921 года Черчилль практически одновременно в публичном выступлении настаивал на скорейшей реализации принципов Декларации Бальфура, а на закрытом заседании кабинета убеждал правительство отказаться от данных сионистам обещаний.

Уинстон Черчилль с визитом в Палестине. 1921 год

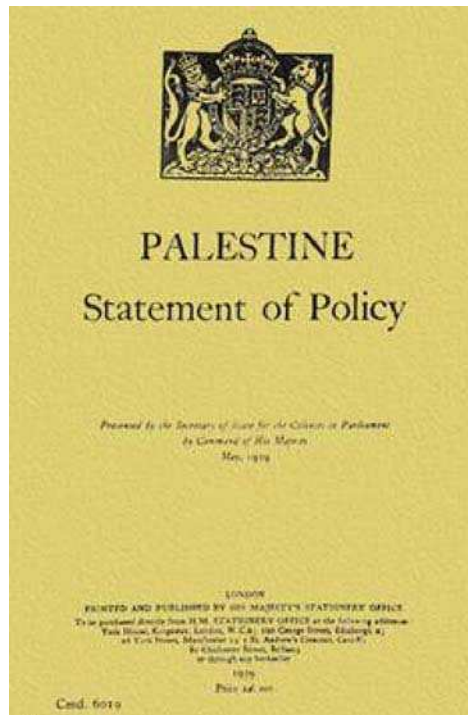
Одной из главных своих задач как министра колоний Черчилль видел установление «спокойствия и стабильности» на Ближнем Востоке с минимальными затратами. Ради достижения этой цели он собирался создать в регионе несколько зависимых от Великобритании государств, во главе которых стояли бы монархи из дома Хашимитов. Для обсуждения этой идеи в Каире в марте 1921 года была собрана конференция британских арабистов и чиновников Министерства колоний. И уже в феврале 1922 года, не ставя в известность деятелей еврейского национального движения, Черчилль принимает решение разделить Палестину на две части: три четверти территории отходили эмиру Абдалле и становились Трансиорданией, которая выводилась из-под действия Декларации Бальфура, а оставшаяся четверть становилась собственно Палестиной, мандат на которую был утвержден Лигой Наций только полгода спустя! Таким образом, не имея никаких формально-правовых оснований, он своим решением делит Палестину, которая на тот момент была лишь оккупированной британскими войсками территорией. Хотя Черчилль сам многократно подчеркивал, что, занимая пост министра колоний, он обладал крайне скудными знаниями о Ближнем Востоке и полагался в принятии решений на своих советников, его действия стали серьезным ударом по сионистскому движению.

Палестина представлялась Черчиллю финансовой обузой, содержание которой слишком дорого. Маковский цитирует его слова: «Я не понимаю, почему мы должны содержать эту территорию за счет наших налогоплательщиков». Черчилль был настолько безразличен к Палестине, что всерьез обсуждал возможность передачи этой территории какой-нибудь небольшой европейской стране, которая бы смогла ее развивать, например Бельгии.

В 1920-х годах Черчилль дважды посетил Палестину. В ходе этих поездок у него складывается далекое от свойственной многим его современникам романтизации устойчивое восприятие арабов как отсталой нации, неспособной должным образом развивать ту территорию, на которой они живут, и враждебно настроенной к Британии и к Западу вообще. Одновременно он начинает рассматривать сионизм не только как реализацию историко-религиозных прав евреев на возвращение в Палестину, но и как цивилизаторский проект: евреи строили дороги, поселения и города, принося экономическое процветание региону. В своих «палестинских» речах этого периода и последующего времени Черчилль постоянно упоминает оба аспекта.

Между тем, несмотря на значительные успехи сионистов в освоении ближневосточных пустынь (упомянем в этой связи, что к моменту прихода британских войск в Иерусалим в Лондоне уже было метро, но в святом для трех религий городе не было ни одной асфальтированной улицы), столкнувшись с арабскими беспорядками и волнениями, Черчилль принимает решение ограничить иммиграцию евреев в Палестину. Документ, принятый в июне 1922 года, вошел в историю как «Белая книга» Черчилля. В ее основу легли предложения верховного комиссара Герберта Сэмюэла, а также сотрудника Министерства колоний Джона Шукбрука. «Белая книга» определяла «еврейский национальный дом» как «существующую в Палестине еврейскую общину», для оптимального развития которой иммиграция должна быть ограничена соображениями «экономической вместимости страны». Хотя «Белая книга» и признавала неизменность принципов Декларации Бальфура, она была крайне негативно воспринята сионистскими лидерами, не без оснований рассматривавшими ее как значительный шаг назад.

В середине 1930-х годов, чувствуя все усиливающуюся напряженность и в Средиземноморье, и в Европе в целом, Черчилль стал рассматривать Ближний Восток как одну из арен итало-британского и германо-британского соперничества. Активная нацистская пропаганда среди арабов вынуждала Черчилля искать союзников, на которых можно было опереться в будущем противостоянии. Территория Палестины теперь приобрела важнейшее стратегическое значение, так как находилась в непосредственной близости от Египта и Суэцкого канала, а значит, и от морских путей в Индию. Именно в этот момент произошло объективное совпадение – по крайней мере, в краткосрочной перспективе – интересов сионистов и Британской империи (конечно, в том виде, как их понимал Черчилль).

«Белая книга» Макдональда, опубликованная в мае 1939 года

В апреле 1937 года были опубликованы выводы Комиссии Пиля, призывавшие к разделу Палестины на два самостоятельных государства – еврейское и арабское. Этот выход казался членам Комиссии единственно возможным в сложившейся ситуации. Черчилль выступил против раздела Палестины и создания еврейского государства, полагая, что возникновение еще одного маленького, экономически и стратегически нежизнеспособного политического образования не решит ни одну из существующих проблем и, более того, с неизбежностью приведет к обострению конфликта Британии с арабами.

Необходимо также отметить, что в конце 1930-х годов Черчилль уделял евреям больше внимания, чем сионизму. Еврейская тема стала исключительно болезненной после принятия в 1935 году Нюрнбергских законов и начала преследований немецких евреев. Обнародованную в мае 1939 года «Белую книгу» Макдональда, накладывавшую жесткие ограничения на иммиграцию в Палестину (въезд мог быть разрешен лишь 75 тыс. человек в течение пяти лет), Черчилль назвал ни много ни мало «вторым Мюнхеном», а восстановление еврейской иммиграции – «важнейшей гуманитарной задачей».

В сентябре 1939 года, с объявлением Великобританией войны Германии, Черчилль вновь вошел в правительство, заняв в нем одну из ключевых должностей – первого лорда Адмиралтейства. Меньше чем через год он стал премьер-министром, оставаясь во главе страны до самого конца второй мировой войны. Этот период, охватывающий шесть ключевых лет в истории Европы и мира в целом, стал также самым противоречивым в политике Черчилля по отношению к евреям и сионизму.

Он несомненно был осведомлен о том, что происходило в оккупированной нацистами Европе: о концлагерях, депортациях, массовых убийствах, о Ванзейской конференции и о плане нацистов по «окончательному решению еврейского вопроса». Как в частных беседах, так и в публичных выступлениях он резко и эмоционально выступал в поддержку евреев, заявляя, что «никто и никогда не страдал больше, чем евреи, от тех неопишуемых злодеяний, которые творят гитлеровцы», что «страдания евреев не будут

забыты в день, когда придет победа». Чем больший размах приобретали убийства евреев в Европе, тем более жесткой становилась риторика Черчилля, опубликовавшего в различных газетах, включая «Таймс», статьи в поддержку евреев, а также составившего в декабре 1942 года заявление об «осуждении в самой жесткой форме чудовищной политики хладнокровного уничтожения» евреев.

Между тем реальная политика Черчилля резко контрастировала с его заявлениями. Уже находясь на посту премьер-министра, он игнорировал множество докладов чиновников МИДа, призывавших предпринять какие-либо конкретные действия по предотвращению Холокоста. Маковский упоминает о том, как в 1943 году Черчилль отклонил предложение министра иностранных дел Идена начать переговоры с немецким правительством и руководством других держав Оси о разрешении нескольким тысячам евреев покинуть эти страны и перебраться в Палестину. Годом позже Черчилль не поддержал предложение руководителя Всемирной сионистской организации Хаима Вейцмана направить в Венгрию особую делегацию для предотвращения депортации венгерских евреев в Освенцим и ограничился констатацией того, что лучшее средство положить конец преступлениям нацистов – это скорейшая победа союзников.

**Демонстрации протеста, вызванные публикацией «Белой книги».
Тель-Авив. 1939 год**

Многие военные предлагали Черчиллю проведение специальных операций, дабы помешать нацистам проводить уничтожение евреев или, по крайней мере, уменьшить его масштаб. Глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский в конце 1942 года обратился к премьер-министру Великобритании с просьбой санкционировать и поддержать материально и технически акцию польских военно-воздушных сил по уничтожению подъездных путей к ряду концлагерей на территории Польши – Черчилль своего согласия на этот шаг не дал. В 1944 году, через несколько дней после высадки союзников в Нормандии, британские военные представили проект уничтожения железных дорог, ведущих к Освенциму. Черчилль и Иден также отклонили этот план – ведь для его реализации необходимо было заручиться согласием Советского Союза. Геополитические соображения перевесили стремление к спасению тысяч ежедневно убиваемых людей.

После начала войны не нашлось ни одной страны, готовой принять еврейских беженцев. Соединенные Штаты максимально ужесточили въездные квоты, а Великобритания сохраняла жесткие ограничения на иммиграцию в Палестину. В конце 1943 года Черчилль санкционировал послабление иммиграционной политики, но решение это запоздало – большая часть Европы была к тому времени оккупирована Германией. Называя «Белую книгу» 1939 года «предательством по отношению к сионизму», «величайшей изменой», совершенной Британией, Черчилль, став премьер-министром, не сделал ничего для ее отмены.

В годы войны позиция Черчилля в отношении будущего еврейского государства в Палестине оставалась двойственной. С одной стороны, он писал секретарю кабинета Эдуарду Бриджесу, что «в случае победы США и Великобритании в этой войне вопрос о создании на Ближнем Востоке большого еврейского государства, населенного миллионами жителей, станет одним из важнейших». С другой – в марте 1941-го выступил с предложением создать на Ближнем Востоке крупное федеративное государство во главе с династией Саудитов, частью которого должно было стать еврейское автономное политическое образование в Палестине.

На выборах в июле 1945 года Консервативная партия во главе с Черчиллем потерпела поражение, и недавний национальный лидер оказался в оппозиции. Не будучи связанным никакими государственными постами, Черчилль тем не менее высказывался относительно евреев и сионизма весьма сдержанно.

Почти сразу после отставки он настоятельно рекомендовал новому премьер-министру Клементу Эттли отказаться от мандата на Палестину и от всех обещаний, данных сионистскому движению. Поскольку мандат был получен «от исчезнувшей Лиги Наций, Британия более не должна защищать палестинских евреев и не несет за них более никакой ответственности», – писал он. Одновременно с этим, впрочем, он выступал и с противоположными предложениями, заявляя, что Британия должна «воевать с евреями и, если понадобится, с арабами, дабы сохранить за собой стратегическую базу ради имперских целей». В одном из своих публичных выступлений Черчилль поддержал решение министра иностранных дел Эрнста Бевина ввести ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину, которая, по его словам, не могла служить «решением еврейской проблемы». Рассматривая судьбу евреев Европы после второй мировой войны и Холокоста, Черчилль отмечал: «Не стоит отмечать идею о том, что европейские евреи могут вернуться в свои страны и продолжать жить там». Иногда он вновь возвращался к идее «еврейско-арабской федерации из четырех или пяти государств» как альтернативы созданию самостоятельного еврейского государства, высказываясь о палестинских арабах и арабах вообще в значительно более уважительных выражениях, чем ранее.

Между тем, вскоре после официального провозглашения Государства Израиль в мае 1948 года, риторика Черчилля претерпела резкие изменения. Если еще в ноябре 1947 года он поддержал британского представителя при ООН, отказавшегося в публичных выступлениях употреблять слово «Израиль», то в июле 1948-го Черчилль назвал создание Израиля «великим событием в мировой истории». На фоне все падавшей популярности правительства Эттли и в преддверии приближающихся парламентских выборов он начал резко критиковать британскую политику в отношении Израиля, призывая «посмотреть в лицо реальности» и немедленно признать еврейское государство де-юре.

Победив на выборах в октябре 1951 года, Черчилль во второй раз занял пост премьер-министра. В своих дневниках этого периода он писал, что «политика Бевина была неверной... Израиль – это сильная страна в регионе и к тому же важный элемент в

наших отношениях с США». Но, сталкиваясь с внутренним сопротивлением, исходившим, в частности, от МИДа и Генерального штаба, Черчилль не предпринимал никаких серьезных шагов, чтобы это сопротивление преодолеть. Так, британские генералы полагали, что доброе расположение арабов значительно важнее, чем Израиль, а посему сотрудничество с еврейским государством должно зависеть от отношений Англии с другими странами региона. Черчилль не согласился с этой позицией, но ни один из генералов не был отправлен в отставку. Когда в 1952 году Израиль обратился к Великобритании с просьбой о государственном займе в 20 млн фунтов стерлингов, Черчилль был согласен предоставить запрашиваемую сумму, но, ознакомившись с возражениями министров финансов и иностранных дел, изменил свое решение. Предложив в 1954 году ввести санкции против Ливана за блокаду Израиля, Черчилль вновь отказался от своей идеи, когда узнал о несогласии с ней МИДа.

Хотя Черчилль порой то ли всерьез, то ли в шутку называл себя «сионистом», его реальная политика на протяжении более чем тридцати лет доказывает, что его проеврейские и просионистские высказывания зачастую оставались не более чем риторикой. Не будучи облечен никакими полномочиями и не занимая государственных постов (с 1929 по 1939 год и с 1945-го по 1951-й), он выступал последовательным сторонником идеи создания еврейского национального очага в Палестине, всячески подчеркивая свое личное уважение к евреям и их традиции. В те же годы, когда Черчилль входил в британское правительство и оказывал непосредственное влияние на принятие ключевых решений (1921–1929, 1939–1945, 1951–1955), он не предпринимал практически никаких шагов, которые могли бы быть охарактеризованы как проеврейские и просионистские. История взаимоотношений Черчилля и сионизма – это история зигзагообразных метаний, в результате которых (конечно, в числе многих иных факторов) евреи и арабы Палестины встретили уход британской мандатной администрации в состоянии войны. Война, которую оставили за собой англичане, не закончилась и по сей день.

^[1] Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. New Haven: Yale University Press, 2007.

^[2] Gilbert M. Churchill and the Jews. London: Simon and Schuster, 2007.

^[3] Поуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с англ. Е.Ф. Левиной. М.: АСТ, 2008.

ВЛАДИМИР ДРУК: «НАЙТИ ИЕРУСАЛИМ»

Беседу ведет Михаил Не-Коган

Недавно в Москве побывал поэт Владимир Друк, один из отцов-основателей легендарного клуба «Поэзия». В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла его книга «Одноразовые птицы» – самое полное собрание произведений, написанных почти за три десятилетия.

«Ты знаешь, завтра Шавуот, потом шабат, так что созвонимся после», – сказал он мне при встрече. И я подумал: тот ли это человек, что уехал отсюда пятнадцать лет назад?

מִי אֵדֶה לְאִי, אִי אֵדֶה לְאֵלֶיךָ,

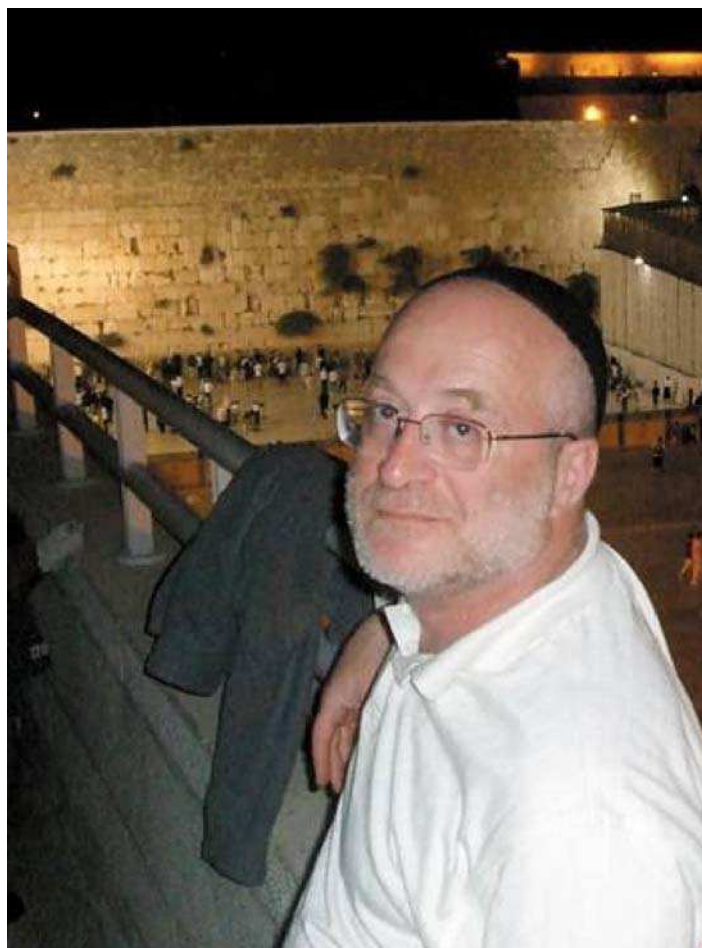
מִי אֵדֶה

יִי יִפְתָּחֶנּוּ לִי וְיִפְתָּחֶנּוּ לִי וְיִפְתָּחֶנּוּ לִי

יִי יִפְתָּחֶנּוּ לִי וְיִפְתָּחֶנּוּ לִי וְיִפְתָּחֶנּוּ לִי

מִי אֵדֶה לְאִי, אִי אֵדֶה לְאֵלֶיךָ,

עַל מִי אֵדֶה

– Когда я у тебя брал интервью за несколько месяцев до отъезда, никаких разговоров про еврейство не было...

– Да, у меня была абсолютно светская семья. Единственный праздник, который мы отмечали, это Песах. Собирался длинный стол, вся семья, мальчиков сажали на особое место. Дед мой двоюродный все знал, все соблюдал, читал Агаду (я только потом узнал, что это называется Агада).

Или вот мы с бабушкой выходим из квартиры, она говорит: «Ты иди, иди к лифту» – и делает какие-то жесты рукой. И я никак не мог понять, что это такое, пока много лет спустя не увидел, как целуют мезузу. Никакой мезузы, конечно, на дверях не было. И никаких в семье не было разговоров на «эту» тему. Какие-то мальчишеские инциденты, драки и прочее мне быстро объяснили, что почему-то это называется «евреи» и не похоже на всех остальных, но дальше этого не пошло. Хотя я, естественно, читал Библию. Я даже помню, как мы с братом сделали папе с мамой подарок на юбилей свадьбы – написали такое поздравление с цитатами из Песни песней.

Вообще о религии, о вере говорить трудно – это дело очень интимное. Проще рассказывать разные истории из жизни. Вот, например, в отрочестве у меня был очень странный знакомый, философствующий поэт, старше меня лет на тридцать. Мы познакомились буквально на улице, подружились, стали переписываться. По-моему, от него я узнал эту историю... Шестнадцатый век, уничтоженная Иудея: там уже евреев практически не было. Но один за другим там стали собираться раввины, бежавшие из Испании, из Египта, они селились в Цфате, и образовалась Цфатская школа. Они говорили: хорошо, у нас нет государства, нет никаких прав, но оставьте нам университет,

оставьте возможность жить и учиться... То есть всего несколько человек могут сохранить культуру, мысль, традицию под чужой властью. Меня это до сих пор волнует.

– У тебя же еще педагогическое образование...

– Я, как почти каждый еврейский ребенок, хорошо сдавал физику, и в семье считалось, что я должен пойти по этой стезе. Мама хотела, чтобы я пошел на физфак МГУ. Я очень не хотел, но как-то уговорили. Все кончилось на первом же вступительном экзамене. Аудитория амфитеатром, внизу стол комиссии, я спустился, на меня подняла глаза какая-то дама и спрашивает: «Как ваша фамилия?» – «Друк». – «Как-как?» – «Друк». Она долго на меня смотрела, потом говорит: «Хорошо. Вот вам экзаменационный билет». И опять на меня смотрит. Я взял этот билет... И вот, помню, я медленно поднялся, чтобы сесть на свое место, даже сел, посмотрел на нее уже сверху вниз, встал и вышел. На этом моя история с МГУ закончилась.

Но тогда, поскольку не брали ни в Физтех, ни в МИФИ, ни в МИСИ, все собирались в одном замечательном месте, которое называлось Пединститут. Я поступил туда на физфак, и у нас в группе было человек пятнадцать парней с такими же примерно фамилиями.

Начали мы свою учебу так. Для первокурсников придумали субботник, сказали, что мы должны помочь отремонтировать факультет. На третьем этаже стоял бюст Маркса, который мы, протирая пыль, уронили и раскололи. После чего взяли носилки, с пением «Интернационала» спустили осколки во двор и захоронили на помойке. Как нам это сошло с рук, я не знаю до сих пор. Это был 1974 год.

Мы осознавали, что мы евреи, но, в общем, были светские ребята. Отъезды начались попозже. Мой дядя – инженер, он работал в НИИ, связанном с космосом. И когда он решил ехать, то поссорился со своим родным братом, то есть с моим папой, и они много лет не разговаривали. Мой отец не хотел никуда уезжать и считал, что этого не надо делать. Дядя мой попал, конечно, сразу в отказ. Они с дочкой – моей сестрой – были активны, ходили на все «маевки» протеста... Помню, как однажды совершенно бледные отец с мамой говорят: «Включай телевизор». Передавали какую-то гэбэшную программу о митинге в подмосковном лесу, и там показывали моего дядю и сестру. Родители боялись. А я мало что понимал, политикой не интересовался, хотя мог быть поумнее. В результате они все-таки уехали. Прошло много лет, и после перестройки мы отправили папу с мамой к ним в Нью-Йорк. Тогда они помирились.

А заканчивал я уже факультет психологии. Я заинтересовался психологией и перевелся.

На последнем курсе нас всех потащили в военные лагеря на три месяца. Собрали ребят с десяти-одиннадцати факультетов. И оказалось, что «нас» – много.

îáðàçáîî î:èáñòúé áíèáçí áí í úé ñèîé

òííîé ñòðîé æèèèîòò æóóéîòò

æèèîòò

îî èèíáééá òîð:èî í à çàðð

По воскресеньям мы обычно сидели у костра (воскресенье был такой «полувыходной»), и, поскольку все были с разных факультетов, пришла идея устроить маленький «университет», чтобы математики читали про то, что они делают в математике, историки – про то, что в истории, и так далее. Там были не только еврейские ребята – нет, конечно, все сидели, дружили. Прекрасно общались.

Вдруг, недели через две-три, в лагерь приехал человек, которого звали Петя Полонский, – худой, кудрявый. И весь перебинтованный. Выяснилось, что он только что попал в автокатастрофу...

– **Как же его отпустили в лагерь?**

– Кажется, ему дали отсрочку на три недели, но заставили-таки проходить военную подготовку. Немыслимо, конечно. Более того, он попал в палатку, где заправляли два жутких мужика-украинца, которые задирались ко всем. Один из них был жирный, здоровый, после армии, такой шкаф с салом... И он уже в электричке, которая нас туда везла, задел кого-то из узбеков. А в Педде было целое отделение узбекской литературы, человек 20–30. И они ему тогда пообещали: еще раз что-то скажешь – убьем. Но это его не остановило. Вокруг него были еще такие военизированные мальчики, типа «шчас мы будем порядок наводить».

И вот в эту палатку попадает Петя. И начинается: один раз они его там чуть не побили, второй, третий... Я помню, это было днем, видимо, в воскресенье. Раздается крик: «Петьку бьют!» Мы выскакиваем, и напротив этого здорового мужика почему-то оказывается маленький худенький Друк...

– **Давид и Голиаф...**

– Да, смешно... и самое смешное, что я ему врезал первый. И испытал ужас: до сих пор помню это физическое ощущение, как будто твой кулак входит в медузу, потому что все это как бы мощное тело оказалось чем-то жирным, желеобразным... Тут выскакивают узбеки. Про нас уже речи нет, мы стоим в стороне, мы свое отыграли... Эти узбеки начинают их метелить по-настоящему. Через какое-то время прибежали офицеры, всех разогнали.

А у нас военрук, полковник, был только что демобилизован из Сирии, после контузии. Ему в виде награды дали эту кафедру и кремовую «Волгу». И он целый день протирал ее фланелькой, не мог оторваться. И вот меня арестовали. Тот: «Курсант Друк!» – «Так точно!» – «Ну вы же еврей!» – «Так точно!» – «Ну вы же умный должен быть человек!» – «Так точно!» – «Зачем же вы его первым ударили?!» И отправил меня на «губу». Я отсидел две недели в одиночке. Мне грозили, что предадут суду и год-два я вполне могу получить. Но выпустили, я сдал экзамен, получил диплом, звание мне, конечно, не дали, и слава Б-гу.

Так мы подружились с Петей (Пинхасом), а вокруг него был целый кружок. По сути, первый раз я увидел эти неформальные еврейские кружки, и меня это увлекло. А вели их замечательные физики, математики, которых можно было слушать часами. Здесь и был настоящий университет. Начинали с изучения иврита, философии, истории, праздников. Я отважно стал учить иврит. Надолго меня, правда, не хватило, но интерес остался.

Потом два человека из кружка Пинхаса решили пересечь границу. И один из них, по слухам, перешел, а второго застрелили. Вскоре выяснилось, что это не так: оба благополучно перешли. Но начались обыски, и мы вывозили из нескольких домов весь архив «самиздата» к нам на дачу, на чердак.

Год был 1981-й или 1982-й. Я работал сторожем на двух или трех ставках и пытался устроиться на какую-нибудь редакторскую или журналистскую работу, но почему-то никак не мог. Была, например, такая «Лесная газета». Кто-то из знакомых порекомендовал. Чуть ли не замглавного меня принимает и говорит: «В понедельник выходи на работу. Мы тебя берем». Разговор происходит в пятницу. Я прихожу в понедельник – меня не пускают. Как, что? Я ему звоню – он не берет трубку. Потом я понимаю, что за эти дни документы ушли в отдел кадров и отдел кадров сказал: «Гуляй, Вова».

Но в конце концов я приземлился в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». Он относился к профсоюзам, там, наверное, была другая система. И я от них ездил в командировки. Друзья мне подарили диктофончик, а потом у меня оказались две пленки, абсолютно заезженные, Шломо Карлебаха. И вот помню, кажется, Свердловск: гостиница, на улице лютый мороз. И я лежу, свернувшись, на кровати, и этот диктофончик между мной и подушкой, и я всю ночь кручу Шломо... И много лет я слушал только Карлебаха, и не любил практически никого, кроме него. Был, по-моему, 1989 год, когда рабби Шломо приехал в Москву, во Дворце молодежи, в огромном зале, был его концерт. Полный зал! В перерыве иду покурить. Огромное фойе – и навстречу идет он. Невысокий, коренастый, очень колоритный человек. Просто идет навстречу мне, подходит и вдруг меня благословляет. Для меня это было глубочайшее потрясение. Трудно сейчас даже описать.

Потом я впервые очутился за границей. Пригласили на фестиваль поэзии. Я оказался в Нью-Йорке, и мне там очень понравилось. И кроме того, я там, наверное, под воздействием стресса от всего необычного и непривычного, как-то «вдруг» придумал одну из основных идей, которая во многом определила то, чем я занимаюсь до сих пор, – персональное медиа. Идея проста: например, персональное телевидение – это система, когда ты смотришь по телевизору не то, что тебе показывают, а то, что тебе хочется.

– **Но тогда это было абстрактно.**

– Да, теперь это технически значительно проще. Так вот, я вернулся. В начале 90-х возник Институт сновидений и виртуальных реальностей, который мы создали с Вадимом Рудневым и Кареном Мхитаряном. Я был всем этим увлечен, но в тот момент, когда я был в Америке, у меня заболел отец. Когда я прилетел, он уже лежал в больнице. И врачи сказали: нужна операция и делают ее только в Америке. Надо срочно ехать. В это время брат получил неожиданно приглашение на работу в США, взял стариков и уехал.

Я тоже получил разрешение. Смешной эпизод был в американском посольстве. Мы пришли, нервничали, конечно. И когда нас пригласили, меня спросили: «Как вас зовут?» Я сказал: «Владимир Друк». «Ага, – сказали они, – присядьте, пожалуйста, подпишитесь здесь и здесь. Все, вы свободны». Такая у меня вот, выходит, фамилия, никаких псевдонимов не надо...

Но я еще раздумывал: у меня были чтения, слава, ощущение, что наконец-то что-то в литературе и в жизни сдвинулось. А потом наступил 1993 год. То, что произошло

в октябре, меня абсолютно выбило из колеи. Последние иллюзии у меня кончились, я сказал: «Всё». И мы уехали.

А у рабби Шломо, на 79-й улице Манхэттена, оказалось, есть своя синагога. И я никак не мог собраться с духом и поехать туда. Пока собирался, он умер. А синагога его до сих пор действует, там теперь его ученики.

– **Творчество шло само по себе, а религиозная жизнь – сама по себе?**

– Никакой религиозной жизни тогда еще не было. Но в моих вещах, еще здесь написанных, есть прямые цитаты из хасидских песен. То есть что-то, видимо, я уже чувствовал, думал.

í á áîþñü ý í è éî á

è í á áîþ í è éî î ó

ò î è ü è î Á-ñ í á î í á

ò î è ü è î Á-ñ í á î î ó

В 1997 году я поехал в Иерусалим. И вот эта поездка абсолютно поменяла мою жизнь. До этого я был «левый», думал, что арабам надо отдать то, это, что какая-то справедливость нарушена... В Иерусалиме я увидел своих друзей, среди которых многие серьезно занялись иудаизмом, жили на территориях. Встретил Пинхаса Полонского, он стал президентом общества «Маханаим» в Иерусалиме. В первый раз в жизни помолился, оказался у Стены, положил записочку. И тут, как я сейчас понимаю, наверное, со мной что-то произошло.

Когда вернулся, моя жизнь резко поменялась. Активно начал заниматься. Несколько лет вообще ничего, кроме книг по философии и истории иудаизма, не читал. Потом благодаря моей жене наш дом стал кошерным. Потом я просто почувствовал, что шабат – это шабат. Многие друзья, знакомые смеялись, иронизировали, но так повелось.

Я, правда, не могу сказать, что регулярно посещаю синагогу. Мне до сих пор трудно молиться публично, с другими.

– **А в какую синагогу ты ходишь?**

– Знаешь, как сказал Моше Даян, когда к нему пришли либеральные раввины и что-то стали просить? «Я человек нерелигиозный и в синагогу не хожу, но синагога, в которую я не хожу, ортодоксальная», в смысле – не «модерновая». Вот это мой случай. Очень люблю хасидов, у меня среди них много друзей. Читаю много источников хасидского направления.

Вообще это непостижимо: как, почему такое движение могло возникнуть в XVII веке? Как простым людям «из местечка» далось такое мощное откровение, что Он – с нами, рядом, что Он – веселый? Ведь уныние – страшный грех, да? Умопомрачительно. К сожалению, в российской светской культуре об этом мало кто знает. Отсюда и частое непонимание. В Америке, кстати, разделение, которое было когда-то между ортодоксами и хасидами, уже давно не работает. Во всяком случае, в моем городке...

– **Что за городок?**

– Он рядом с Нью-Йорком, называется Тинек. Там, в основном, обосновались преподаватели и студенты Еврейского университета. Городок небольшой, но в нем, наверное, больше 20 синагог. И все равно не хватает. Мы живем там пять лет, и за это время четыре или пять новых синагог построили.

– **Чем ты занимаешься сейчас?**

– Я окончил аспирантуру по интерактивным телекоммуникациям в Институте кино и телевидения Нью-Йоркского университета. Случайно на одном из семинаров рассказал профессору одну из своих идей, он настоял, чтобы я оформил патент, я ради шутки подал заявку – и вдруг уже через год-полтора у меня появился патент на «метод и аппаратус для измерения субъективного времени».

Это о том, как меняется наше ощущение времени, когда мы заняты или скучаем. Время, как известно, или летит, или ползет. И оказалось, что есть способ это измерить – довольно «еврейская» идея. Когда человек занят серьезной духовной работой, когда он максимально сосредоточен – его внутреннее, «персональное» время замедляется, а внешнее – бежит. Наши праотцы жили так долго, может, еще и потому, что были абсолютно сосредоточены. На главном. Время, как оказалось, это один из «ключей» к иудаизму, по крайней мере, для меня.

Сейчас пишу об этом книгу, основываясь, в частности, на еврейской практике и философии: ведь это у нас было «алахическое время», ведь через нас Б-г открыл человечеству архитектуру времени – через шабат, венчающий неделю, через умопомрачительно сложный солнечно-лунный календарь, через взаимоотражения Йом Кипура и Пурима, через фазы дня, через вечный ежегодный Исход – освобождение...

éàé áú àúáàòúÿ æéâúì

íàì èçì áðòáíã ì íðÿ

è áíéòè áÉáðúàèèì

áí íà:àèà, áí ðàííáíòà

òàì - çà ááèíþ ñò áí íþ

çà éóçü ìé ñò íðíæáâúì

íà:èí ááòúÿ áðúáÿ

íáí íðíæáÿ íà ÿòó

íáíêíí:áí íàÿ æèçíü

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

сегодня ставит Сергей Кузнецов

Проблемы начинаются сразу, как только мы пытаемся определить, что такое еврейская литература. Скажем, с американской литературой все понятно – это литература, созданная в Америке, скорее всего, на английском языке. Но как только речь заходит о еврейской литературе – сразу начинается неведомо что. Понятно, что под это определение подходят книги, написанные на идише (скорее всего, в незапамятные времена), книги, написанные на иврите (скорее всего, недавно). А вот дальше...

Есть два возможных подхода. Один пуристский: еврейская литература – это все, что создано евреями. Это подход очень простой, но, на мой взгляд, не работающий – хотя бы потому, что в современном мире сложно однозначно решить, кого считать евреем. Есть алахические евреи, евреи по записи в паспорте, евреи по вероисповеданию, в конце концов, евреи по самоидентификации. Я знаю людей, у которых разное количество еврейской крови, но их самоидентификация никак с этой кровью не связана. То же самое верно и в отношении писателей. Я, например, понятия не имею, еврей ли Виктор Пелевин. А если б он был евреем, то что, его книжки от этого сразу бы стали еврейскими?

Есть другой подход: еврейская литература – это литература, которая задумывается о проблемах еврейства и идет в русле некоей еврейской традиции. Тут мы сталкиваемся с другой серьезной проблемой. Дело в том, что, как известно, в России еврейская традиция была прервана, на ее месте возникла совершенно иная советская еврейская традиция – то есть где здесь еврейское, а где нет, решить сложно. Скажем, для меня Павел Пепперштейн совершенно точно относится к еврейской литературе – не потому, что он еврей или идентифицирует себя как еврей, а потому что примыкает к интеллигентской контркультурной традиции, очень еврейской по своей сути. При этом неважно, что Пепперштейн изображает из себя антиглобалиста и русского патриота, а псевдоним взял в честь героя Томаса Манна.

Но исследование традиции заводит нас в бескрайние дебри. Чтобы как-то сузить рассматриваемое явление до разумных пределов, можно принять, что еврейский писатель – это человек, который думает о еврейском народе, работает с его фольклором, с его историей, с его настоящим и будущим. При этом он может быть евреем, а может не быть – ну, просто интересно человеку.

Это вполне себе работающее определение. Но дело вот в чем. В Америке примерно с 60-х годов существует множество литератур этнических меньшинств, написанных преимущественно по-английски, но посвященных проблемам этих меньшинств. Но то в Америке. А в России система организована совершенно по-другому.

Ни у кого из нас в голове не существует концепта, скажем, корейской русской литературы, или узбекской русской литературы, или даргинской русской литературы – то есть никакой, кроме еврейской.

И это ставит нас в дурацкое, скажем прямо, положение. Потому что когда все населяющие страну народы разбираются со своим чувством национальной принадлежности, то это единый процесс, куда каждая маленькая нация со своей литературой встраивается. А когда есть один народ, который жутко беспокоится по поводу своей национальной и культурной идентичности, – то это, в общем-то, его личное дело. То есть если бы я не был евреем, то мне бы до этого не было дела никакого.

Мне кажется, что это главная проблема, связанная и с пиаром, и с продвижением, и с чем угодно еще. Иными словами, если оставить все как есть, то мы обрекаем себя на то, что издаем еврейскую литературу для заведомо ограниченного круга читателей. Их, кстати, не так уж мало, у них высокая степень лояльности бренду, так что им можно продать достаточно много экземпляров – по меркам нашего книжного рынка, – и так вполне можно жить. Но мне кажется, что это страшно неинтересно. Не для того мы требовали выпустить нас из гетто, чтобы отстраивать его обратно. Совершенно очевидно, что наиболее заметные фигуры русско-еврейской культуры XX века – Мандельштам, Бродский, Ильф – находились снаружи гетто. Глупо на этом фоне сознательно сужать свою аудиторию.

Теперь, когда мы обозначили проблему, можно поговорить о путях ее решения. Среднестатистический читатель на вопрос, что такое еврейская литература, с высокой долей вероятности ответит, что это литература о Холокосте, об антисемитизме, о Государстве Израиль. Всё. Выход из гетто означает выход за эти рамки. И в России есть удачный пример такого рода, только не из области литературы, а из области кино – это сериал «Ликвидация». Он обходит, скажем, вопрос Холокоста, но зато создает чрезвычайно привлекательный образ еврея, который очень еврей, но при этом житель своей страны, своего города. «Ликвидация» – очень еврейское кино, антисемит вряд ли выдержит у экрана больше половины одной серии. Но обычный зритель-нееврей с удовольствием досмотрит сериал до конца и, скорее всего, станет лучше относиться к евреям.

И если мы говорим о развитии еврейской литературы, то, мне кажется, она должна двигаться этим путем, стараться оставаться хорошей литературой, но обращенной к миру, а не к истории одного народа. Тем более у евреев есть для этого очень выгодная позиция – они все-таки создали одну из основополагающих для европейской цивилизации книг и могут на нее опираться. На сайте «Букник», главным редактором которого я являюсь, мы стараемся показывать бесконечное разнообразие еврейской тематики в самых разных книгах – как в еврейских, так и в тех, которые к еврейским отнести ну никак нельзя. То есть вокруг еврейской проблематики возникает некоторое количество вопросов: это интеграция духовного опыта Библии, осмысление жизни этнического и культурного меньшинства в рамках большой культуры, сложные отношения представителей этого меньшинства с мейнстримом и контркультурой и т. д. Понятно, что для размышления об этих предметах не надо быть евреем. Более того, для этого нет нужды размышлять о евреях. Поэтому мы рецензируем книги, написанные неевреями, где о евреях нет ни слова, но зато позволяющие как-то смотреть на эти проблемы. И это тот взгляд на еврейскую литературу, который мне близок.

Если бы я был еврейским издателем в России, то старался бы подбирать книги максимально разнообразные и как огня боялся бы, чтобы у меня в год вышли, допустим,

три книги на одну и ту же тему. В израильской литературе, скажем, есть Керет, есть Гроссман, есть Шалев – три очень разных и очень хороших писателя. Керет, кстати, мог бы стать вполне раскрученной фигурой, но пока что увы.

Впрочем, это история не про Керета, а про российский книжный рынок в целом. Он живет в двух нишах. Одна – «сделать бестселлер и продать его огромным тиражом и быстро», вторая – «мы издали книжку тиражом три тысячи экземпляров, если очень хорошо пойдет, допечатаем еще три». В первой нише книг по определению не может быть слишком много, поэтому все самое интересное происходит во второй. Здесь пасутся книги, которые могли бы стать лонгселлерами – то есть продаваться, скажем, по пятьдесят тысяч экземпляров в течение многих лет. Некоторые из них года через три могут взорвать рынок – в конце концов, первые русские издания Мураками, Коэльо или Переса-Реверте прошли никем не замеченными. Вот такой книгой и мог бы, на мой взгляд, стать Керет, при условии правильного позиционирования. Но это требует аккуратной раскрутки в течение нескольких лет. А уж сделав великого автора из Керета, можно в хвост ему приставлять других писателей – например, запустить серию молодой израильской литературы от Керета. Кто-то из них будет продаваться лучше, кто-то хуже, но за счет популярности «паровоза» все это может вполне неплохо пойти.

Кроме израильской, есть англоязычная литература, так или иначе касающаяся этой проблематики: Майкл Чабон, чей главный роман «Приключения Кавалера и Клея», к сожалению, по-русски испорчен плохим переводом, Маркус Зузак, Джон Бойн... Помню, какой шок я испытал, когда подошел в хьюстонском аэропорту к полкам с литературой для подростков и обнаружил, что на две трети они состоят из книг про вампиров, а примерно на одну шестую – из «Книжного вора», «Мальчика в полосатой пижаме» и т. п. Причем я не знаю, еврей тот же Зузак или нет, он вообще как бы не про это пишет, хотя еврейская проблематика там более чем присутствует. Вот с такими книжками, на мой взгляд, интересно работать.

Далее я бы старался разнообразить свой ассортимент за счет русских авторов, как, например, Людмила Улицкая или Арсен Ревазов, чей роман «Одиночество-12» – очень еврейская книжка, и не только потому, что там действие частично происходит в Израиле, но и в силу того, что в ней наличествует вся темная еврейская конспирология. Но при всем том этот роман, конечно, ни в чьей голове не существует как еврейский – и это хорошо.

Есть англоязычная русская эмигрантская проза. Речь о тех, кто детьми уехал из России в начале 90-х или чуть раньше и теперь что-то пишет. Наиболее заметной из книг такого рода в Америке стали «Записки русского дебютанта» Гари Штейнгарта – смешной роман, очень русский и очень еврейский. И таких книг довольно много. Сюда же можно присоединить книжки, где нет ни слова про евреев: «Краткую историю тракторов по-украински» Марины Левицкой (об украинцах в Англии) или романы американской писательницы китайского происхождения Эми Тан. Таким образом, получается полноценная серия о жизни эмигранта в чужой стране – и не в формате «как я бедствовал

без денег и без языка», и даже не в формате «третьей волны» типа Довлатова, а вот в нынешнем формате глобализированного мира.

Еще один тренд задал Квентин Тарантино в «Бесславных ублюдках» – это альтернативная героическая история еврейского народа. Отчасти что-то подобное делал Чабон в «Союзе еврейских полисменов», но, полагаю, сейчас такие книги должны появиться в большом количестве.

И уж на последнем месте у меня были бы книги в жанре Зингера – и не потому, что они плохие. Честно скажем, один роман Зингера интересно прочесть любому человеку, а вот три романа Зингера, тем более один роман Зингера и два его эпигона, интересно прочитать в лучшем случае еврею.

То есть цель – максимально размыть стандартизированное представление о еврейском. И все то, что делается сейчас – «Букником», «Лехаимом», фондом «Ави Хай», – по большому счету направлено на то, чтобы в результате возникли несколько очагов нового осмысления еврейской культуры, которые позволили бы, с одной стороны, интегрировать все, что сделано в ней за века, а с другой – адаптировать ее к актуальным трендам большой культуры (в нашем случае русской).

Можно попытаться поразмышлять на тему, где могут возникнуть эти точки прорыва. В этом плане очень интересна, на мой взгляд, еврейская мистическая традиция, которая, с одной стороны, глубоко укоренена в культуре, а с другой – как всякая мистика, выходит за ее рамки и отчасти смыкается с суфизмом, буддизмом, католическим мистицизмом и т. д. Она могла бы стать своего рода аналогом дзэна, с которым продуктивно работали писатели самых разных стран. Причем многие из них ведь весьма смутно представляли себе японскую культуру, многое домысливали, но тем не менее результат налицо.

ДО ВСТРЕЧИ В БИБЛИОТЕКЕ

Михаил Майков

В Государственной публичной исторической библиотеке России 10 сентября при большом стечении публики прошла презентация другой библиотеки – Иерусалимской русской городской – и сайта isrusbook.com, содержащего максимально полный свод данных о книгах, выпущенных на территории Палестины и Израиля более чем за 120 лет.

Презентация эта могла состояться и раньше, но директору иерусалимской библиотеки Кларе Эльберт и ее команде в последнее время было не до торжеств – полтора года ушли на борьбу за выживание. Дело в том, что владелец особняка, в котором ранее находилась библиотека, продал здание и новый хозяин настаивал на скорейшем вывозе книг. К борьбе за существование библиотеки подключились политики в диапазоне от Беньямина Нетаньяху до Шимона Переса, пресса, представители русско-израильской интеллигенции, простые читатели (их у библиотеки более 3 тыс.). Дело дошло до митингов и дежурств депутатов кнессета (кстати, не только русскоязычных) в библиотеке для предотвращения попыток силового выселения. Наконец после избрания мэром Иерусалима Нира Барката удалось подыскать новое здание, и летом библиотека отпраздновала новоселье – шестое по счету за 20 лет своего существования. Насколько предоставленное помещение (в торговом центре возле знаменитого рынка Махане Йеуда) готово играть роль книгохранилища – вопрос открытый, но тем не менее представители библиотеки расценивают последние события как победу.

Практически все выступавшие на вечере – посол России в Израиле Петр Стегний, директор ГПИБ Михаил Афанасьев, первый секретарь израильского посольства Йоси Тавор – подчеркивали роль личности в истории иерусалимской библиотеки. Речь шла, разумеется, о Кларе Эльберт, чье книжное собрание легло в основу фонда библиотеки, созданной в 1990 году при Сионистском форуме Натана Щаранского. Усилиями Эльберт, ее сотрудников и привлеченных ею дарителей (одним из первых библиотеку поддержал, кстати, рав Адин Штейнзальц) количество книг за эти годы увеличилось до 100 тыс. томов (крупнейшее собрание книг на русском языке за пределами СНГ). Особенно значительна коллекция изданий, вышедших на земле Израиля, и книг по иудаике – в самом широком понимании термина. Широко представлена также литература по истории и философии, эмигрантские издания, в том числе раритетные.

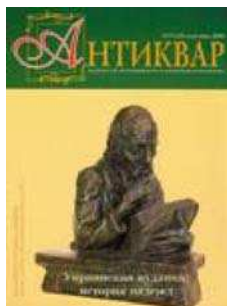
Кстати, о раритетах. Гордость библиотеки составляет Отдел редкой книги, насчитывающий почти 9 тыс. томов и носящий имя Иды Мильгром – матери Натана Щаранского и одного из первых лоббистов идеи русской библиотеки в Израиле. Вообще, «именные» отделы – в традиции библиотеки. Так, отдел книг по искусству носит имя Соломона Михоэлса (дочери великого актера подарили библиотеке портрет отца работы Александра Тышлера), физико-математическая библиотека – имя братьев Яглом, а поэтическому отделу в ближайшее время будет присвоено имя Михаила Генделева.

Но хотя книжные фонды – безусловно, главное для любой библиотеки, иерусалимская русская библиотека славится не только ими. За время своего существования она стала важнейшим культурно-просветительским центром, местом бесчисленных встреч, презентаций, вечеров, лекций и прочих культур-тусовок. Сейчас библиотека превращается еще и в центр академический, о чем свидетельствует проект по созданию интернет-указателя русских книг, вышедших на земле Израиля с 1886 года (именно тогда Императорское Православное Палестинское общество, возникшее за четыре года до этого, начало свою издательскую деятельность с выпуска семистраничной стихотворной брошюры). Об указателе, создаваемом при поддержке фонда «Русский мир», рассказал на вечере руководитель проекта Игорь Коган, поделившийся с собравшимися своей мечтой, она же план на будущее – сделать каталог русскоязычных книг о Святой земле, вышедших за пределами Израиля.

ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО КРАСИВО...

Антиквар. Журнал об антиквариате и коллекционировании Украинская иудаика: история надежд

2008. № 9 (23)

То, что специализированный журнал, далекий от еврейских проблем, полностью посвящен иудаике, – уже само по себе необычно. Особенно если речь идет о таком эстетически «вкусном» издании, как «Антиквар». Тема номера – еврейские музеи в Украине. Несмотря на нынешнее их отсутствие, Украина в этом плане – не «terra incognita». Ведь в 1927-м в Одессе был открыт первый в СССР Еврейский музей им. Менделе Мойхер-Сфорима. К 1930-м годам его собрание насчитывало более 30 тыс. экспонатов и, помимо пинкосов и синагогальной утвари, включало произведения Шагала, Тышлера, Альтмана, Маневича. В 1934-м музей неожиданно прикрыли. В том же году возник Еврейский музей во Львове, ликвидированный в 1939-м с приходом Советов. И одесская и львовская коллекции после войны были частично утрачены, хотя сегодня в Украине трудно найти краеведческий музей, где не хранились бы (чаще в запасниках) артефакты, связанные с еврейской историей и культурой.

Тем не менее собственно еврейского музея в Украине до сих пор нет, а перспективам его создания посвящено интервью директора Центра изучения истории и культуры восточноевропейского еврейства Леонида Финберга. На сегодняшний день Центр располагает неплохим книжным собранием (3 тыс. изданий начиная с 1702 года). Уникален переданный Центру еврейский киноархив с немymi фильмами, лентами на идише, билетами, афишами и т. п. Достойны занять место в будущем музее коллекция старой еврейской фотографии (более 4 тыс. снимков), плакаты и листовки практически всех дореволюционных еврейских партий и движений, афиши еврейских театров (а в Украине их было около 70!), легендарный фронтовой «треугольник», написанный (вопреки цензуре) на идише. Огромный интерес представляют документы, собранные Еврейской историко-археографической комиссией в 1922–1930 годах. Речь идет о ценнейших свидетельствах разных эпох – от письменного прошения евреев к Богдану Хмельницкому с мольбами убить их всех, но не подвергать крещению до описей награбленного во время петлюровских погромов имущества.

В формировании экспозиции музейщикам поможет собрание еврейских рукописей и печатных изданий Национальной библиотеки Украины (более 150 тыс.

единиц хранения), о котором рассказывает завотделом иудаики НБУ Ирина Сергеева. Жемчужины собрания – авторские рукописи Шолом-Алейхема, огромный архив еврейской периодики XIX–XX веков на множестве языков и крупнейшая коллекция изданий на идише советского периода, включая детские книги, над оформлением которых работали Шагал, Эль Лисицкий, Иосиф Чайков и другие выдающиеся мастера.

Очень познавательна и прекрасно иллюстрирована статья об экспертизе предметов еврейского ювелирного искусства – после ее прочтения даже профан научится определять происхождение римоним, корон Торы, ханукий или йадов. Кстати, Киев, Львов, Одесса и Житомир были наиболее известными центрами «еврейского серебра» в Российской империи. Йаду (указке для чтения Торы) посвящен отдельный обширный материал, основанный на реальных предложениях международных аукционов.

О крупных европейских художниках-евреях, погибших в период Катастрофы, повествует Артур Рудзицкий. Практически всех их объединяет одно – украинское детство, парижская зрелость и смерть в Освенциме или Собиборе. Полузабытые имена: Владимир Баранов-Россинэ (Шулим-Вольф-Лейб Баранов) – один из ярчайших мастеров русского авангарда, завсегда знаменитого «Улья»; уроженец Каменец-Подольского, заметная фигура на Монпарнасе Абрахам Вейнбаум; Сандро Фазини (Сруль-Арье Файнзильберг) – родной брат Ильи Ильфа, участник «Салона Тюильри»; повесившийся в своей мастерской с желтой звездой на одежде Рафаэль Шварц, предисловие к альбому которого в свое время написал Анатолий Франс. Постфутурист Давид Штеренберг, повторивший лишь два элемента этой триады – родился в Житомире и обитал одно время в «Улье», заинтересовал одного из лучших украинских искусствоведов Олега Сидора-Гибелинду.

Эксперт Международной ассоциации арт-критиков Святослав Яринич делится соображениями по поводу процесса реституции произведений искусства, конфискованных нацистами. Не секрет ведь, что некоторые музейщики ропщут, полагая, что за лозунгами о восстановлении исторической справедливости кроется банальный передел собственности.

Несколько выпадают из «еврейского» контекста номера статьи об экслибрисах и... мундирных пуговицах. Зато материал о ежегодном еврейском календаре (издание киевского Института иудаики), каждый выпуск которого – своеобразный мини-альбом еврейского станкового и декоративно-прикладного искусства, будет полезен не только профессионалам, но и широкому кругу читателей. Встречают ведь по одежке. А «одет» для первого знакомства с еврейской культурой «Антиквар» очень пристойно. Так, что хочется продолжить отношения...

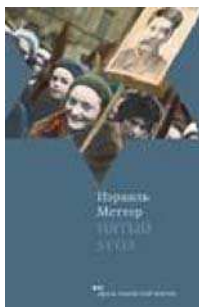
Михаил Гольд

ОТРАВЛЕНИЕ БИОГРАФИЕЙ

Израиль Метгер

Пятый угол

М.: Текст, 2009. – 187 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Мальчик Боря из харьковской еврейской семьи, бедной, но порядочной, дружной и любящей, проживает жизнь, отмеченную длительной несчастной любовью и неудачными браками, дискриминацией по социальному (сын частного) и национальному признаку, несложившейся карьерой и мрачными событиями эпохи: террором 30-х, войной и ленинградской блокадой, послевоенными процессами и горьким удовлетворением от хрущевских разоблачений. Боря превратился в усталого, грустного и желчноватого пожилого человека, который фрагментарно вспоминает свою жизнь, то смакуя прелести детства и юности, то сокрушаясь о невзгодах позднейших лет.

Повесть Метгера, как и великое множество в той или иной степени автобиографических литературных произведений, представляет собой портрет автора на фоне поколения. То, что здесь относится к автору, состоит из традиционных для этого жанра кластеров: родители; среда обитания в детстве; друзья; возлюбленные; «школа жизни», или формирование габитуса; «мои университеты»; инициации во взрослую жизнь и т. д. Подобный материал, извлекаемый из памяти лирического – очень лирического – героя, сдобренный печалью ушедших лет, всегда несет в себе мощный сентиментальный потенциал. Метгер, «человек, отравившийся собственной биографией», тем не менее местами использует этот потенциал совершенно виртуозно, как на молекулярном уровне – отдельных образов («Висел в небе балкон, меченный моей мукой»), так и на уровне более крупных мазков, в частности, сцен, построенных на контрастах: любит / не любит, молодой / старый, и других:

Тане Каменской тринадцать лет навсегда, на всю мою жизнь. И когда придет мое будущее детство – не может же оно исчезнуть бесследно, оно должно воротиться, – я явлюсь к ее нынешнему мужу и скажу ему:

– Если вы порядочный человек, отдайте мне мою Таню. Даю вам честное слово мальчика, что я пальцем до нее не дотронусь.

Мы возьмемся за руки и медленно спустимся по лестнице. Медленно, потому что у меня больное сердце, а у Тани разбиты подагрой ноги.

То же, что в этой повести относится к портрету эпохи и поколения, читать положительно невозможно. Тут есть и ежовщина, и ждановщина, и чиновный произвол, и бюрократическая волокита, и людская подлость. Рассказывается все это, во-первых, безыскусно и как бы в первый раз, как будто все эти сюжеты не описаны, не оплаканы в огромнейшем корпусе беллетристики и публицистики, а во-вторых, с позиции праведного превосходства и даже легкой назидательности. Последнее проявляется в поношенных афоризмах («В людской мерзости самое страшное не мерзость, а привычка окружающих к ней») и пошлейших наблюдениях («История легко объясняет судьбу целого класса, но не может объяснить жизнь одного человека»; «Никогда еще не было такой массовой потребности осмыслить свое прошлое, какая наблюдается у людей сейчас»).

Читателю, который удивится, почему «Пятый угол» снискал такой успех – перевод на шесть языков и престижную премию Гринциане Кавур, – следует вспомнить, что премии он удостоился в 1992 году, впервые напечатан был примерно тогда же, на поздней заре перестройки, и казался, конечно, куда свежее и актуальнее. А написал Меттер свою повесть так и вообще в 1966-м. И в то время она, безусловно, читалась совсем иначе.

Ада Ардалионова

ЛЕО, МОРИЦ И ДРУГИЕ КВАНТЫ ВСЕЛЕННОЙ

Дэнни Шейнман

Квантовая теория любви

Пер. с англ. С. Соколова

М.: Фантом Пресс, 2009. – 416 с.

Что связывает молодого англичанина Лео Дикина из 90-х годов прошлого века и австрийского еврея Морица Данецкого, умершего в гитлеровской Германии еще в конце 30-х? Этот вопрос будет интриговать читателя на всем протяжении нового романа прозаика, драматурга и актера Дэнни Шейнмана: ведь поначалу соединение в одном тексте судеб двух людей, столь не похожих друг на друга (разные времена, разные обстоятельства, разные психотипы), покажется чистой воды авторским произволом, родом научного эксперимента – вроде тех, которые проводит для своих студентов-физиков один из второстепенных персонажей книги.

Дикин – юноша обеспеченный, благополучный, легкий на подъем и, что называется, «позитивный». Однако мы наблюдаем, как этот самый человек день за днем

погружается в бездну отчаяния: внезапно потеряв свою возлюбленную Элени во время аварии автобуса в далеком Эквадоре, Лео больше не видит ничего вокруг, не может нормально работать, не способен общаться с другими людьми (в том числе и со своим отцом Фрэнком). Он уже слышит голоса из загробного мира, а граница, отделяющая его от мира живущих, постоянно истончается; еще немного – и герой окажется уже по ту сторону бытия.

В отличие от Лео, живущего в более чем «вегетарианские» времена, Данецкий дважды попадал в круговорот истории и оказывался жертвой катаклизмов: в первый раз, когда он, новобранец австро-венгерской армии, был выдернут из мирной жизни, оторван от любимой Лотты и насильственно ввергнут в хаос первой мировой; второй раз, когда угодил в эпицентр Хрустальной ночи и теперь угасает в окружении сыновей (один из которых, Фишель, от пережитого ужаса надолго лишится дара речи). Поскольку жить Морицу осталось считанные часы, он успеет лишь поведать детям о своих многолетних мытарствах, и история эта по ходу повествования поменяет жанр, превратившись из мартиролога в гимн человеческой стойкости и мужеству.

Будучи по натуре созерцателем, а по мировоззрению романтиком, Мориц тратит немало душевных сил, когда прежняя жизнь начинает с хрустом ломаться, когда былой миропорядок катится в тартарары, привычные связи рвутся, а война из увеселительной прогулки (накажем злодеев сербов – и домой!) обращается в долгоиграющий кошмар: кровавая мясорубка на Галицийском поле, смертельная стужа, бегство, плен, лагерь военнопленных в Сибири, побег и долгое-долгое возвращение – через всю Россию, революцию, Гражданскую войну – к возлюбленной Лотте, которая уже давно считает его погибшим.

Чередую эти воспоминания с переживаниями Лео, автор сознательно работает на контрасте. Сколь бы ни была глубока и мучительна экзистенциальная ловушка, куда загоняет себя безутешный юноша, бесконечные терзания его больного «эго» все же блекнут на фоне жутковатого анабазиса Морица. Еврей, австрийский подданный, без денег, без документов, он ежечасно подвергается опасности. Он может погибнуть от шашек звероватых казаков-погромщиков (прямо на глазах героя зарубивших ни в чем не повинного торговца Льва Борисовича) или от пуль фанатичных большевиков (расстрел, без суда и следствия, немецкого генерала – один из знаковых эпизодов книги). Его возвращение на родную Итаку – чудо, верность Пенелопы-Лотты – еще одно чудо, двадцать лет мирной паузы между войнами – чудо третье и последнее, и благодаря этим чудесам умирать уже не так страшно.

К концу книги проясняется наконец связь между двумя главными героями. Персонаж из 90-х понимает уже не умозрительно, что он и окружающие – кванты одной Вселенной («все мы – частички чего-то большого, персонажи гигантской картины, написанной одной рукой»). Оказывается, что Мориц – родной дед Лео, а отец его, Фрэнк, – тот самый Фишель, который в пятилетнем возрасте выслушал историю умирающего родителя, а вскоре лишился еще и матери с братьями, погибших в Аушвице. «После смерти матери я словно лишился разума, – признается он. – Тогда-то я и решил окончательно стать англичанином. Я попросту струсил. В голове у меня так и гудело: все мои родные погибли только потому, что были евреями. Где гарантия, что такое не повторится? Я никому не доверял, я привык скрывать свое прошлое...» Трагедия сына заставила Фрэнка раскрыть семейную тайну, а история Морица и его сохранившиеся письма Лотте помогли Лео взглянуть по-иному и на собственную беду...

Как рассказал Шейнман в одном из интервью, история Морица и Лотты имеет вполне реальную основу. «Я никогда не видел своего деда, – говорит писатель. – Он умер в 1938-м, когда моему отцу было пять лет. И у нас не осталось никаких документальных свидетельств о его путешествии. Единственное, что я знал точно, – он попал в плен к русским и был сослан в Сибирь, откуда три года шел пешком домой, в Польшу...» И если бы не дошел, не было бы ни этого романа, ни самого романиста. Но он все-таки дошел...

Роман Арбитман

ХОТЕЛОСЬ БЫ ВСЕХ ПОИМЕННО НАЗВАТЬ

Еврейская военная энциклопедия

Составитель И. Левитас

Киев: Сталь, 2007. – 704 с.

Излюбленное еврейское занятие – дотошный поиск «своих» среди VIP-персон (как, и ОН тоже?) – у многих вызывает ухмылку. Обратная сторона этой медали – настойчивые попытки доказать, что мы «не хуже других». Но в этой причуде, будем справедливы, еврейская вина минимальна. Поэтому вал публикаций, опровергающих стереотип «евреи не воевали», если и вызывает раздражение, то вполне объясним психологически.

Как правило, на глубокий анализ такие изыскания не претендуют, но даже сухие цифры развеивают миф «Иван воюет в окопе, Абрам торгует в рабкопе». Впрочем, автор ЕВЭ – президент Еврейского совета Украины – пошел куда дальше, объединив в биографическом словаре-справочнике около 2000 евреев, прославившихся в рядах русской армии, РККА (с 1946 года – СА) и вооруженных силах других стран. Так что претензии на энциклопедичность вполне оправданны, а целый ряд имен станет открытием даже для сведущего читателя. Среди них Всеволод Абрамович – авиатор, первым совершивший дальний перелет с пассажирами, и «по совместительству» (о чем, к сожалению, составитель умалчивает) внук Менделе Мойхер-Сфорима; Абель-Аарон Ашанский – единственный солдат русской армии, прослуживший 52 года, удостоенный всех наград и похороненный в 1899 году по иудейскому обряду в присутствии высших армейских чинов; георгиевский кавалер, дантист Липа Альперин, добровольно вступивший в 1914-м в действующую армию со своим зубным кабинетом и безвозмездно лечивший солдат и офицеров; дослужившийся до генерал-лейтенанта (после крещения) Михаил Грулев, автор стихов на иврите и мемуаров «Записки генерала-еврея», доход от которых он пожертвовал для приобретения земель в Палестине.

Даже в Белом движении были свои заметные евреи, правда, автор ошибся, включив в их число генерала Абрама Драгомирова и командира Сводной кубанской дивизии Бориса Казановича. В красном пантеоне славы евреев, разумеется, неизмеримо больше, только ордена Красного Знамени в Гражданскую войну были удостоены 80 человек, из них 11 женщин.

Отмечены и герои полузабытой финской кампании, в частности врач Борис Вейсборд (это он, кстати, лечил Ленина после выстрела Каплан), который в 1939-м в возрасте 65 лет добровольно пошел на передовую. Первому советскому поэту, погибшему на фронте, Арону Копштейну, напротив, было всего 25, когда он, спасая раненого друга, пал от пули финского снайпера.

И наконец, Война. Та самая, которая всегда с прописной. Где главное для составителя – не в очередной раз напомнить о заслугах Крейзера-Ванникова-Кривошеина, а рассказать о героях, имена которых еще вчера ничего нам не говорили... О Леониде Окуне – самом молодом (15 лет) кавалере двух орденов Славы, ныне здравствующем в Израиле. Или гвардии полковнике Абраме Темнике, который, когда в уличных боях за Берлин погибли почти все автоматчики бригады, предложил офицерам своего штаба надеть новую форму и все ордена и лично повел эту группу на штурм имперской канцелярии.

Особняком стоит Милентий Зыков – один из руководителей РОА, редактор газеты «Заря», в которой по согласованию с Власовым отказывался печатать антисемитские статьи. Убедившись, что он еврей, и приняв за советского разведчика (которым он, возможно, и был), немцы расстреляли его в 1944-м.

Довольно смело выглядит решение включить в энциклопедию евреев – сотрудников НКВД-МГБ. Так, полковник Юрий Колесников, в годы войны начальник разведки у Ковпака, дважды представленный к звезде героя, в 1947-м создавал первую агентурную сеть в Палестине, а в 1970-х был зампреда Антисионистского комитета (Героя, правда уже России, он получил в 1995-м). Михаила Маклярского, соавтора сценария знаменитой ленты «Подвиг разведчика», в 1951-м обвинили в сионистском заговоре внутри МГБ, а освободили в 1953-м. Агент НКВД Марк Зборовский, внедренный к сыну Троцкого – Льву Седову, впоследствии бежал в США, где стал профессором антропологии и работал в еврейской больнице Сан-Франциско.

Нашлось место и для современников – майора Олега Кричевского – советника афганских «командос», посмертно удостоенного ордена Красного Знамени, генерал-лейтенанта Михаила Мильштейна... Есть и совсем неожиданные фигуры: советский шпион, директор биологического института в Нес-Ционе Маркус Клинберг, во время службы в Красной Армии – главный эпидемиолог Белоруссии, или участник русско-японской войны Януш Корчак.

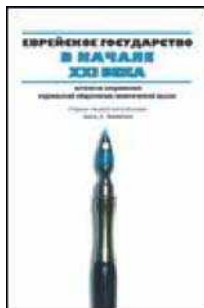
Фигурантами ЕВЭ стали не только военные теоретики, партизаны, генеральные и просто конструкторы, но и писатели, поэты, режиссеры, тем или иным образом причастные к военной теме. Возможно, это оправданный ход, ведь сложно представить историю Великой Отечественной без «Катюши» Матвея Блантера, карикатур Бориса Ефимова или памфлетов Эренбурга. Тем не менее, словно предваряя упреки педантов (ох уж эти еврейские «пять копеек»), автор обязуется включить новые персоналии во второй том ЕВЭ.

Михаил Гольд

КРАСНОЕ, КОРИЧНЕВОЕ, ЗЕЛЕНое, ЧЕРНОЕ И ЛАЗУРНОЕ

Еврейское государство в начале XXI века. Антология современной израильской общественно-политической мысли

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 424 с.

Это сборник статей, опубликованных ранее на английском и иврите в иерусалимском журнале «Azuga» («Лазурь»). Израильские интеллектуалы анализируют различные аспекты израильского бытия и дают ответы на самые традиционные нападки на израильскую политику, идеологию и повседневность.

Вы, разумеется, в курсе, что евреям вовсе не нужно государство, чтобы сохранить себя, а также свою национальную самобытность. Не секрет для вас, что сионистская идея прямо противоречит еврейским религиозным догмам. Общим местом стало утверждение о жалком прозябании арабов в современном Израиле и о бесчеловечных жестокостях, творимых пришлыми евреями по отношению к этим истинным хозяевам палестинской земли. Среди относительно новых «обвинений» – заявления некоторых археологов о том, что добытые в ходе раскопок артефакты не подтверждают библейской версии древней истории, а следовательно, историческая связь народа Израиля со Страной Израиля не более чем пропагандистский миф. Ну и так далее.

И вот все это разбирается по порядку. Так ли уж сионизм противоречит иудаизму (Йорам Хазони), так ли уж археологические «сенсации» убедительны для научного мира (Давид Хазони), точно ли национальная политика Израиля в корне отлична от национальной политики других стран, включая вполне передовые и демократические (Амнон Рубинштейн)? Не пора ли снять с израильской армии ярлык палача арабского народа и объективно оценить необходимость, способы проведения и результаты военных операций (Игаль Хенкин)?

Некоторые авторы пишут академическим языком, внешне сухо и беспристрастно, и только в примечаниях позволяют себе отвести душу. Другие, главным образом военные, в примечаниях особо не нуждаются, пишут лаконично и выразительно. Впрочем, штампов хватает у всех. Но первое впечатление самое положительное: наконец-то израильтяне открыли для себя мир, вступив в полемику с антиизраильской риторикой, которую раньше просто игнорировали. Похоже, они осознали, что пора перейти от патетики к более строгим аргументам и вести диалог с нееврейским миром на взаимопонятном языке, без гнева и пристрастия, как, собственно, и аттестует материалы сборника его редактор и автор предисловия Алек Эпштейн.

Но внимательное чтение показывает: это не совсем так. Полемика со всем миром предназначена миру лишь во вторую очередь. В первую она адресована самим израильтянам.

Дело не в том, что израильские авторы чего-то недопонимают, не владеют материалом или не дотягивают до какой-то планки в логичности и убедительности. Многие материалы как раз выглядят образцовыми в этом отношении, особенно статьи правоведов и социологов. Статьи теологов послабее: авторы занимаются в основном тем, что пакуют тезис о еврейской избранности в отвлеченные, хотя и страстные, философские спекуляции о соотношении универсализма и еврейского партикуляризма с выводом о полной победе последнего, разумеется (сюда же можно отнести невероятно претенциозную статью Зеева Магена «“Imagine”: Джон Леннон и евреи»). Им хватает широты натуры, чтобы цитировать Евангелие, как Офиру Хаиври, но мысль о необходимости коренных изменений в понимании Алахи и отрицательном эффекте клерикализации израильской политической жизни им даже в голову не приходит.

При всем том авторы сборника видят ситуацию глубже и яснее, чем большинство их читателей, и именно поэтому обращаются они прежде всего к израильтянам, к израильским евреям, которые вроде должны и так быть убеждены в том, что им с таким красноречием и профессионализмом сообщается. Подлинный ключ ко всей книге содержится в статье Йорама Хазони:

...нас охватывает ощущение полного изнеможения, а наши враги кажутся вечно молодыми; из среды нашего народа постоянно раздаются стоны о том, что мы достаточно страдали и заслужили наконец покой; мы чувствуем, что наши надежды, хотя и не полностью иссякли, не имеют, тем не менее, никакой конкретной направленности. Все эти зияющие пустоты, что разверзлись вокруг нас, порождены жизнью, лишенной той цели, которая некогда ее одухотворяла, – жизнью народа, более не убежденного в том, что он является носителем великой идеи, или, по крайней мере, такой идеи, которую стоит нести в мир... Из слов некоторых публицистов... можно заключить, что вера в какое-либо иное призвание или предназначение еврейского народа, помимо выживания, неизбежно предполагает фанатизм, мессианство и ненависть к другим этносам.

Так и напрашивается формулировка типа «идейно-духовный кризис» или что-нибудь в этом роде. Но в действительности речь о том, что израильская интеллигенция испытывает комплекс вины – и перед собственной этнокультурной традицией, и перед арабами, и вообще перед всем миром, в котором поднимает голову антисемитизм, ряженный в прогрессивно-демократически-либеральную риторику. И израильтяне не всегда могут противопоставить этой риторике и связанной с ней философии что-нибудь, кроме подобной же риторической бравады, а некоторые, по разным (прежде всего материальным, но и идеологическим) соображениям, сами усваивают такое отношение к Израилю. Книга адресована не «городу и миру», тем более что антисемитизм имманентен двум крупнейшим авраамическим религиям, о чем пишет Йосеф Дан. Книга адресована даже не «некоторым публицистам», о которых пишет Йорам Хазони и которые могли бы все и раньше прочесть, да не хотели замечать точку зрения, отличную от их собственной. Рут Гавизон, автор одной из лучших в сборнике статей о правах человека в Израиле, констатирует, что отрицание права еврейского государства на существование становится все более легитимной точкой зрения в собственно еврейской среде – и это вызывает наибольшее беспокойство.

Сборник журнала «Лазурь» нацелен на преодоление «израильского комплекса вины» по всем обвинениям – и «красным», в отсутствии демократии и нарушении прав человека, и «коричневым», в слишком демонстративно-еврейском характере государства, и «зеленым», исламским, и «черным», характерным для наиболее ортодоксальных еврейских религиозных кругов. Именно этому посвящены интеллектуальные выкладки, эмоциональный посыл и блестящие рассуждения авторов – настолько блестящие, что разные материалы сборника абсолютно несовместимы между собой, как, например, утверждение ценности мультикультурализма и убежденность, что иудаизм должен стать достоянием всего человечества.

Причем никакой внутренней полемики в книге нет, все авторы выступают единым фронтом, правополитическим. И хотя я согласен с теми, кто находит позицию израильских правых более ответственной, чем у их оппонентов, все-таки хотелось бы увидеть под одной обложкой аргументы обеих сторон.

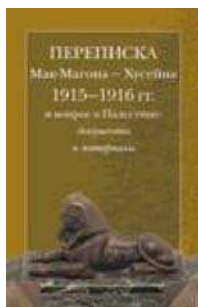
Михаил Липкин

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

Переписка Мак-Магона–Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине

Документы и материалы

М.: РОССПЭН, 2008. – 216 с.

Десять писем, о которых идет речь в этой книге, сыграли важную роль не только в истории Ближнего Востока, но и в формировании мифов о ней. Именно переписка между британским Верховным комиссаром в Египте Генри Мак-Магоном и шерифом Мекки Хусейном стала основанием для заявлений арабских историков и политиков о лжи и предательстве со стороны Великобритании, якобы обещавшей арабам всю Палестину, а затем провозгласившей ее национальным очагом еврейского народа. Ситуация осложнялась тем, что оригиналы писем Мак-Магона и их черновики исчезли уже в 1917 году.

Подготовивший первое русское издание переписки историк Дмитрий Шевелев на основании тщательного анализа материалов британского МИДа, корреспонденции высокопоставленных английских чиновников и мемуаров современников событий показывает, что ситуация обстояла далеко не так, как это пытаются представить сторонники «традиционной» версии. Сама переписка с шерифом Мекки была задумана военным министром Великобритании Гербертом Китченером с сугубо утилитарной целью – не допустить участия Хусейна в первой мировой войне на стороне Германии и Османской империи (это угрожало бы стабильности британской Индии, поскольку

Хусейн мог призвать индийских мусульман к джихаду). Вероятно, в дальнейшем Китченер действительно предполагал создать большое арабское королевство, но его план так и не был реализован – во многом из-за гибели министра в 1916 году.

Обе стороны рассматривали друг друга как неравноправных партнеров: для британских чиновников арабы были варварами, для окружения шерифа англичане были «неверными». Следствием этого стала тактика, выбранная на переговорах. Британским дипломатам было приказано давать как можно более неопределенные обещания, а шериф Мекки блефовал, рисуя своим английским партнерам мифические образы мощных партий арабских националистов, готовых начать восстание по его сигналу. Стороны по-разному интерпретировали итоги переговоров – в том числе и потому, что вкладывали разный смысл в одни и те же географические названия. Так, к примеру, англичане под термином «Сирия» подразумевали современную Сирию, а Хусейн – Сирию и Палестину. Из-за ошибок переводчиков четыре сирийских города (Дамаск, Хомс, Хама и Халеб), которые Мак-Магон выставлял как точки на линии, ограничивающей с запада территорию, претензии арабов на которую англичане не оспаривали, превратились в вилайеты.

Фактически, как показывает Шевелев, переговоры были выиграны представителями Великобритании. Англичане не обещали ничего конкретного, кроме туманного «соблюдения интересов арабской нации», а Хусейн воспринял расплывчатую формулировку («одобрение ваших просьб») как согласие Мак-Магона на все его территориальные требования. При этом вопрос о вилайете Бейрут, в состав которого входила Палестина, англичане оставили открытым, предполагая обсудить его позднее, что не вызвало возражений Хусейна. Более того, шериф одно время признавал Декларацию Бальфура.

К сожалению, в дальнейшем, как отмечает Шевелев, мнение о «предательстве» Великобритании по отношению к арабам, которое впервые сформулировал в 1919 году Арнольд Тойнби (интересно, что впоследствии он поменял свою точку зрения на противоположную), сыграло трагическую роль. Именно чиновники-«арабисты» британского МИДа во многом способствовали тому, что на созванном в 1939 году круглом столе возобладала арабская позиция и была принята «Белая книга», согласно которой количество еврейских иммигрантов, получавших разрешение въехать в Палестину до 1944 года, ограничивалось 75 тыс. человек. Таким образом был закрыт один из немногих путей для спасения европейских евреев от ужасов Холокоста.

Семен Чарный

МЕТАМОРФОЗЫ СУББОТЫ

Леонид Кацис

(Еврейские художники из России в америке)

В Русском музее в Петербурге и в Третьяковской галерее в Москве прошли выставки «Американские художники из Российской империи». Не так трудно представить себе, что изрядная часть этих художников – евреи. Куда труднее было предположить, что примерное процентное соотношение евреев и не евреев из России на американской художественной сцене окажется практически таким же, как и в самой бывшей империи, ставшей Советским Союзом.

Макс Вебер. Талмудисты. 1934 год

Как всегда, когда речь заходит о ценностях «общечеловеческих», а живопись (да еще часто – авангардная), независимая от языка, в отличие от литературы, куда более «конвертируема», сразу же возникает вопрос: насколько эти русские (впрочем, и белорусские, и литовские, и украинские) евреи – евреи, и, соответственно, насколько они русские.

Или иначе: насколько представители еврейской эмиграции в США относятся к феномену так называемого русского зарубежья вообще? И организаторы выставки, и авторы каталога – а в ряде случаев это одни и те же люди – выбрали второй вариант. Неудивительно. Ведь Русский музей в Петербурге – не нью-йоркский Еврейский музей, откуда взяты многие вещи. Более того, некоторые абсолютно еврейские произведения – и

по теме, и по манере – из больших американских собраний, никак не связанных с еврейством.

Устроители, по их собственным словам, сознательно отказались от включения в экспозицию произведений представителей третьей волны эмиграции, считая, что время для оценки конкретного вклада конкретных художников этой эмиграции еще не пришло. Для нас же это означает, что выставка посвящена тем художникам, евреям и не евреям, которые несли в себе образ Российской империи. То есть сохраняли в нашем случае реальную память о еврейской жизни в этой ушедшей с исторической арены стране. Это и облегчает анализ и подбор работ, и одновременно ставит перед устроителями задачи интерпретации произведений, имеющих далеко не всегда очевидное содержание и символику. По большей части касательно русских художников или художников еврейского происхождения, которых трудно назвать художниками еврейскими, у профессионалов из Русского музея и целого ряда американских музеев проблем нет.

Однако и на выставке, в каталоге, есть такие моменты, когда добросовестного искусствоведа оказывается недостаточно. Именно на таких случаях мы и остановимся, ибо каждая картина на выставке имеет соответствующие пояснения, а они-то часто вводят одного зрителя (свободного от «национальной озабоченности») в заблуждение, а «озабоченного» – в ступор.

И раз выставка не очень большая, и творчество художников, на ней представленных, не отражает в целом их вклад в искусство, то мы в рамках «Табели о рамках» поговорим о конкретном содержании конкретных «рамок» вкуче с поясняющими их надписями.

Итак, Макс Вебер, «Талмудисты», 1934 год. Но сначала текст: «Макс Вебер, один из лидеров американского модернизма, из тех немногих художников, кто использовал язык современной живописи для изображения еврейских тем. Картина “Талмудисты”, со свойственными ей нервными силуэтами и маньеристической композицией, свидетельствует о преклонении Вебера перед Эль Греко. Подобно жестам величественных христианских персонажей и святых Эль Греко, Вебер воспроизводит экстатическую жестиколяцию мистических сектантов-хасидов»[\[1\]](#).

Прежде всего, в этой картине Вебера нет ничего «экстатического», а сектантами хасидов называют лишь те, кто не знает смысла термина «сектант». Кстати, ничего особенно модернистского для 1934 года в этой работе нет. А вот сама картина, и особенно ее композиция, представляет несомненный интерес.

Макс Вебер. Шабат. 1941 год

Центральная осевая композиция, где из девяти персонажей жестикулируют трое, решена как последовательность разных способов изучения Талмуда. На первом плане два еврея, сидящие напротив друг друга, над двумя открытыми томами, спокойно обсуждают какое-то место, не исключено, что не соглашаясь друг с другом. Характер спора подчеркивают линии спинок их стульев: у правого это округлые, мягкие и даже не очень основательные формы сиденья, а у другого – мощное фундаментальное сиденье с острыми шишечками на спинке. Из этой «маньеристической» композиции для знающих, как именно спорят о талмудических проблемах, с однозначностью вытекают не только характеры этих евреев, но даже – позволим себе такое допущение – манера толкования талмудических проблем и подходы к их решению. Что-то типа решений школ Шама и Гилеля или польского хасидизма в сравнении с украинским.

Двое других талмудистов, сидящих на общей скамейке, но за тем же столом, изучают одну книгу, излучая мудрое спокойствие. Спинка (а конфигурация этого элемента оказывается едва ли не главным семантическим ходом художника) их скамейки – плавная и округлая, исключая противопоставление первой пары. Эти двое ищут не противоречия, а согласия. И контрапунктом прямо за их спиной – те самые трое остро спорящих и характерно жестикулирующих евреев, без которых не обходится ни один диспут, у хасидов или митнагедов, да и почти ни одна картина на данную тему. Но и этот композиционный треугольник не нарушает сложной парности композиции. Ведь спиной к нему и ко всей синагоге вновь сидят два еврея и спокойно беседуют. Однако ажурности спинки скамейки, на которой сидит пара талмудистов во втором ряду, противопоставлены два еврея, смотрящие друг на друга в последнем ряду, спроектированные на лестницу и окно в стене, которые сидят на скамейке с плотной сплошной спинкой, не обращая внимания на окружающих.

Но пуант картины Вебера не в этом. Его больше всего волнует тот маленький еврей, который обеими руками показывает на окно с синеватым светом, льющимся с улицы. А ведь это знак того, что настает вечер, не исключено, что субботний, и пора, отвлекшись от алахических споров, молиться. Напомним, в момент встречи субботы все молящиеся поворачиваются к открытой входной двери, чтобы встретить невесту-субботу. А на картине Вебера все участники заняты своим спором и забыли и об арон кодеше, и о спускающейся к ним субботе. Подобная сцена есть и в Агаде на Песах, где мудрецы обсуждают время начала праздника, а им сообщают, что он уже начался.

Что же касается эль-грековских мотивов в колористическом решении картины «Талмудисты», то время его жизни для еврейского сознания далеко не благостно. Ведь знаменитый золотой век испано-мавританского еврейства закончился изгнанием евреев из Испании, преследованием марранов и введением ценза по «чистоте крови», свободной от еврейских примесей. Теперь остается взглянуть на дату написания картины Вебера: 1934 год, приход к власти в Германии Гитлера.

Макс Вебер. Две вазы. 1945 год

А вот и картина «Шабат» того же автора, но 1941 года, о которой читаем: «Работы Макса Вебера на еврейские темы 1940-х созданы художником, хорошо знавшим ужасные условия, в которых существовали европейские евреи при Холокосте. Четко прорисованные выразительные фигуры в холодных, монохромных тонах усиливают напряженное скорбное настроение, заполняя аскетический вневременной интерьер».

Поразительно, но интерьер, названный авторами каталога вневременным, на самом деле являет собой часть предыдущей композиции «Талмудисты». Только в «Талмудистах» евреи еще выглядели как иудеи, а в этом «вневременном» интерьере три грустных еврея в котелках сидят чуть ли не в артистическом кафе, где даже высокая спинка стула, на котором сидит женщина в красном, напоминает скорее мольберт, чем спинку. А одинокая фигура, сидящая за столиком слева и читающая то ли газету, то ли фолиант, размером с том Талмуда, никак не взаимодействует с остальными персонажами. Не говоря уже о том, что никаких признаков субботы на картине «Шабат» увидеть невозможно. Толкований здесь может быть много. И одно из них – американское: еврейскому художнику в современной Америке уже не для кого живописать шабат, люди в цилиндрах этого не поймут, им это уже не надо. А другие? Пусть ищут зрители. Хотя здесь можно вспомнить, сколько художников парижской школы из еврейских центров Европы погибло во время Холокоста. Их картинами полны музеи Кракова, Варшавы,

Львова и т. д. Именно о них писал стихи памяти погибших друзей Шагал. Не исключено, что и Вебер думал о них же.

Характерно, что устроители выставки и составители каталога, стремясь продемонстрировать собственно модернистские тенденции в творчестве Вебера, поместили работу «Две вазы» 1945 года между «Талмудистами» 1934-го и «Шабатом» 1941-го. Однако стоит последовать хронологии – как творчества художника, так и трагических событий еврейской истории 1930–1940-х годов, – как комментарий к простому, казалось бы, натюрморту, который дают составители, обретет свою реальность и осмысленность: «Макс Вебер был первооткрывателем европейского модернизма в Соединенных Штатах. На картине “Две вазы” изображены тонкие вазы с цветами на длинных стебельках. Параллельные вертикальные линии контрастируют с изогнутыми повторяющимися формами ваз. Насыщенный голубой тон доминирует, акценты желтого, зеленого и красного придают всей композиции мерцание, нередкое качество в произведениях еврейских художников. В работе “Две вазы” Вебер использует как интенсивный цвет, создающий особую атмосферу, так и кубистические формы» .

Если бы не последняя фраза, контрастирующая с остальным текстом, мы могли бы сказать, что перед нами действительно еврейская композиция и вновь связанная с субботой. Только в вазах-подсвечниках вместо свечей, которые уже некому поставить в 1945 году, стоят цветы, создающие то самое мерцание отсутствующих свечей, которое действительно часто встречается у еврейских художников. Движение же от квази-эль-грековских мотивов через экспрессионистское кафе в шабат к мерцающим «Двум вазам» лишь прочерчивает стилистическое развитие Вебера, параллельное в целом художественному развитию его современников любого происхождения.

**Марк Шагал. Окно на даче. Заолшье.
1915 год**

Анализ последней картины подтверждает, что кто-то из составителей альбома и организаторов выставки представляет себе саму возможность существования собственно еврейского художественного языка и его исторического развития. А в некоторых случаях авторы альбома даже не без юмора толкуют откровенно еврейские произведения, такие, как «Пороссячи ножки в уксусе» Питера Блюма 1927 года: «Образ, созданный Блюмом, одновременно серьезен и ироничен. Маленькая фигура женщины, вписанная в зимний пейзаж, контрастирует с преувеличенно изображенным натюрмортом со свиными ножками, запретным плодом (так! – Л. К.), недоступным еврейской девушке».

Однако картина Блюма намного сложнее того, что увидели комментаторы. Они исходят из двух очевидных предпосылок: евреи не едят свинину и еврейской девушке нельзя выйти замуж за нееврея. По-видимому, именно это подразумевает выражение «запретный плод». Напомним, библейское понятие запретного плода имеет самое отдаленное отношение к кулинарии или кашруту.

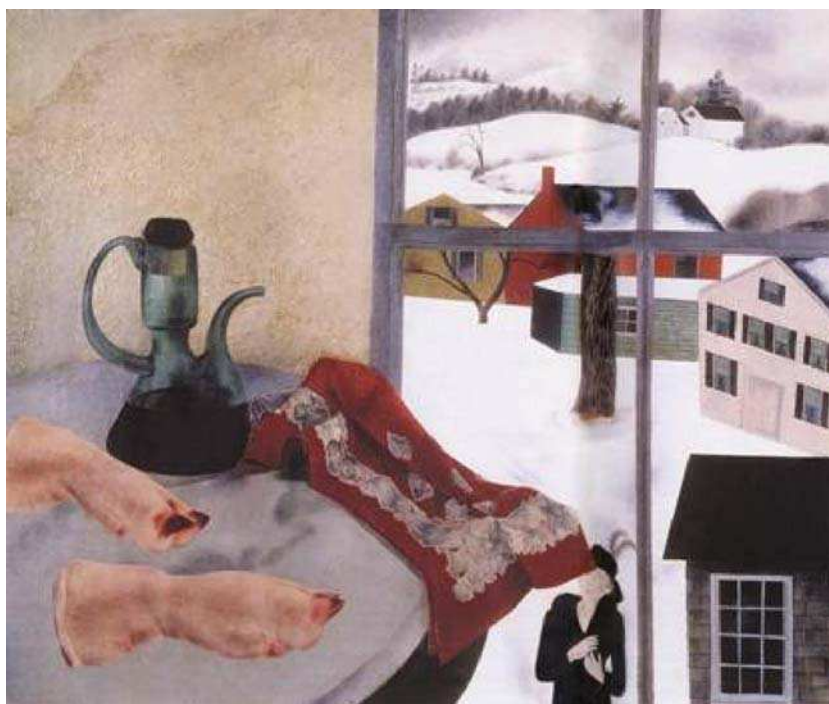
Разумеется, можно было бы сразу перейти к анализу «плана содержания», однако стоит подумать и о том, что лингвисты называют «планом выражения». В композиции картины тонко учтены некоторые особенности знаменитой картины Марка Шагала русского периода «У окна». Форма салфетки, лежащей на краю стола, практически повторяет своеобразную форму занавески на окне у предшественника. Однако Блюм работает уже в Америке 1927 года, где российско-еврейские реалии не работают. Поэтому вспомним, что и В.Г. Короленко в знаменитом рассказе «Без языка» описывал украинского крестьянина, который с сожалением отметил, что суббота у эмигрантов в Америке совсем не похожа на ту, что он помнил у себя дома. Или, например, в романе Розы Коэн, который в начале 1920-х переводила с английского языка на русский Н.Я. Мандельштам, рассказывалось о хасиде, который дома в субботу и платка при себе не имел, а в Нью-Йорке, встречая семью, был не только в гражданской одежде, но и спокойно платил за услуги.

Предметы на столе – графин с уксусом, (просто скисшее вино: пьющие будут пить вино, а чувствовать вкус уксуса), и отодвинутая салфетка, под которой вместо двух плетеных хал оказались две свиные ножки и открытые, вместо того чтобы быть прикрытыми салфеткой, субституту хал, – все это однозначно говорит о том, что речь художник ведет не о библейском «запретном плоде».

А вот невеста на картине все же есть – это невеста-суббота, – но она стоит пораженная перед тем окном, где ее прихода не ждут... А за окном зимний провинциальный американский пейзаж, про который уже было сказано: «Хоть похоже на Россию. Только все же не Россия». И, глядя на картину, трудно понять, то ли салфетка свисает со стола, то ли часть ее прижата к закрытому окну. А ведь у Шагала окно было открыто. А кроме того, и ближний ствол явно обрубленного дерева, и даже верхние ветки дерева поодаль поразительным образом не выходят за обрез горизонтальной перемычки окна, будучи похожи на памятник на еврейских кладбищах. А ведь перед нами еще только конец 1920-х. И даже до картин Вебера еще лет 10–15.

На наш взгляд, эта картина Питера Блюма является замечательным предвестием художественного осмысления субботы у Вебера. А неожиданным завершением субботней темы в альбоме оказывается работа Наума Чакбасова «Вечер в пятницу» 1946 года, о которой читаем: «На картине “Вечер в пятницу” представлена типичная еврейская семья, сидящая за столом, накрытым для встречи шабата. Фон наводит на мысль о скалистом пейзаже, неотъемлемом атрибуте, сопровождавшем изображение святого семейства старыми мастерами. Предметы натюрморта, цветущие растения и красный лик луны

являются символическими формами, присущими юнгианству, сторонником которого был сам художник».

Питер Блюм. Поросячы ножки в уксусе. 1927 год

Здесь практически каждое слово требует комментария. И прежде всего потому, что нам далеко не всегда известны ментальные предпочтения того или иного художника, лишь несколько картин которого мы видим, порой впервые. Таково и сообщение о юнгианских предпочтениях еврейского художника, пишущего субботу тогда, когда уже хорошо известна судьба еврейских семей Европы, сгоревших в огне Холокоста, и когда уже евреям – поклонникам Юнга было известно, что этот психоаналитик оказался вполне ко двору гитлеровскому режиму. Поэтому даже само сочетание «еврейское юнгианство» после войны звучало совсем не так, как до войны, когда К.-Г. Юнг разработал свою теорию коллективного бессознательного, основанную на мифологических архетипах. Именно их использование – неважно, с опорой на теории Юнга или нет – привело к тотальному оболваниванию немцев – основных виновников гибели тех, кого изображал художник.

Традиционное изображение святого семейства, которое привиделось авторам выставки в изображении шабата, нарушено, прежде всего, наличием вместо младенца фигуры девушки, глядящей получудесную-получудовищную рыбу и, похоже, вспоминая своих родителей, изображенных (особенно мать) с характерно закрытыми глазами. Ярко-красная луна, изображенная в цвете Марса, огненная рамка портрета родителей, находящая свое отражение в зловещих отсветах отсутствующего огня субботних свечей, и, наконец, красный цветок-ханукия, изображенный на переднем плане рядом с потухшим светильником, составляют предметно-символический строй картины Чакбасова.

В свою очередь, обращает на себя внимание способ изображения волос женских персонажей «Вечера в пятницу». Так изображал волосы своей главной героини, соотносимой с невестой-субботой, в парижский период Марк Шагал – например, на фоне белой, а не красной марсовой Луны, живописуя парижское Марсово поле. Не есть ли эта

картина момент передачи традиции вечеров пятницы от ушедшей субботы погибших поколений к новой чьей-то будущей невесте, которая и продолжит традицию?..

Теперь можно с уверенностью сказать, что даже если способ изображения святого семейства стал архетипом художественного сознания, то еврейское происхождение того семейства в любом случае является архетипом христианского сознания. Не забудем, что и Шагал во время гражданской войны в России изображал Христа страдающим евреем либо евреем-младенцем, распятым на кресте. Причем сам сюжет художник брал с иконы в витебском костеле, изображавшей известное христианское обвинение евреев в ритуальном употреблении еврейской крови. Поэтому, говоря об изображениях типа святого семейства еврейскими художниками, всегда необходимо помнить о том, что это может быть и нечто далекое от общехудожественной традиции.

Бен Шан. Нью-Йорк.1947 год

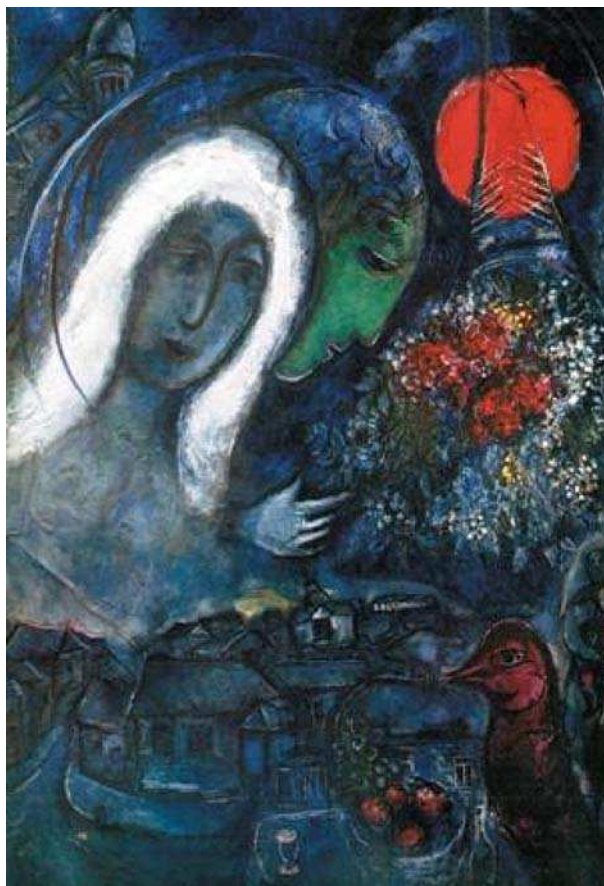
В некоторых случаях авторы обсуждаемого каталога помнят об этом. Так, говоря о евангельском цикле Бориса Анисфельда, они пишут: «Явно изображая сцену «Снятия с креста», художник ассоциирует ее, впрочем, как и другие произведения цикла, с собственной судьбой». Но и эта традиция знакома еврейской культуре. Так, знаменитый идишский писатель Шолом Аш писал огромный роман «Мессия» примерно с теми же целями и такими же средствами, если можно говорить о параллелизме «средств» в сложной символической живописи и литературе.

В некоторых случаях комментарии звучат, мягко говоря, бестактно. Так, к картине «Нью-Йорк» 1947 года, дан следующий комментарий: «Образ старого еврея на фоне нью-йоркской витрины – своеобразный символ послевоенного города, в котором было немало оставшихся в живых представителей этого народа (?! – Л. К.). В то же время современная американская витрина, как фон для главного персонажа, вызывает ассоциации с традиционными лавками в российских еврейских местечках, о которых, несомненно, помнил автор полотна. Ностальгическая и фантастическая композиция представляет собой коллаж из сделанных художником изображений. На создание этой работы его вдохновили две фотографии, снятые им в 1930-х, на одной из них – рыбный рынок в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка (важнейший центр еврейского эмигрантского

расселения в те времена. – Л. К.), а на другой – юноша в плавках. Бен Шан соединил два этих мотива для того, чтобы выразить трудности своего иммигрантского опыта и печальные воспоминания о младшем брате, который утонул 20 годами ранее».

Пусть так, нет сомнений, исследователям виднее, что именно легло в основу биографического пласта картины. Тем более что в традиции еврейского искусства не новость использование реалистических фотографий как основы авангардных произведений. Не так давно мы благодаря находкам петербургских коллег смогли увидеть один из вариантов пиктореализма в творчестве витебского мастера Соломона Юдовина. Однако никому не придет в голову сводить все его художественные достижения к обработке его же фотографий времен экспедиции С. Ан-ского. Здесь же мы встречаемся именно с такой ситуацией.

Более того, комментаторы не почувствовали неловкости, говоря о Нью-Йорке и его еврейском населении, что там «было немало оставшихся в живых представителей этого народа». Как будто война прокатилась по Нью-Йорку, а еврей в характерной шляпе – один из немногих выживших. При этом и сегодня Нью-Йорк остается центром еврейской религиозной жизни, где все те же «представители» продолжают жить по законам своих предков.

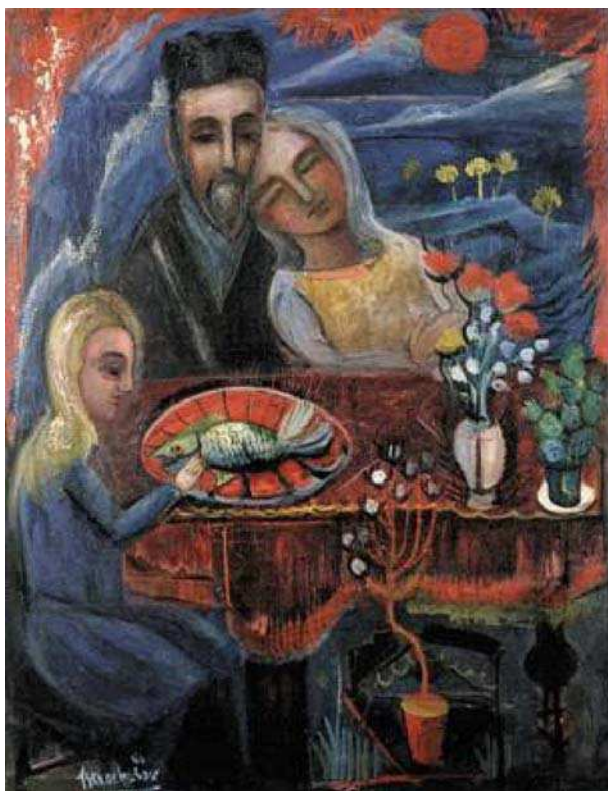
Марк Шагал. Марсово поле. 1953–1956 годы

И если уже использовать предложенные устроителями образы, то стоит вспомнить, что и утонувший брат художника, и он сам движутся в одну и ту же сторону. А рыба, стремящаяся на весы ист-сайдского рынка, застывшие под водой на цифре «0», проецируется не столько на нью-йоркскую витрину, сколько на каркасы ушедших под воду домов. Если же все герои картины и отражаются в нью-йоркской витрине, то ее

отблески дают ощущение ухода под воду той цивилизации, которая погибла в Европе и к которой принадлежит уходящий за раму картины, в закартинное небытие, традиционный еврей.

В сущности, все полотна, о которых идет речь, относятся к проблеме отцов и детей, традиции и новой жизни в Америке, практически постапокалиптическому существованию европейских евреев, оказавшихся в новом заокеанском мире в одиночестве. Ведь вместо эмиграции, писем родным в бывшую империю, помощи им, посылок и высылки шифт-карт за океаном осталась пустота. И тут уже неважно, кто и как ушел под воду, разделяющую континенты: брат, утонувший в Америке, или погибшие европейские евреи.

И еще один вариант осмысления еврейской истории, на сей раз представленный Мозесом Сойером: «Библиофил», 1934 год. «На картине “Библиофил” отец художника изображен рядом с полкой книг, на которой стоят статуэтки, картины и рисунки. Несмотря на скромную одежду, он ассоциируется с этими символами высокой культуры. Отец Сойера был маскилом, до эмиграции в Соединенные Штаты проповедовал еврейскую и общую культуру на еврейском языке в России».

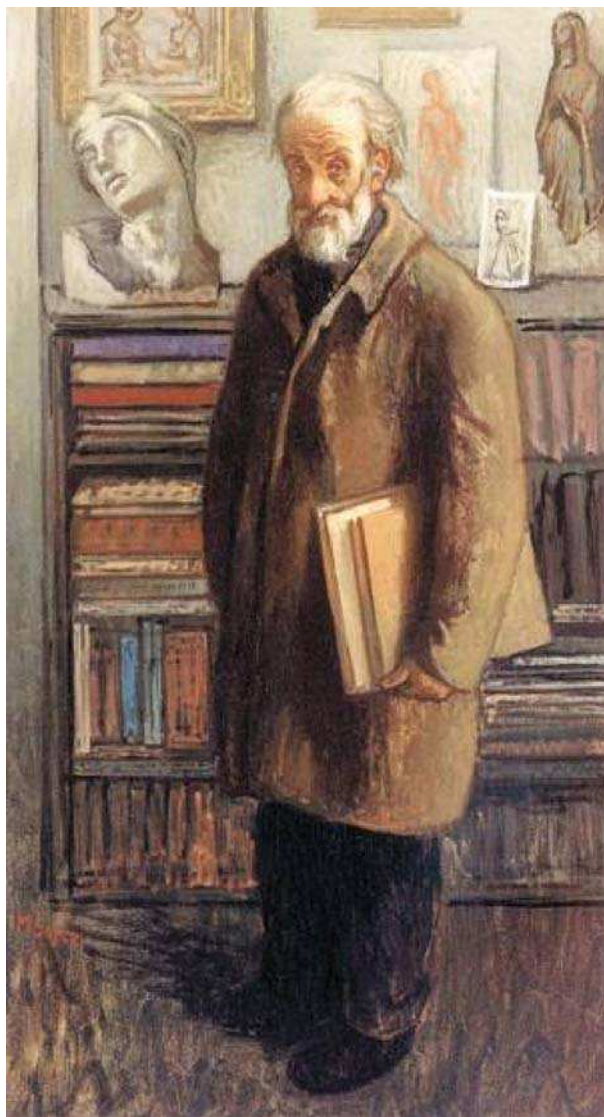

Наум Чакбасов. Вечер в пятницу. 1946 год

Необходимо помнить, что маскилы (еврейские просветители), прежде всего, отказывались от традиционной еврейской религиозной культуры. Здесь же перед нами человек, стоящий на фоне статуэтки Богородицы и разного рода книг, скорее всего, не еврейского содержания. А ведь именно книжный шкаф был всегда символом еврейского дома, и книги эти были, понятно, не альбомы по искусству. Поэтому грустный вид маскила, который так упорно боролся в России за обезьеивание евреев, показывает, что он ощущает себя одиноко в Америке, где этот процесс шел без всякой помощи тех, кто боролся с иудаизмом по-еврейски. Новые поколения евреев Америки уже переходили на английский язык и все более активно покидали Ист-Сайды, рыбные рынки которых

тоже оставались все больше в воспоминаниях. Этот процесс куда активнее пошел через 20 лет после написания «Библиофила», но никто не может лишить художественные произведения некоторых провиденциальных потенций. И Б-г его знает, что думал отец художника о судьбе своего народа, если он, конечно, дожил до тех времен, о которых мы здесь по большей части говорили.

В заключение отметим: все «просмотренные» нами картины, за исключением одной («Две вазы» Вебера), оказались собственностью Еврейского музея. Остальные «общечеловеческие» работы этих же художников хранятся в обычных музеях, галереях и фондах.

Мозес Сойер. Библиофил. 1934 год

Разумеется, можно поместить их в общий ряд русского эмигрантского искусства в Америке. Однако делать это надо не с целью «утопить» еврейское содержание в общеискусствоведческих рассуждениях, обращая к слову «еврейский» лишь тогда, когда это заставляет сюжет картины. Разумеется, на этой выставке было что посмотреть и у русских художников (здесь достаточно С. Судейкина с Н. Фешиным), и у еврейских классиков М. Ротко или Ж. Липшица с А. Маневичем. Но первые вполне удачно описаны в каталоге и вполне понятно смотрятся на фоне русской художественной культуры. А вторые и так достаточно известны в своем еврейском качестве. Мы же хотели по-

зрительно и по-еврейски поговорить о тех картинах и художниках, которые сами видели впервые. А если кто-то сочтет, что мы что-то исказили, представительный альбом, превышающий объем реальной выставки в Третьяковке и Русском музее, к их услугам.

[1] Русский музей представляет: Американские художники из Российской империи / Альманах. Вып. 208. СПб: Palace Editions – Graficart, 2008. Авторы статей: Евгения Петрова, Элисон Хилтон, Перси Норт, Харлоу Робинсон, Шэрон Мари Карнике, Бет Холмгрен.

ТЕАТР. ВЕНЕЦИЯ. ТЕЛЬ-АВИВ

Григорий Ревзин

В 2002 году совладелец фирмы «Mercury» Леонид Фридланд решил строить «Деревню роскоши» в Барвихе. Это должно было быть самое бонтонное место Рублевки, поэтому он приглашал самых модных западных архитекторов. Сначала Филипп Старк, дизайнер номер один в Европе 1990-х, потом швейцарцы Херцог и Де Мерон, только что получившие Притцкеровскую премию (архитектурная нобелевка) за галерею Тейт в Лондоне. Это был своего рода конкурс (хотя жюри состояло из одного Фридланда), и для порядка он пригласил архитектора из России. Так Юрий Григорян победил первых звезд европейской архитектуры.

«Деревня роскоши» в Барвихе

Идея была такая. На Лазурном Берегу рыбацкие деревни превратились теперь в роскошные курорты. Рыбацкая деревня – это когда вдоль моря идет дорога, на ней слева и справа стоят дома. Довольно старые – в основном, XIX века – и очень простые. Все эти дома превратились в бутики роскоши. Вы идете по набережной и любуетесь то морем, то витринами.

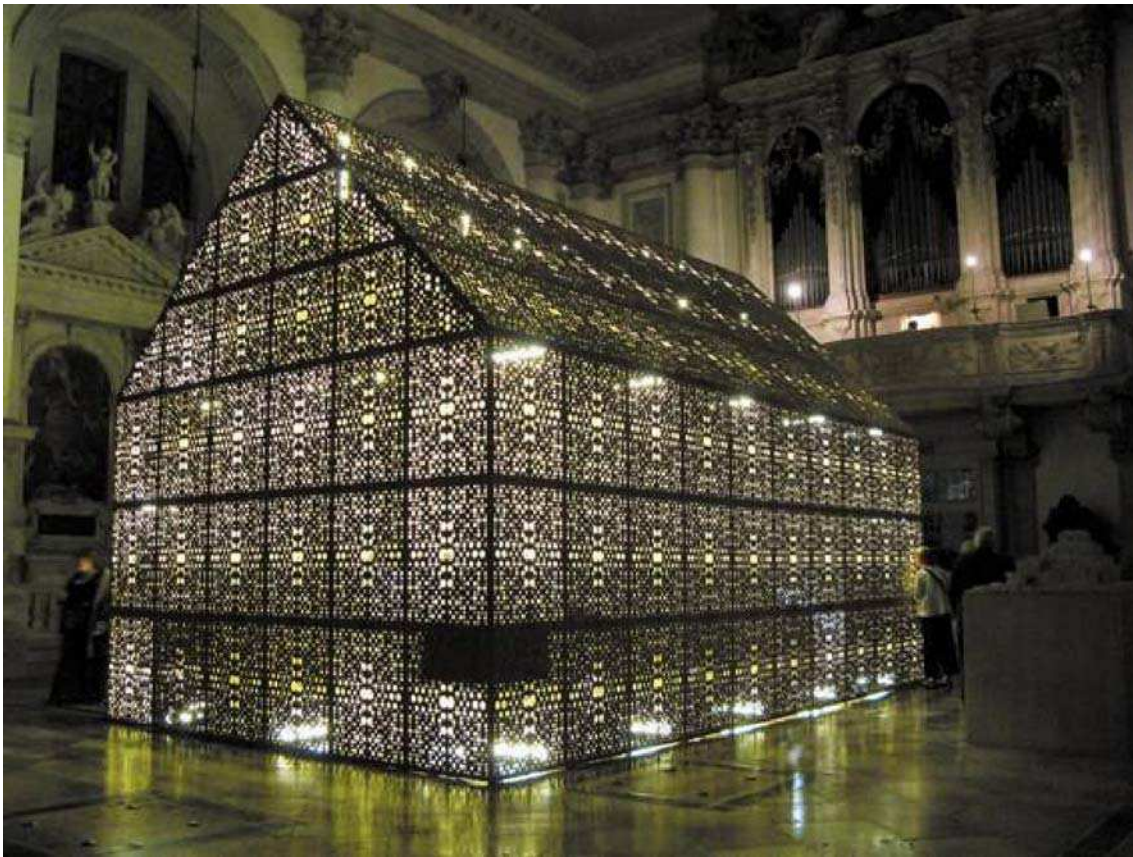
Фридланд задумал что-то подобное в Барвихе. Как бы была старая подмосковная деревня, а потом все избы заняли магазины люксовых брендов. Но как-то не избы, а что-то больше подходящее к люксовым брендам. И чтобы все это как-то очень естественно и правильно смотрелось среди русских полей. Такая нормальная еврейская мечта: сидим среди русских полей, торгуем золотом, бриллиантами, швейцарскими

часами и при этом смотримся естественно и органично, как будто так надо. Вопрос, как бы это могло выглядеть.

Херцог и Де Мерон всерьез восхищались пластикой русского бревна, говорили, что такого нет нигде в Европе, и было даже страшно подумать, что они нарисуют. Филипп Старк предложил пустить вдоль деревни открытый травелатор, как в аэропорту. Видимо, ему несколько наскучило смотреть курорты Лазурного Берега, и он полагал удачной идеей проскакать эти бутики побыстрее, что находилось в решительном противоречии как с русским климатом, так и с законами торговли. Юра Григорян от деревни оставил кривую улицу и деревянные дома. Вы, наверное, заметили: в русской деревне всегда бывает только одна улица и она никогда не бывает прямой, а как бы виляет в поисках неведомых преимуществ. Вот такую улицу и спроектировали. Но что касается домов, то вместо изб были построены идеально правильные прямоугольники-контейнеры из канадской лиственницы. На улицу они выходят стеклянными витринами, между ними перекинута стеклянные мосты, идеальное замощение светится изнутри, много охраны, – на Рублевке смотрится естественно и органично, как обычная русская деревня. Может быть, не сейчас, но скоро все они, Несытово, Неелово, Заплатово, Дырявино, Горелки, Голодухино, Неурожайка тож будут вот так вот выглядеть.

До 2005 года деревня роскоши, как и положено деревне, ничем не начиналась и ничем не заканчивалась. С архитектурной точки зрения улица, которая ведет в никуда, довольно абсурдное явление, но в деревнях так принято. В 2005-м архитектурная логика победила деревенскую. В конце улицы возник театр.

Если сама деревня была очень понятным произведением эко-тека (это когда хай-тековское качество инженерии соединяется с естественными материалами, с деревом), то театр – это нечто, ни на что не похожее. В принципе, все сделано просто. В центре – прямоугольный зрительный зал. Он выглядит как киностудия, главное достоинство которой в том, что она может трансформироваться во что угодно. Пол там поднимается и понижается: может быть дискотечный танцпол, может – казино, а может – амфитеатр поднимающихся кресел. Сцена, в свою очередь, тоже может подниматься и опускаться. Раньше в типологии театральных зданий было такое понятие – универсальный киноконцертный зал. Понятие было, а самого зала никогда не было. Теперь он появился. Зато вокруг зала расположено нечто изумительное. Это открытое свободное пространство, ограниченное деревянными пилонами. У каждого пилона своя форма, каждый переламывается и загибается под своим углом, и больше это напоминает не механические строительные формы, а рощу деревьев, окруживших зрительный зал. Вернее, даже не деревьев, а современных скульптур на тему деревьев. Причем стоит начать двигаться, и возникает ощущение, что эти деревья двигают кронами, то заслоняя от тебя вид, то, наоборот, приоткрывая окружающее. Эти скульптуры деревьев фантастически работают и снаружи. Такое ощущение, что фасад все время движется. По нему как будто пробегают волны, он будто колыхается в воздухе. Тут удалось сделать то, что в современной архитектуре обычно никогда не удается, – уйти от образа машинной, механической формы. Этот фасад работает как колоннада древнегреческого храма – создает ощущение архитектуры как скульптурной формы. Это очень трудно спроектировать и очень трудно построить – в здании нет ни одного повторяющегося элемента, оно как будто вытесано руками из дерева. Юра сделал то, что уже очень давно никому не удавалось. Стекло – восхитительный материал, но совершенно мертвый, у него нет ни пластики, ни формы, ни веса, одна прозрачность. Он сделал живую прозрачную стену.

Инсталляция «Роддом» в церкви Сан-Стае в Венеции

Такие вещи просто так не делаются. Стена для архитектора – нечто изначальное и само собой разумеющееся, то, о чем как-то не думается из-за очевидности предмета. Театр «Mercury» – результат художественных экспериментов со стенами, которые Юра проводил во множестве. Всех не опишешь, но хотя бы один. Это было в Венеции, в прошлом году, на биеннале.

Там есть церковь Сан-Стае, напротив гетто, через Большой канал. Барочная церковь 1710 года, архитектор Джорджо Грасси. В Венеции поразительные церковные власти – они разрешили сделать посередине храма архитектурную инсталляцию по случаю биеннале. Инсталляция называлась «Роддом» и выстроена была как своего рода рождественский вертеп. То есть это был маленький домик, все стены которого усеяны круглыми дырками, составлявшими некий орнамент, заглянув в некоторые из них, можно было увидеть зародыши будущих архитектурных идей. Замысел выставки зародышей принадлежал знаменитому русскому куратору Юрию Аввакумову, сами по себе идеи были маленькие, иногда прекрасные, иногда не очень интересные, но весь этот дом светился изнутри. Свет лился из всех отверстий и создавал ощущение, что дом выстроен из света и тени. Барочная церковь – это такое пространство, в котором трудно выставить что-нибудь заметное, уж очень оно активно само по себе. Еще труднее сделать там что-то современное. Но инсталляция смотрелась идеально, будто была там всегда.

Это уникальное свойство Григоряна – с одной стороны, он очень современный архитектор, с другой, он легко встраивается в историческую архитектуру, будто работает не сегодня, а вообще работает, и то, что делает, могло бы существовать в любое время. Это очень важно для понимания его лучшего проекта, к которому я, собственно, и веду.

В Москве есть один такой великий человек Борис Кузинец. Собственно, живет он больше в Израиле, а в Москве строит. Великий он потому, что придумал Остоженку. Не улицу, а тип жизни. Именно ему принадлежит идея сделать из Остоженки район нового суперэлитного жилья. Когда он построил там первые дома, люди впервые увидели, как это должно выглядеть. После него на Остоженке стали строить еще несколько компаний, но до его уровня никто не дотянул. Хотя он очень хороший бизнесмен, но его, в отличие от остальных, интересует не только цена, но и качество изделия. А это редкое свойство среди девелоперов, и обычно очень им мешает, потому что вводит в расходы.

Теперь Кузинец решил строить свой дом в Тель-Авиве. Там перед набережной есть парк, и на него выходят дома первой линии. Участки очень узкие, так получается, что на этаже всего одна комната. Правда, на первом этаже две – гостевые, а потом детская, спальня, столовая, гостиная и бассейн – всего шесть этажей. Есть маленький лифт и лестница.

Фрагмент проекта дома в Тель-Авиве

Когда Юра показал мне проект, я сразу его узнал. Вернее, я узнал его неправильно: я подумал, что это фрагмент иерусалимской стены. Дом сделан так, что сначала кажется, будто в нем вообще нет окон, он весь состоит из каменных блоков, разных по размеру, иногда совсем больших, иногда меньше. Блоки белого иерусалимского известняка. Некоторые из них прорезаны узкими щелями, под произвольным углом, – выглядит как следы то ли стрельбы, то ли еще чего-то похожего...

Потом оказалось, что это дом в дневном виде. В Тель-Авиве очень жарко. И эти каменные блоки – на самом деле как жалюзи. Узкие щели пропускают свет днем, и они так виртуозно рассчитаны, чтобы направлять его в нужные места. А когда жара спадает, стена начинает двигаться, блоки раскрываются, и за ними появляется стеклянный дом. Но

самое поразительное зрелище даже не тогда, когда дом полностью раскрыт, а когда вечером в нем горит свет. В щели между каменными блоками, там, где обычно строительный раствор, льется свет. Ощущение, что стена оживает, озаряется изнутри какой-то скрытой в ней энергией света.

У Бориса Кузинца в свое время была вилла на Остоженке, которую тоже строил Григорян, и там уже были эти каменные жалюзи. Слэб мрамора прикрывал стеклянную стену, а когда нужно, поворачивался и полностью ее открывал. В Москве мало солнца, небо обычно серое, но даже так мрамор, сквозь который шел свет, производил огромное впечатление. Можно представить, как это будет в Тель-Авиве.

Борис Кузинец пробовал заказать проект этого дома моему любимому архитектору Моше Сафди, и тот даже начал делать. Потом увидел проект Григоряна – и отказался. Сказал, что лучше не придумать.

Иерусалим такой город, что искусства и архитектуры там, в общем-то, не нужно, там так много без них, что это даже лишнее. Но когда ходишь по его улицам, все время думаешь, как было бы правильно, если бы какой-нибудь архитектор осознал эту особую пластику концентрированной бесформенности, энергию какого-то пламенного хаоса, которым дарят тебя улицы, и научился делать такую же архитектуру. Ну вот это получилось. Юра передал ощущение, когда стена с тобой разговаривает, реагирует на тебя, как мобили Колдера.

Проект дома в Тель-Авиве

Он вообще много чего придумал на тему Иерусалима. Он умеет соединить немыслимую древность этого города с авангардной формой.

В 1949 году Филипп Джонсон, один из самых известных американских архитекторов, построил свой стеклянный дом в Нью-Ханаане. Этот стеклянный параллелепипед, абсолютно прозрачный, на ножках, кажется инопланетным объектом – версия идеального порядка, зависшая над землей и не пересекающаяся с обычной жизнью. Трудно представить себе что-нибудь более далекое от иерусалимских домов с их

хаотической на первый взгляд планировкой, нагромождением внутренних дворов, стремлением перепрыгнуть через улицу и расплодиться в соседнем квартале. Григорян в этом году спроектировал частный дом под Киевом. Дом в парке с дубами. Он свободно обтекает деревья, так что некоторые оказываются снаружи, а некоторые попадают во внутренние дворы дома. Если смотреть по плану, это традиционный дом Старого города. Внешние его стены глухие, а все внутренние дворы – стеклянные. И через окно кабинета вы видите двор с дубами, а за ним – собственную гостиную с горящим камином. Это изобретение, этого никто раньше не придумывал. Но суть изобретения – в соединении двух типов: авангардного стеклянного дома и того, который в Иерусалиме принято называть традиционной средиземноморской архитектурой. На тему того, что в архитектуре бывает еврейского, можно спорить бесконечно и толку не будет никакого. Но вот здесь что-то такое появляется. То, что, кажется, сложилось само собой, без всякого архитектора, вдруг переосмысливается и становится ясно найденной формулой. Формулой стены. Формулой плана. Это выглядит невероятно убедительно. Будто не только что придумали, а тысячу лет так строят.

Дом в Тель-Авиве. Архитектор Ю. Григорян

ДОРОГАМИ БРОДЯЧИХ СКРИПАЧЕЙ

Дмитрий Абаулин

В конце сентября в Москве выступил один из самых известных скрипачей мира Ицхак Перлман. Легендарный музыкант, родившийся в Тель-Авиве и живущий в Нью-Йорке, приехал в Россию после большого перерыва. В 1990 году он выступал в Москве и тогда еще Ленинграде. Тот приезд уже называют историческим – Перлман выступал вместе с Израильским филармоническим оркестром, и это был первый визит в нашу страну оркестра из Израиля. Несколькими годами раньше, в конце 1980-х, Перлман и Израильский филармонический оркестр стали такими же первыми ласточками израильской культуры в Польше и Венгрии. До того гастроли артистов из Израиля в странах социалистического блока были под негласным запретом.

С падением «железного занавеса» до нас стали доходить многочисленные записи Перлмана. Сегодня его искусство знакомо даже тем, кто далек от классической музыки. Голос его скрипки звучит в фильме «Список Шиндлера». Его приглашают играть в Белый дом во время ужина в честь королевы Елизаветы II и на инаугурацию президента Обамы.

Этой поистине всемирной славы сумел добиться выходец из бедной еврейской семьи, родившийся в британской Палестине в последние дни первой мировой войны и лишенный возможности ходить: в детстве Ицхак перенес полиомиелит и может передвигаться лишь при помощи костылей или в инвалидном кресле. В отличие от коллег-скрипачей, он играет сидя. Взамен утраченной возможности ходить ему достался уникальный дар, в котором сочетаются виртуозное мастерство и душевная открытость.

Слушая радиотрансляции классической музыки, он увлекся скрипкой. Серьезные занятия начал в Музыкальной академии Тель-Авива, а затем, когда семья переехала в США, учился в Джульярдской школе под руководством Ивана Галамяна – одного из лучших педагогов послевоенной Америки. Эту возможность Перлману принесло участие в телевизионном шоу Эда Салливана в возрасте 13 лет. В Интернете можно найти трехминутный фрагмент черно-белой съемки, на котором не по годам серьезный мальчик играет скрипичный концерт Мендельсона. Пришедшая к юному скрипачу слава как раз и помогла найти финансовую поддержку для обучения в Джульярдской школе.

С тех пор концерты Ицхака Перлмана с нетерпением ждут во всех музыкальных столицах мира. В свой нынешний приезд в Москву он дал два концерта. В Большом зале консерватории в ансамбле с пианистом Роханом де Силвой Ицхак Перлман исполнил скрипичные сонаты Бетховена и Леклера, «Итальянскую сюиту» Стравинского и после столь серьезной программы порадовал публику множеством виртуозных бисов. На следующий день он приехал в подмосковную Барвиху, чтобы играть музыку, которую любит ничуть не меньше, чем классические шедевры.

«Добро пожаловать в дом уличного скрипача», – произнес Ицхак Перлман, и концерт начался. Именно так – «In the fiddler's house» – назывался диск, выпущенный в середине 1990-х годов. На нем Ицхак Перлман играет в ансамбле с лучшими

американскими музыкантами, работающими в клезмерской традиции, – бостонским «Klezmer Conservatory Band», нью-йоркской группой «The Klezmatics» и ансамблем «Brave Old World».

Слово «fiddler», употребленное в названии диска, означает не совсем то же самое, что «violinist» – «скрипач». Это уличный, бродячий музыкант, играющий не в престижных концертных залах, а, как говорится, «на танцах и похоронах». А самое главное – на свадьбах, ведь без музыки еврейскую свадьбу представить себе невозможно. Именно таким бродячим музыкантом ощущает себя в душе прославленный скрипач. В аннотации к диску «In the fiddler's house» Перлман утверждает, что из всех его записей эта наиболее личная. «Это та музыка, которую вы могли бы услышать, если бы зашли ко мне в гости и я решил поиграть для вас вместе со своими друзьями», – говорит он.

С момента записи альбома прошло почти пятнадцать лет, но музыка клезмеров по-прежнему волнует и увлекает Перлмана. Время от времени он собирает превосходных музыкантов, многие из которых знакомы ему много лет, и на полтора часа погружается в музыкальную стихию еврейского праздника.

В недавно открытом концертном зале «Барвиха Luxury Village» Ицхак Перлман представил как раз такую программу. Он не был лидером коллектива из 14 человек и уж тем более не был на этом празднике гостем. Он был своим среди своих, не небожителем, а просто веселым скрипачом в ярком малиновом жилете. Дисциплинированно играл соло в положенные моменты, приятным баском подпевал общему хору в небольшой микрофон и с удовольствием слушал импровизации своих партнеров по ансамблю.

Вместе с Перлманом в Барвихе выступили многие музыканты, работавшие с ним на записи альбома «In the fiddler's house». Руководителем этой сборной звезд музыки клезмер стал мультиинструменталист Хэнкус Нэтски, основатель и руководитель бостонского коллектива «Klezmer Conservatory Band», носитель давних семейных традиций (его дядя и дед играли в клезмерских оркестрах Филадельфии еще в 1920-х годах). Нэтски солировал на саксофоне и фортепиано, пританцовывая, дирижировал, давал сигнал солистам, накаляя и без того горячую атмосферу на сцене. Вместе с Нэтски концерт вел еще один заслуженный деятель клезмерского возрождения второй половины XX века – скрипач и вокалист Майкл Алперт. Он пел соло и дуэтом с Джуди Бресслер, играл на скрипке в особой манере, когда инструмент прикладывается не к плечу, а почти упирается в грудь, танцевал под инструментальные проигрыши и комментировал концерт то на идише, то с грехом пополам на русском, забавно заканчивая перевод на половине фразы словами: «Ну, дальше вы сами поняли».

Антологию клезмерской классики начал «Бухарестский болгар» – зажигательный танец, в котором отчетливо звучат балканские мотивы. Среди традиционных тем клезмерской музыки есть и дойна. Музыка клезмеров – еврейских музыкантов Восточной и Центральной Европы – как губка впитала в себя мотивы многих региональных культур. Вот почему наряду со скрипками и медными духовыми инструментами в состав ансамбля часто входят цимбалы – своеобразный струнный инструмент, особенно распространенный в Молдавии и Румынии. Роль цимбалиста на концерте в Барвихе исполнил Курт Бьорлинг – еще один мультиинструменталист, чаще играющий на кларнете, но и с цимбалами обращающийся с завидным мастерством.

Феномен клезмерской музыки в том, что она, при простоте исходного материала, оставляет широкий простор для темпераментной импровизации. Лаконичная, буквально в несколько нот мелодия, близкая бытовой песне (а зачастую и на самом деле

песня) меняется в процессе исполнения до неузнаваемости: ускоряется темп, минорный лад чередуется с мажором, каждый из музыкантов получает возможность виртуозного сольного высказывания. В этом клезмер близок другой великой импровизационной традиции XX века – джазу. Вплоть до прямого взаимного влияния: в стилистике выдающегося джазового кларнетиста Бенни Гудмена можно найти немало элементов традиционной еврейской музыки, как, впрочем, и в современном клезмере слышно влияние джаза.

Кларнет можно назвать голосом клезмерского коллектива. Его характерный меланхолический звук, рыдающая нисходящая интонация узнаются с нескольких нот. Тем, кто пришел на концерт, выпало счастье познакомиться с великолепной кларнетисткой Айлин Сталь. Ее в шутку называют «Джими Хендриксом клезмерского кларнета». В юности мечтавшая играть рок-н-ролл, Айлин Сталь почему-то взяла в руки совсем не подходящий для этого инструмент, но не ошиблась в выборе. Ее вулканический темперамент и абсолютное слияние с инструментом производят ошеломляющее впечатление.

На московском концерте к группе медных из Бостона присоединился еще один корифей жанра – нью-йоркский трубач Фрэнк Лондон, солист группы «The Klezmatics». К сожалению, его соло оказались смазанными по вине звуковиков люксового зала, которые оказались профессионально не совсем готовыми к концерту и поставили на авансцене слишком остро направленный микрофон. В результате воздушный, летящий звук трубы Фрэнка Лондона был хорошо слышен, когда он играл в составе брасс-группы и совершенно пропадал, когда он выходил для сольной импровизации. К счастью, сольного концерта Фрэнка Лондона долго ждать не придется. В ноябре в составе «The Klezmatics» он выступит в Камерном зале Московского международного дома музыки в рамках фестиваля «Арт-ноябрь».

«Барвиха Luxury Village» вообще оказалась не самым удачным выбором места для концерта. Буржуазный зал с мягкими креслами не слишком подходит для музыки улиц, но это лишь полбеда. Удаленность от Москвы и заоблачные цены на билеты отсекали многих из тех, кто мог бы по-настоящему оценить мастерство музыкантов. Зал был заполнен не до конца, и среди публики оказалось неожиданно много случайных людей. Когда со сцены раздался призыв потанцевать, на него откликнулось всего четыре девушки. Компанию им составил Майкл Алперт. Можно подумать, остальные каждую неделю имеют возможность отплясывать под скрипку Ицхака Перлмана! Какой это уникальный момент, в свое время понял даже Телли – мохнатый герой сериала «Улица Сезам», упражнявшийся в игре на тубе. В этом комическом телевизионном скетче к начинающему духовику внезапно присоединяется Ицхак Перлман, и их совместное музицирование вдруг становится действительно прекрасным.

Похоже, Ицхак Перлман обладает счастливым даром искренне делать все, за что возьмется. Клезмер для него – не дань моде и не показное приобщение к традиции, а веление сердца. И когда перед одной из композиций он сказал, что играл эту музыку на свадьбе дочери, никто не удивился.

Говорят, клезмерской музыкой выдающийся скрипач увлекся как раз после той давней поездки в Россию. Теперь он приехал, чтобы поделиться с нами накопленным богатством.

ФАРРЕЛЛ И DJ PERETZ

Борис Барабанов

Весной 2009 года исполнилось 50 лет человеку, чье влияние на современную музыку сложно переоценить. Причем даже в столь солидном возрасте этот господин, похоже, сам до сих пор не определился, кто он в большей степени – певец, продюсер, диджей, общественный деятель, примерный верующий или серфер.

В апреле 2009 года колоритная компания собралась в лас-вегасском казино «Мираж», чтобы поздравить с днем рождения одного из самых ярких персонажей музыкальной сцены 1990-х. Том Морелло из «Rage Against The Machine», Сен Дог из «Cypress Hill», Марк Макграт из «Sugar Ray», Дебора Харри из «Blondie», звезда «Прирожденных убийц» Джульетт Льюис – все они пели в честь Перри Фаррелла, который впервые представил в рамках одного вечера две свои главные группы – «Jane's Addiction» и «Porno For Pyros». По его собственным словам, круче этого мог быть только Билли Айдол. Господин Айдол вышел на сцену и, по свидетельству очевидцев, выглядел «живым мертвецом» на фоне Фаррелла. Трудно было поверить в то, что он старше героя вечера всего на три года, а не на пятнадцать лет.

Перри Фаррелл, урожденный Перец Бернштейн, родился в нью-йоркском районе Куинс в семье ювелира. В три года будущий герой альтернативного рока лишился матери – она покончила жизнь самоубийством. Будучи совсем еще мальчишкой, Перец успешно влился в отцовский бизнес. Бернштейны переехали в Майами, а затем, окончив школу, юноша двинул в Лос-Анджелес. Главным содержанием жизни молодого человека был серфинг. Он работал на стройках, мастерил мебель, но денег на нормальное жилье все равно не хватало – приходилось спать в машине.

Рок-н-ролл и океан в Калифорнии находятся в непрерывном споре за юные души, и вот уже в начале 1980-х Перец Бернштейн меняет свое имя на Перри Фаррелл, что по звучанию похоже на «peripheral» – «периферийный». Особый предмет увлечения Перри Фаррелла – калифорнийский панк, а кумир – погибший в 1980 году Дарби Крэш из группы «Germs». Самоубийца договорился со своей возлюбленной Кейси Колой, что они покончат с собой вместе, введя друг другу смертельную дозу героина. Музыкант успел написать на стене «Здесь лежит Дарби Крэш» и отключился. Его подруга осталась жива, но попала в психушку. Смерть панк-рокера могла бы стать сенсацией, если бы не осталась в тени другого трагического события, произошедшего в тот же день, – убийства Джона Леннона. Перри Фаррелл решил, что должен занять место Дарби Крэша на локальном музыкальном Олимпе и влился в готик-панк-группу «Psi Com». Чтобы представить себе, как она звучала, достаточно знать, что в ту пору Перри с утра до ночи слушал альбом Joy Division «Closer». Суицидальное настроение песен Яна Кертиса передалось группе в полной мере. Колорита музыке «Psi Com» добавлял тот факт, что не желавший ни на секунду прекращать испытывать себя на прочность Перри Фаррелл имел обыкновение петь, находясь под воздействием псилоцибиновых грибов.

После распада «Psi Com» Перри сошелся с басистом Эриком Эйвери, вместе с которым создал группу «Jane's Addiction», в музыке которой слились хард-рок, фанк и даб. Фаррелл и Эйвери умудрились поссориться уже во время записи первого альбома «Nothing's Shocking» (1988). Певец потребовал себе 62,5% авторских отчислений,

предложив делить оставшиеся деньги поровну между тремя остальными членами группы. Трещина увеличилась, когда Эйвери, в отличие от Фаррелла, завязал с наркотиками и алкоголем. Уживчивость не была сильной чертой Перри Фаррелла, как и скромность. Тем не менее группа получила самые выгодные ангажементы, включая выступления на разогреве у Игги Попа и «The Ramones», а альбом был номинирован на «Grammy». Успех не залечил раны, во время работы над следующим диском – «Ritual De Lo Habitual» (1990) – Фаррелл и Эйвери записывали свои партии в разное время. В этот же период Перри Фаррелл пытался пройти курс реабилитации, а гитарист Дейв Наварро, напротив, находился в такой жесткой зависимости от героина, что впоследствии не мог вспомнить о процессе записи буквально ничего.

Перри Фаррелл и Дейв Наварро стали символами рок-н-рольного гедонизма конца 80-х – начала 90-х. Однако, помимо порочных страстей, их объединяла и тлеющая в глубине души боль утраты. В возрасте 15 лет на глазах Дейва Наварро его мать убил ее бывший любовник. Перри Фаррелл тоже не мог избавиться от травмирующих воспоминаний. Уже перешагнув порог сорокалетия, он признавался в интервью: «Я все еще в трауре... Но если с тобой в жизни случилось нечто подобное, единственно верный путь – попытаться сделать так, чтобы семена этой скорби дали жизнь прекрасным цветам». В песне «Then She Did» с «Ritual De Lo Habitual» были строки: «Она была художник, как ты, я был бы рад тебя с ней познакомиться... Она была несчастной, прямо как ты». Стихи были посвящены умершей от героиновой передозировки любовнице Фаррелла.

В поддержку «Ritual De Lo Habitual» «Jane's Addiction» отправились в тринадцатимесячное турне, на исходе которого музыканты на дух друг друга не переносили. Этот же тур стал стартом одного из главных начинаний Перри Фаррелла. Перед тем как распасться, группа выступила в роли хедлайнера первой «Lollapalooza», кочующего летнего фестиваля альтернативной музыки. Термин «alternative rock» тогда только еще входил в широкое употребление и получил хождение во многом благодаря «Lollapalooza». В первом фестивале приняли участие «Siouxsie And The Banshees», Айс Ти, «Living Colour», «Butthole Surfers», «Rollins Band», «Violent Femmes» и «Nine Inch Nails». Пока прочая шоу-индустрия выдавливала последние соки из хард-н-хэви, Перри Фаррелл рисовал новое лицо рока. Уже на следующий год на его фестивале играли фанк-рокеры «Red Hot Chili Peppers», «индустриаль» «Ministry», герои гранджа «Pearl Jam» и «Soundgarden» и новая группа Перри Фаррелла «Porno For Pyros». В 1996 году его компаньоны пригласили на роль хедлайнеров «Metallica», и это решение многие поклонники «Lollapalooza» встретили в штыки – фестиваль резко развернулся в сторону мейнстрима. Год спустя была сделана ставка на стадионную электронику вроде «The Prodigy», «Orbital», «The Orb». В этот период Перри Фаррелл, по его признанию, не слушал ничего, кроме электронной музыки.

1998 год фактически стал для Перри Фаррелла началом новой жизни. Он стал отцом (первенца назвал Йовелем, то есть «Юбилеем»), объявил о полном отказе от наркотиков и алкоголя и дал старт сольной карьере. Новые песни вышли в 2001 году в альбоме «Song Yet To Be Sung». «Не нужно далеко ходить, чтобы увидеть боль, страдание и агонию, но я больше не хочу передавать своей музыкой злобу, – говорил тогда Фаррелл. – Я по-прежнему использую громкий, сильный звук, но он выражает другие вещи – радостные, смешные, глубокие, сексапильные, может быть, даже нелепые». Критики отмечали влияние каббалы на новые тексты Фаррелла, а также смещение его интересов в сторону электроники и этнической музыки. В этот же период Фаррелл стал вегетарианцем и вступил в Американскую организацию по борьбе с рабством. Его друг Арон Коэн возглавил фонд «Jubilee Foundation», который занимался освобождением христиан юга

Судана, обращенных в рабство мусульманами с севера. Перри Фаррелл устраивал концерты, средства от которых перечислял в «Jubilee Foundation», а Коэн выкупал пленных, – на него даже объявила охоту «Аль-Каида», и благотворителю пришлось жить под чужим именем. Помимо борьбы за отмену рабства в Судане, Фаррелл активно участвовал в организованных коллегами-музыкантами кампаниях «Свободу Тибету» и «Простим долги», а также в дискуссиях на тему глобального потепления. Главной формой его самовыражения стали вечеринки, привязанные к циклу «юбилеев», праздников, описанных в книге Ваикра. Фаррелл выступал на них под именем DJ Peretz.

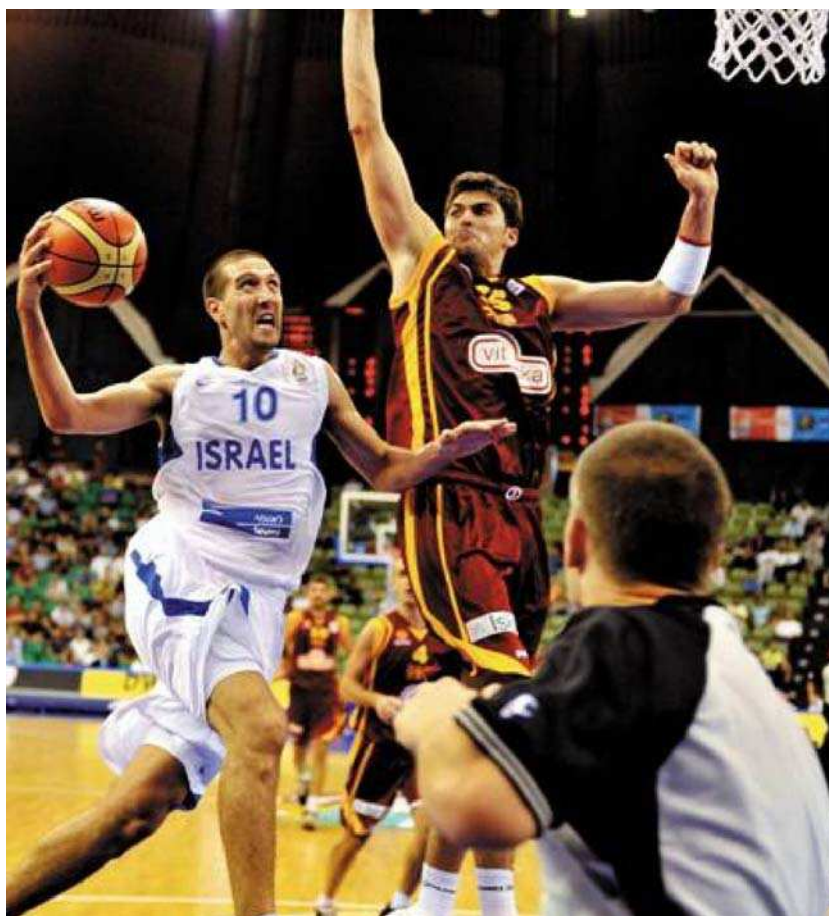
Вся сегодняшняя жизнь Перри Фаррелла делится между музыкой (в 2003 году «Jane's Addiction» выпустили третий альбом) и религиозно-общественной деятельностью. С 2005 года снова регулярно проходит «Lollapalooza», тогда же появилась идея «Kidzaralooza» – ориентированного на детей фестиваля, на котором, кроме Перри Фаррелла, в качестве гостей появляются фигуры уровня Слэша и Зигги Марли. В 2006 году в Пурим Перри Фаррелл выступил на дне рождения сан-францисского раввина Йосефа Лангера. Он превратил праздник в настоящий фестиваль актуальных еврейских музыкантов. Вместе с Фарреллом в вечере приняли участие Матисьяху, «Chutzpah» и «Moshav Band». Мероприятие стало регулярным и получило название «PurimPalooza». Летом 2009 года Перри Фаррелл осуществил свою самую заветную мечту – на «Lollapalooza» выступил кумир его юности Лу Рид.

Сегодня в поле зрения СМИ существуют два Перри Фаррелла. Один – глубоко религиозный Перец, не мыслящий и дня без Торы и беседы с духовными наставниками. Другой – просветленный гедонист Перри, женатый на танцовщице Этти Лау, матери двух его сыновей. Этот другой до сих пор слышит бисексуалом, а в клипах выступает в роли автора семейного софт-порно. Двое Фарреллов соседствуют без особых конфликтов. Главное, что третий, тот, что без конца экспериментировал с веществами и истязал себя воспоминаниями о смерти матери, остался в прошлом.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЧЕТВЕРКА

Марк Зайчик.

В Польше еще не успел завершиться очередной чемпионат Европы по баскетболу, как в Израиле уже не без удивления и естественной гордости отмечали, что, несмотря на неудачное выступление национальной сборной, четыре тренера местной баскетбольной школы работали с командами стран – участниц континентального первенства. Напомним, сборную Израиля возглавлял Цви Шерф, со сборной Болгарии трудился Пини Гершон, с польской командой – Мули Кацорин, а со сборной России – Дэвид Блат.

Матч между Израилем и Македонией. Чемпионат Европы – 2009. Польша

После групповых соревнований за три игровых дня из дальнейшей борьбы выбыли сборные Болгарии и Израиля. Команды эти не смогли превзойти серьезных соперников, что на самом деле не было большой неожиданностью для специалистов. Тренеры и игроки не смогли ничего сделать: противники оказались сильнее.

Но в данном случае тренеров вряд ли можно в чем-либо упрекнуть. У того же Шерфа было серьезное оправдание – отсутствие, по разным причинам, в составе сборной трех игроков стартовой пятерки: Меира Тапира, Йогева Охайона и Омри Каспи. Мог помочь команде и не приехавший на соревнования разыгрывающий Афик Нисим. Потери невосполнимые.

Было бы неверно замолчать тот очевидный факт, что на сегодняшний день выбор игроков такого уровня в стране недостаточен. Возможно, и поэтому тоже выступление израильской команды в Польше оставило столь малоприятное впечатление, хотя понятно, что смена поколений не проходит бесследно ни для одного коллектива.

Известные сомнения вызывает и ближайшее будущее сборной, так как место в следующем финальный турнир команда должна завоевывать в отборочном соревновании, а соперниками обновленной израильской сборной могут быть такие традиционно мощные команды, как сборные Италии, Черногории...

Что касается болгарской команды, то на родине от нее и не ждали выдающегося результата. Уже сам выход в финальный турнир явился беспрецедентным достижением для страны, в которой души не чают в израильском наставнике Пини Гершоне. Тренер совершил со своими питомцами настоящее спортивное чудо в отборочном турнире ЧЕ.

Дэвид Блат (сборная России) и Мули Кацорин (сборная Польши) пробились со своими питомцами в следующий этап соревнований. Причем задача у Блата была более чем сложная по причине молодости команды, отсутствия в ней знаковых игроков, очевидных лидеров (Кириленко, Хряпа, Холдена) и постоянной перетасовки состава из-за высокого травматизма в подготовительный период. Справедливости ради следует отметить, что в составах других сборных на этом турнире также не хватало ведущих мастеров.

Россияне прибавляли от игры к игре, выступая все мощнее и организованнее как в атаке, так и в обороне. Специалисты относили это на счет профессиональной и умной работы главного тренера команды – Дэвида Блата.

На втором этапе соревнований россияне обыграли сборные Хорватии, Греции, Македонии, произведя европейскую сенсацию, вышли в четвертьфинал чемпионата Европы.

Признаться, от команды этого не ожидали даже самые «железные» фанаты. В четвертьфинальном матче россияне встретились со сборной Сербии, соперником очень сильным и опасным. Сербь (тренер Душан Йвкович) оказались просто много лучше молодой российской команды и справедливо победили. Россия сложила с себя полномочия чемпиона Европы. По окончании соревнований россияне остались на седьмом месте.

Тренер российской сборной Дэвид Блат

Польская команда, несмотря на яростную поддержку трибун, дальше второго этапа пробиться в турнирной лестнице не смогла. Как сказал тренер польской сборной Кацорин: «Силы были неравны, наши соперники играют в баскетбол другого класса». Речь идет о таких сборных, как, к примеру, Испания и Словения.

Что ж, спортивная реальность оказалась сильнее тренерской мысли и воли. В принципе, так и должно быть.

Чемпионом континента 2009 года стала сборная команда Испании, показав выдающийся баскетбол в финальной игре, как, впрочем, и во всех предыдущих встречах чемпионата.

Противник испанцев по финалу, сборная Сербии не смогла противопоставить чемпионам серьезного сопротивления. Счет в финальной встрече – 85:63 (52:29).

На третьем месте ЧЕ-2009 сборная Греции. Испанская команда была безоговорочно лучшей на этих соревнованиях. Никто не мог составить конкуренции чемпионам.

Тренеры из Израиля, несмотря на относительную ограниченность в выборе игроков своих команд, доказали свою состоятельность и высокий класс. Четыре наставника из различных городов небольшой средиземноморской страны продемонстрировали оригинальность и самостоятельность подхода к подготовке своих коллективов.

Как бы ни сложилась их профессиональная судьба в дальнейшем, эти люди уже оставили значительный и яркий след в европейском баскетболе нового века, а это означает, что израильская тренерская школа приносит национальному спорту авторитет и уважение.

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ. КИНО РУЧНОЙ РАБОТЫ

27 сентября в одной из московских клиник на 62-м году от рака лимфы скончался актер и режиссер Иван Дыховичный.

Он родился 16 октября 1947 года в семье известного драматурга и поэта-песенника Владимира Абрамовича Дыховичного и балерины Александры Иосифовны Дыховичной (урожденной Синани). Позднее Иван Дыховичный констатировал, что именно атмосфера родительского дома, где бывали самые разные люди, от Пастернака до Соловьева-Седого, сформировала его как личность, определила те принципы и ценности, которым он будет следовать всю жизнь.

В 1969 году Дыховичный окончил актерский факультет Театрального училища им. Щукина, несколько месяцев проработал у Аркадия Райкина в Ленинградском театре миниатюр, а затем принял приглашение Юрия Любимова и перешел в Театр на Таганке. За десять лет, проведенных в театре, он сыграл Розенкранца в «Гамлете», Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир», Коровьева в «Мастере и Маргарите», Пушкина в спектакле «Товарищ, верь...». Подружившись с Владимиром Высоцким, посвятившим ему шуточную поэму «Про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Духовичного», Дыховичный стал сопровождать великого барда в поездках по стране и выступать с романсами в совместных концертах.

В 1982 году он окончил мастерскую режиссуры Эльдара Рязанова на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Впрочем, по воспоминаниям самого Рязанова, Дыховичный тогда находился под влиянием Тарковского и к советам учителя прислушивался не слишком. Одним из его курсовых проектов была короткометражка «Элия Исакович и Маргарита Прокофьевна» с Ниной Руслановой – по мотивам одноименного рассказа Бабеля.

А первой полнометражной картиной Дыховичного стала экранизация повести Чехова «Черный монах» (1988), получившая приз за лучший дебют на Венецианском фестивале. Четыре года спустя вышла «Прорва», которую многие до сих пор считают главным фильмом Дыховичного. Предпринятое режиссером исследование советского большого стиля, любование сталинским ампиром, переходящее без лобовых публицистических разоблачений в демонстрацию его потаенной хтонической изнанки, были восторженно приняты критикой.

Затем последовали «Музыка для декабря» (1995), «Копейка» (2002), «Вдох-выдох» (2006). Многолетние паузы между лентами говорят сами за себя: фильмы Дыховичного были штучной работой, их автор никогда не повторял сам себя, предпочитая эксперимент на грани, а то и за гранью «хорошего вкуса», постоянную смену манер, отказ от собственных вчерашних достижений. И в этом Дыховичный-режиссер не отличался от Дыховичного-человека – он и в жизни любил риск и скорость, не случайно его страстью были горные лыжи и спортивные самолеты.

Последней режиссерской работой Дыховичного стала только что законченная и еще не вышедшая в прокат комедия абсурда «Европа–Азия», где снялись телезвезды Ксения Собчак, Иван Ургант, Татьяна Лазарева, Сергей Шнуров. Дыховичный и сам

работал для телевидения – вел программы «Уловка 22» и «Невероятные истории», с 1998-го по 2000-й был главным режиссером телеканала «Россия». Однако здесь, как и в кино, он позволял себе братья лишь за то, что интересовало его самого, потому и отказался от предложения вести передачу «Как стать миллионером».

В прошлом году Дыховичный написал сценарий фильма о последних днях жизни Маяковского (за ним должен был последовать мини-сериал на ту же тему). На роль Лили Брик он пригласил Изабель Юппер, великая актриса дала предварительное согласие. Но из-за кризиса проект пришлось отложить...

Несколько лет назад режиссеру был поставлен диагноз: рак. Он держался с исключительным мужеством, восхищая друзей и поражая знакомых. В последних интервью Дыховичный повторял, что не хочет думать о смерти: «Это случится, безусловно, – со всеми нами это произойдет. Но я живу и хочу снять следующую картину».

Михаил Майков

МАРЕК ЭДЕЛЬМАН. ХРАНИТЕЛЬ ЕВРЕЙСКИХ МОГИЛ

2 октября ушел из жизни последний из руководителей восстания в Варшавском гетто, позже сражавшийся и в Варшавском восстании, а после войны ставший знаменитым кардиологом, пан Марек Эдельман.

Об этом, говоря словами Адама Михника, «польском еврее и еврейском поляке, соединявшем в себе бесстрашие польского улана с сарказмом и печалью еврея», издано много книг, а среди его собственных – «Гетто сражается», «И в гетто была любовь», но также и – «Инфаркт миокарда».

«Человечество договорилось, что умереть с оружием в руках – красивее, чем без оружия. Вот мы и придерживались этой договоренности. Речь шла только о выборе способа умереть», – сказал он Ханне Кралль, написавшей на основе бесед с ним пронзительную книгу о Варшавском гетто – «Опередить Г-спода Б-га». Эти слова пана Марека, ставшие заглавием книги, были его жизненной установкой, руководством к действию – и как бойца во время войны, и как врача, спешившего заслонить от дуновения смерти гаснущий огонек жизни.

Когда его спрашивали, почему он – единственный из уцелевших повстанцев Варшавского гетто – не уехал из Польши, он отвечал: «Здесь похоронен мой народ. Я остался потому, что я – хранитель еврейских могил». Он не уехал из Польши и после государственных антисемитских гонений 1968 года, даже несмотря на то, что решение эмигрировать приняла его жена, увозя с собой обоих детей. Он остался в Польше до конца жизни и потому, что не признавал за властями права указывать, где ему жить.

В Польше он стал «хранителем принципов и памяти», как сказал на церемонии прощания перед памятником Героям гетто Тадеуш Мазовецкий, первый посткоммунистический премьер-министр Польши. В новейшей истории Польши имя Марека Эдельмана, родившегося в Гомеле и навсегда сохранившего верность социалистическим убеждениям своей семьи, неслгибаемого бундовца, неутомимого борца, человека бескомпромиссного, прямого, для многих «неудобного», связано с демократической оппозицией режиму: он с самого начала (1976) сотрудничал с Комитетом защиты рабочих, подписывал письма протеста польской интеллигенции, был активным деятелем «Солидарности», за что был интернирован (1981), затем использовал свой опыт времен войны в работе в подполье (вплоть до 1989), руководил Комиссией по делам национальных меньшинств в Гражданском комитете Леха Валенсы, в 1989–1993 годах был депутатом сейма. Когда ему вручали высший польский государственный орден Белого орла (1998), Эдельман сказал: «Для меня этот орден в первую очередь – напоминание о 3 миллионах евреев, которые погибли в Польше; о 350 тысячах варшавян, которые прошли через ворота на Ставках и были погружены прямо в вагоны; о более чем 200 мальчиках, которые сознательно начали битву в Варшаве 19 апреля; о лагерях – Собиборе и Трешлинке, где было первое вооруженное сопротивление... Это орден польской земле, осиротевшей на три миллиона граждан. Граждан, которые вносили в человеческую жизнь красоту еврейской культуры... Присуждение этого ордена – напоминание, призыв, обращенный к демократическому миру: помните, что вам угрожает. Помните, что вы были пассивными, и больше пассивными быть нельзя. Чтобы больше не

было резни армян, Варшавского гетто, Камбоджи, Сараево и Косово. Собственно, это все, что я хотел сказать».

Но он не только говорил, он никогда не был пассивным: в 1990-х, например, уделял много внимания балканским событиям, лично перевозил гуманитарную помощь в Сараево.

Вручая Эдельману высшую награду Франции – орден Почетного легиона (2008), министр иностранных дел Бернар Кушнер признался, что в своей политической карьере не сделал ничего более важного, как нет для него и более важного человека.

Пан Марек похоронен с воинскими почестями 9 октября на еврейском кладбище Варшавы рядом со своими товарищами по оружию из Еврейской боевой организации.

Виктория Мочалова

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11(211)

Авторы номера

Дмитрий Абаулин (р. 1966) музыкальный и театральный критик. Публикуется в изданиях «Экран и сцена», «Культура», «Российская газета».

Борис Барабанов (р. 1973) журналист, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

Михаил Вайскопф (р. 1948) филолог, литературовед, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг «Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология».

Контекст», «Писатель Сталин», «Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма».

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд».

Михаил Гольд (р. 1972) журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Михаил Горелик (р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Симон Джекобсон (р. 1956) основатель «Центра жизни, полной смысла», преподаватель, автор книг «К жизни, полной смысла» и «60 дней: духовное руководство к праздникам». Тесно сотрудничал с Любавичским Ребе М.-М. Шнеерсоном. После смерти Ребе координирует публикацию его бесед. Возглавлял группу исследователей Сефер а-Ликутим – энциклопедии хасидской мысли (26 томов, 1977–1982).

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Исаак Башевис Зингер (1904–1991) еврейско-американский писатель, классик литературы XX века. В 1978 году был удостоен Нобелевской премии по литературе «За эмоциональное искусство повествования, которое, уходя своими корнями в польско-еврейские культурные традиции, поднимает вместе с тем вечные вопросы». До сих пор остается единственным нобелевским лауреатом, писавшим на идише.

Леонид Кацис (р. 1958) филолог («Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи»; «Осип Мандельштам: мускус иудейства»; «Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса»). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Борис Климан (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Сергей Кузнецов (р. 1966) журналист, прозаик (роман «Нет» [совместно с Линор Горалик], трилогия «Девяностые: сказка»), переводчик (Стивен Кинг, Сьюзен Зонтаг), филолог. Главный редактор сайта «Букник», основатель и руководитель компании «Sergey Kuznetsov Content Group».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Михаил Липкин (р. 1966) переводчик с английского и иврита («Пять отцов-основателей сионизма» Бенциона Нетаньяху).

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Виктория Мочалова филолог-славист, директор центра «Сэфер»; зав. Центром славяно-иудейских исследований Института славяноведения РАН; автор работ по истории и культуре восточноевропейского еврейства.

Синтия Озик американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Арье Ольман (р. 1969) гебраист, библеист, переводчик еврейских классических текстов. Доктор философии, сотрудник педагогической ассоциации «Новая еврейская школа», Института Штейнзальца, Центра Чейза по преподаванию иудаики на русском языке. Автор публикаций по филологии, библеистике и культурологии.

Леонид Словин (р. 1930) прозаик, автор популярных детективных романов «Дополнительный прибывает на 2-й путь», «На темной стороне Луны» (в соавторстве с Г. Вайнером), «Погоны, ксива, ствол» и др.

Ицхак Стрешинский (р. 1980) библеист, переводчик, автор статей по еврейской истории.

Елена Тартаковская филолог, театровед. Преподает историю театра в Актерской школе Софи Москович в Тель-Авиве.

Михаил Туваль (р. 1971) историк-религиовед, специалист по истории евреев в эпоху Второго храма.

Яков Шехтер (р. 1956) писатель. Член правления Союза писателей Израиля, международного ПЕН-клуба, председатель тель-авивского клуба литераторов.